

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: политология и социология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№4 2016

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

Е. В. Перерва, канд. истор. наук

Редакторы перевода:

Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;
Ю. В. Семикина, канд. филол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
И. А. Злочевский, канд. эконом. наук, доцент;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. Л. Кузванова, д-р социол. наук, доцент;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
А. А. Огарков, канд. эконом. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь);
С. С. Ермакова, секретарь

Адрес редакции: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС

400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления –
филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGIAY

- Морозов И. Л.* Террористический фактор неконтролируемой миграции – западный политический дискурс и прогноз для России..... 4
- Рвачева О. В.* Эволюция политических настроений донских казаков в 1920-е годы..... 7

- Morozov I. L.* Terrorist factor of non-controlled migration. western political discourse and forecast for Russia..... 4
- Rvacheva O. V.* Evolution of political moods of the don Cossacks in the 1920-th years..... 7

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

- Вишне夫斯基 В. С., Иванова Т. Б., Клейтман А. Л.* Миграция: факторы перелома тенденций..... 14
- Карчагин Е. В.* Что такое Big Data? В поисках определения..... 18
- Мкртчян Е. Р.* Возрождение магистратуры в современной России: особенности и проблемы..... 24
- Молоканов В. М.* Концепция нехватки рабочих рук в экономике России с позиции современной экономической теории..... 34
- Сивков Д. Ю.* Проблема квантификации в социальной и культурной антропологии..... 36
- Одинцов А. В.* К онтологии объединения баз данных в социологии..... 47
- Исаян Г. В.* Теоретические подходы к исследованию трудовой миграции..... 52

- Vishnevsky V. S., Ivanova T. B., Kleitman A. L.* Migration: factors of the change of tendencies..... 14
- Karchagin E. V.* What is big data? Searching for definition..... 18
- Mkrтчyan E. R.* Renaissance master in modern Russia: features and problems..... 24
- Molokanov V. M.* The concept of a shortage of labor resources in the Russian economy from the perspective of modern economic theory.... 34
- Sivkov D. Y.* The Problem of Quantification in Social and Cultural Anthropology..... 36
- Odintsov A. V.* On the ontology of databases integration in sociology..... 47
- Isayan G. V.* Theoretical approach in the research of labor migration..... 52

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

- Водяникова И. Ф.* Язык в антропогенезе..... 57
- Малявина С. С.* Кросс-культурное исследование религиозности современной молодежи..... 61

- Vodyanikova I. F.* Language in anthropogeny.. 57
- Malayvina S. S.* Cross-cultural study of the devoutness of modern youth..... 61

СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS

- Алексина Н. В.* Интересы России в Латинско-американском регионе на современном этапе... 68
- Бокман А. Е.* Социальное партнерство как условие обеспечения качества среднего профессионального образования на примере реализации проекта дуальной системы образования..... 70

- Aleksina N. V.* Russia`s interests in the Latin America at modern world..... 68
- Bokman A. E.* Social partnership as a condition of providing the quality of secondary vocational education on the example of the dual system of education..... 70

<i>Дудина О. С.</i> Теории становления и развития местного самоуправления.....	76	<i>Dudina O. S.</i> The theory of the formation and development of local self-government.....	76
<i>Зоткина М. В.</i> Влияние кадровых проблем на эффективность управления (на примере УФК по Волгоградской области).....	80	<i>Zotkina M. V.</i> How do recruitment problems influence the management efficiency? (for example of the federal treasury Volgograd branch).....	80
<i>Иванов В. А.</i> Положительное и отрицательное влияние манипулирования на государство и общество.....	89	<i>Ivanov V. A.</i> Positive and negative influence of manipulation on state and society.....	89
<i>Иманов Д. Э.</i> Информационный аспект национальной безопасности России на современном этапе развития.....	92	<i>Imanov D. E.</i> Informational aspect of national security of Russia at the modern stage of development.....	92
<i>Кочеткова Д. Р.</i> К вопросу об истоках и перспективах развития коучинга в современном мире.....	97	<i>Kochetkova D. R.</i> The question of the original and prospects of the development of coaching in the modern world.....	97
<i>Скоробогатова О. А.</i> Доступность ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации.....	101	<i>Skorobogatova O. A.</i> The availability of mortgage lending in the Russian Federation.....	101
<i>Патутина Е. Д.</i> Управление адаптацией персонала.....	104	<i>Patutina E. D.</i> Management of adaptation of personnel.....	104

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGIAУ

УДК 325.1:327(470)

ББК 66.4(0),32+66.4(2Рос),304

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ МИГРАЦИИ – ЗАПАДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПРОГНОЗ ДЛЯ РОССИИ

И. Л. Морозов

Аннотация. В статье раскрываются причины террористической угрозы для современных обществ и формулируется авторская позиция по предотвращению и борьбе с терроризмом. Представлен критический взгляд на силовые действия ведущих государств Запада и Россия в Сирии. Обосновываются возможные риски для России в связи с усилением роли ислама в социально-политической жизни ряда субъектов федерации, развитием радикальной ветви ислама, массовой миграцией исламского населения в традиционно славяно-православные территории.

Ключевые слова: терроризм, миграция, ислам, Запад, Россия, миграционная политика.

TERRORIST FACTOR OF NON-CONTROLLED MIGRATION. WESTERN POLITICAL DISCOURSE AND FORECAST FOR RUSSIA

I. L. Morozov

Abstract. The article says about reasons of the terrorism threat for modern societies. Author insists on his own position of prevention of the terrorism attack. The article criticizes military actions in Syria. We can see some risks for Russia because of the significant role of Islam in the social and political life in Russia's regions. The mass migration of the Islamic population into traditionally Slavic Orthodox territories and the development of the radical branch of Islam are factors that make the author to think about some possible risks.

Key words: terrorism, migration, Islam, the West, Russia, migration policy.

Западный мир столкнулся с новой тактикой террористических атак: теракты на территории западных стран в большинстве случаев не готовятся заранее, не координируются из командного центра. Идеи вдохновителей религиозного терроризма с Ближнего и Среднего Востока непредсказуемо находят исполнителей среди лиц, проникнувших в Европу или США под видом мигрантов, беженцев. Ситуацию усложняет то обстоятельство, что в ряде случаев исполнителями террористических актов становятся потомки мигрантов – граждане западных стран во втором-третьем поколении. Бессилие органов правопорядка основывается на невозможности заранее предугадать момент, когда тот или иной человек проникнется радикальной религиозной исламистской идеологией и устроит акт агрес-

сии, используя доступные подручные средства – от легально купленного стрелкового оружия (теракт в г. Орlando 12 июня 2016 г.) до грузовика (теракт в Ницце 15 июля 2016 г.). Это совершенно не похоже на ту модель террористической угрозы, к отражению которой готовились западные и российские спецслужбы в предшествующий период [3].

Бессилие Запада выражается не столько в неэффективности соответствующих спецслужб, сколько в экзистенциальной неготовности к возникшей угрозе. 12 июня 2016 г. в США сын выходцев из Афганистана Омар Матин, выросший в Америке и внезапно дистанционно присягнувший на верность «Исламскому государству», расстрелял г. Орlando около 50 человек. Американские лоялистские СМИ отреагировали на этот

случай стандартно – постарались представить событие как бытовое насилие, а присяга на верность «Исламскому государству», совершенная О. Матином накануне бойни, трактуется в СМИ как лицемерная, призывающая замаскировать истинные мотивы чисто психологического свойства.

Однако трактовать аналогичные события в таком смысловом ключе становится все труднее. Уже после теракта братьев Царнаевых в г. Бостоне 15 апреля 2013 г. гражданское общество США стало задаваться вопросом, почему так поступают люди, которым Америка дала больше, чем могла бы дать их собственная родина? Комментируя происшествие в г. Орlando и политкорректную реакцию президента США Барака Обамы, республиканец-ультраконсерватор Дональд Трамп заявил: *«Наше руководство слабо и неэффективно, мы должны быть тверже... В своем выступлении сегодня президент Обама позорно отказался даже сказать слова радикальный ислам. Только по этой причине он должен уйти в отставку. Мы должны защитить всех американцев из всех слоев общества и всех вероисповеданий от радикального исламского терроризма, которому нет места в открытом и толерантном обществе»* [4].

Неприятность заявления Дональда Трампа для политической элиты США в том, что впервые не маргинал, а успешный бизнесмен и политик, опирающийся на американский средний класс, рискнул открыто призывать общество пересмотреть официальную политическую позицию в отношении ислама и по итогам пересмотра принять практические меры – до предела затруднить доступ на территорию США мигрантам из исламских стран.

Общепринятая в политических кругах США и стран Евросоюза точка зрения на совершаемые мигрантами-исламистами террористические акты заключается в том, что ислам есть сугубо мирная религия, которую лишь отдельные отщепенцы из числа сумасшедших, политических аферистов и откровенных бандитов пытаются использовать для оправдания своих преступных действий. И поэтому не следует придавать большого значения исламским лозунгам из уст таких людей. Такая позиция близка не только американской и европейской, но и российской политической элите.

Когда террористка-смертница Наида Асиялова совершила 21 октября 2013 г. теракт в заполненном людьми волгоградском автобусе, вместо фокусировки внимания на ее радикальных религиозных убеждениях в СМИ стали рас-

пространять информацию, согласно которой женщина была поражена неизлечимой болезнью, мучилась от болей в костях и потому искала способ уйти из жизни [6]. 29 февраля 2016 г. Гульчехра Бабакулова бродила по улицам Москвы, потрясая головой убитого ею четырехлетнего ребенка, выкрикивала исламистские лозунги, но российское правосудие не решилось классифицировать событие как террористический акт, сочтя женщину невменяемой, а ведущие российские СМИ посчитали целесообразным свести в медийном пространстве обсуждение данной трагедии к минимуму, получив в этом одобрение представителей администрации Президента РФ [2].

В российской научной и публицистической традиции по понятным причинам утвердились смысловые обороты, задача которых не допустить в политическом сознании граждан выстраивания в ассоциативный ряд таких понятийных категорий, как «мигрант» + «ислам» + «терроризм». Можно и нужно критически воспринимать позицию американского популиста Дональда Трампа, вбросившего в мировое медийное пространство идеологему «радикальный ислам», однако широкой дискуссии относительно права на существование и смысловое содержание данного термина в ближайшем будущем уже не избежать.

Стандартная медийная смысловая формула о противостоянии традиционного ислама и отщепенческих салафистских течений уже не дает исчерпывающего объяснения современным процессам как минимум с методологической точки зрения: масштабы современного терроризма таковы, что его уже не выдать за действия одиночек или отдельных маргинальных групп. Радикализм как флуктуация традиционного ислама – это один масштаб, радикализм как развивающийся альтернативный тренд в исламе, постепенно разрушающий традиционный ислам, – это другой масштаб.

К сожалению, можно найти аргументы и в пользу второй трактовки. Это нарастающая частота и эффективность исламистских террористических актов на всех континентах. Это тот факт, что исламские радикалы выстроили относительно устойчивое квазигосударство «Исламский Халифат» (ИГ/ИГИЛ), с которым сражается коалиция ведущих мировых держав с привлечением самой современной военной техники и технологий Запада, вооруженных ресурсов живой силы Ирана, Ирака, Сирии. Война против «Исламского Государства» идет несколько лет, но победа коалиции все еще под вопросом.

Политической науке в ближайшем будущем предстоит дать ответ на два принципиальных вопроса, от решения которых будет зависеть тот или иной тип построения системы антитеррористической безопасности России и других стран.

1) Происходит ли в современном исламе нераспознанный или недооцененный западной наукой опасный процесс массового перерождения из религии в политическую идеологию мобилизующего экспансионистского типа на религиозной основе или не происходит?

2) Существует ли выдвинутый С. Хантингтоном феномен «войны цивилизаций» или не существует?

В зависимости от ответа на эти вопросы придется оценивать процессы, происходящие как во внешнем мире, так и в национальных республиках Российской Федерации, социальная ситуация в которых будет ухудшаться по мере развития экономического кризиса [1, с. 2–8].

Идеологическая позиция политических элит США, Европы и России построена на глобалистском мировосприятии, ориентированном на спекулятивный транснациональный капитал, «инвестиционные пузыри», игру на разнице курсов валют, «оказание услуг», гипертрофированное развитие «индустрии развлечений» и т.д., объективно подводит к отрицательному ответу на оба поставленных выше вопроса. Так как в случае положительного ответа глобализацию как проект придется «закрывать», возвращаясь к системе мировой экономики как кооперации автономных экономик наций-государств, что в корне поменяет состав финансовой, а значит и политической элит. Поэтому можно ожидать продолжение линии на максимально долгое удержание status quo – открытые финансовые границы, противодействие наплыву мигрантов, призывы к собственному населению сдержанно реагировать на постоянные террористические акты, подавление любых признаков «национализма» в политическом сознании.

Достойной сожаления представляется настойчивость, с которой ведущие государства Запада и отчасти Россия стремятся силовым путем модерировать современный политический процесс на Ближнем Востоке, что оборачивается массовой гибелью и бегством прежде всего гражданского, мирного населения дестабилизированных регионов и ответными террористическими атаками, приводящими к гибели граждан США, европейских стран и России. Как отмечает Кеннет Поллак (Институт Брукинга): «Возможно, самым большим преимуществом невмешательства Соединенных Штатов в дела Ближнего

Востока станет снижение террористической угрозы. Террористы из региона атакуют американцев в основном потому, что недовольны их политикой на Ближнем Востоке. Точно так же они совершают теракты во Франции и Великобритании, поскольку эти страны – твердые союзники Соединенных Штатов (и бывшие колониальные империи), и начали атаковать Россию после ее вмешательства в дела Сирии» [5, с. 47]. Продолжая мысль американского политолога, отметим, что в российской политической публицистике «не принято» сопоставлять две весьма близкие и характерные даты. 30 сентября 2015 г. Совет Федерации РФ в ответ на запрос Президента фактически открыл военную операцию в Сирии. 31 октября 2015 г. в воздушном пространстве Египта в результате террористического акта исламистов оборвались жизни более двухсот россиян-туристов. В один день Россия понесла потери среди гражданских лиц намного большие, чем последующие официальные потери среди российских военных, принимающих участие в сирийской войне.

Применительно к России не вызывает сомнения тот факт, что за последние два десятилетия:

- роль ислама как регулятора социально-политических отношений в национальных республиках России, для которых ислам является традиционной религией, качественно выросла;

- в данных республиках развивается радикальная ветвь ислама, и, несмотря на усилия местных и федеральных властей, пресечь этот процесс пока не удается;

- обозначилась тенденция массовой миграции исламского населения из традиционно исламских регионов России в традиционно славяно-православные, и, соответственно, идет процесс размывания исторического ядра русской цивилизации, в том числе и в демографической его части.

В качестве практических рекомендаций по противодействию террористической угрозе необходимо осуществить следующий комплекс мер:

- России следует ввести жесткий визовый режим со всеми странами без исключения, включая «ближнее зарубежье»;

- введение запрета на двойное гражданство;

- выявленные нелегальные мигранты подлежат безусловной и быстрой депортации без права последующего возвращения в Россию;

- упорядочить предоставление российского гражданства иностранным гражданам в сто-

рону усиления проверки претендентов на предмет скрытой криминальной деятельности;

- ввести правовую норму лишения предоставленного ранее российского гражданства мигранту, уличенному в экстремистской деятельности, под определение которой подпадает и активное, регулярное и целенаправленное общение с носителями экстремистских идеологий, в том числе и в социальных сетях.

Эпоха глобализации постепенно заканчивается своим логическим кровавым финалом. Потому лидерам государств следует приступить к укреплению национальных систем обеспечения безопасности на территории собственных стран, обустройству границы, усилению визового контроля вместо попыток модернизации политического процесса в глобальном масштабе.

Библиографический список

1. Бельских, И. Е. Кризис региональной экономики 2015–2017 гг. в России: поиск альтернатив развития [Текст] / И. Е. Бельских // Региональная экономика: теория и практика. –

2014. – № 26.

2. Куда подевалась «кровавая няня»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/183113> (дата обращения: 23.07.2016).

3. Мид, У. Власть, террор, мир и война [Текст] / У. Мид. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 208 с.

4. Орландо – трамплин для Трампа? Радио Свобода. Опубликовано 14 июня 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.svoboda.org/content/transcript/2779749_0.html (дата обращения: 23.07.2016).

5. Поллак, К. Борьба или бегство. Выбор Америки на Ближнем Востоке [Текст] / К. Поллак // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 3.

6. 30-летняя Наида Асиялова была смертельно больна и ей нечего было терять [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. Волгоград. – Режим доступа: <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26148.5/3037585/> (дата обращения: 23.07.2016).

УДК 94(47=161.1)''1920''
ББК63.3(2Рос)-283.31

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ
ДОНСКИХ КАЗАКОВ В 1920-е гг.¹**

О. В. Рвачева

Аннотация. 1920-е гг. в советской стране были очень насыщенными с точки зрения социально-политических и экономических мероприятий власти. Изменения в социально-экономической и политической сферах оказывали непосредственное воздействие на настроения общества. Статья посвящена проблеме формирования и развития политических настроений донского казачества в период утверждения советской власти и развития процессов социалистической модернизации. Анализируется влияние на изменения в политических настроениях донского казачества мероприятий власти, а также выявляются основные тенденции развития политических настроений данной группы населения.

Ключевые слова: история, политические настроения, донское казачество, политика советско-партийного руководства.

**EVOLUTION OF POLITICAL MOODS
OF THE DON COSSACKS IN THE 1920-th YEARS**

O. V. Rvacheva

Abstract. The 1920th years in the Soviet country were very saturated from the point of view of socio-political and economic actions of the power. Changes in social and economic and political spheres made direct impact on moods of society. Article is devoted to a problem of formation and development of political moods of the Don Cossacks in the period of the statement of the Soviet power and development of processes of socialist modernization. Are analyzed in-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-11-34003 «Социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.»

fluence on changes in political moods of the Don Cossacks of actions of the power, and also the main tendencies of development of political moods of this group of the population come to light.

Key words: history, political moods, Don Cossacks, policy of the Soviet and party management.

Изучение общественных настроений как социального феномена, оказывающего воздействие на многие сферы жизнедеятельности государства и общества, является актуальной политической практикой и важной научной задачей, позволяющей выявлять и анализировать факторы и механизмы воздействия на настроения общества, возможности управления общественными настроениями.

Общественные настроения – многообразный и многослойный феномен. Предметную направленность его составляют политические, социальные, культурные и др. настроения, различающиеся также и по уровню социального накала, например, настроения социальной апатии или напротив – подъема. Изучение политического аспекта общественных настроений особенно востребовано здесь и сейчас, когда необходимо оценить, например, характер взаимоотношений общества и власти, отклик общества на те или иные действия власти, возможности реализации того или иного политического курса и т.д.

Вместе с тем, на наш взгляд, исторический аспект изучения общественных настроений, особенно их политической направленности, может представлять немалый интерес для современного политического анализа взаимоотношений государства с обществом в целом и с отдельными социальными группами. В частности, таким интересным и важным историческим феноменом являются политические настроения казачества, формировавшиеся под воздействием, прежде всего, действий советско-партийного руководства в период становления и укрепления советской системы.

Формирование общественных настроений в Советском государстве в период 1920–1930-х гг. происходило под знаком кардинальных социально-политических и экономических преобразований. Происходившая модернизация и масштабная трансформация всех государственно-общественных систем была сопряжена с определенными политическими действиями власти. Новая политическая идеология ломала и трансформировала мировоззрение различных социальных групп, стирая прежние социальные границы. Для казачества это выразилось в процессе, получившем образное наименование «расказачивания», подразумевавшее изживание специфического статуса и положения казаков как военно-служилого сословия и уравнивание их с крестьянством.

Кроме этого, на казачестве весь период 1920–1930-х гг. отражались события Гражданской войны. Казаки считались потенциально политически ненадежными, отслеживание настроений этой группы велось постоянно как со стороны власти, так и со стороны специальных органов политической спецслужбы – ГПУ НКВД. От казаков ожидалось проявление политического и социального протеста. Однако политическое настроение казачества, как и других социальных групп, менялось под влиянием как планомерных действий власти, так и различных ситуативных переменных.

Таким образом, цель данной статьи – выявить и проанализировать изменения политического настроения донского казачества в 1920-е гг., а также определить факторы, влиявшие на изменение политического настроения данной группы.

Период 1920-х гг. был чрезвычайно насыщенным и противоречивым с точки зрения происходивших событий. На протяжении десятилетия неоднократно менялся экономический и политический курс страны. На смену военному коммунизму пришел НЭП, который затем сменился курсом на всеобщую коллективизацию. Жесткий репрессивный политический курс большевиков в начале 1920-х гг., продиктованный необходимостью утверждения и удержания власти, постепенно сменялся диалогом с обществом, что выразилось в политике «лицом к деревне», основные направления которой были сформулированы на XIII съезде партии в 1924 году. Однако во второй половине 1920-х гг. вновь усилилось репрессивное политическое направление. Все эти колебания отражались на общественных настроениях и в наибольшей степени проявлялись в изменениях политического настроения.

Политические настроения общества – это, прежде всего, настроения, отражающие восприятие власти. Для донского казачества это были настроения по поводу проведения политического курса страны, деятельности партийных органов, а также советских органов управления.

В начале 1920-х гг., сразу по окончании Гражданской войны в Донской области, казачье население, преимущественно воевавшее на стороне антибольшевистских сил, оказалось в непростой ситуации. Большевистская власть относилась к казакам настороженно, отслеживая малейшие изменения в их настроениях. Отмечалось, что «настроение казачества не такое уж

хорошее, чтобы им можно было хвастаться» [18, л. 25], что казачество остается антисоветски настроенным и «держит нос по ветру» [18, л. 25].

Наибольшее беспокойство у представителей власти вызывали контрреволюционные настроения в среде казачества, проявлявшиеся в форме поддержки бандитизма, активизировавшегося в 1920–1922 гг. в ряде округов Донской области. По данным ОГПУ по верхнедонским округам в Сталинградской области в начале 1920-х гг. контрреволюционными выступлениями с участием казаков были охвачены 20 районов [1].

Контрреволюционными выступлениями в этот период именовался, прежде всего, бандитизм. Наиболее известными выступлениями такого рода являлись в Донской области действия банд Н. Махно, К. Вакулина, И. Колесова, Я. Фомина. Так как активной силой таких выступлений были красные командиры и красноармейцы, выступавшие против продразверстки, осуществлявшие террор против представителей власти на местах и выдвигавшие нередко политические лозунги, например: «... долой комиссаров, да здравствует власть народная, на принципах братства равенства и свободы» [10, с. 535], – то и выступления подобного рода характеризовались как повстанческие, контрреволюционные или как политический бандитизм.

Однако в действительности протестная активность казачьего населения была низкой. Как крестьяне, так и казаки, хотя и оказывали пассивную поддержку повстанцам, но в целом остались глухи к их антибольшевистской агитации и активной поддержки повстанцам не оказали [10, 19]. Причинами такого поведения казачье-крестьянского населения, по мнению исследователей, стали как действия самих повстанцев, например, махновцев, грабивших лошадей и собравший по продразверстке хлеб, так и память о «красном терроре» после Вешенского восстания 1919 года [9, с. 448, 449, 455].

Отношение казаков к власти в рассматриваемый период было многоаспектным и имело множество характеристик и политических оттенков. Так, среди представителей власти выделяли коммунистов, комиссаров, большевиков, представителей местных советов, деятелей ревкомов. Нюансы отношений к власти проявлялись в лозунгах тех же повстанцев: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров! ... Долой коммунистов и комиссаров, да здравствует власть народа на местах...» [9, с. 535, 536]. Комиссары и коммунисты вызывали особое неприятие населения. По свидетельству самих

партийных работников, после активных действий Красной армии по подавлению антибольшевистского движения население было настолько запугано, что боялось даже самого слова «коммунист», и партработники старались не упоминать это слово [17, с. 14].

Однако, если судить по тем сведениям, которые представляли партийные работники с мест, в настроении казачества по отношению к власти не было какой-то четко выраженной позиции. Среди основной массы казаков присутствовало в отношении партии как недоверие и опасение (отголосок Гражданской войны), так и удовлетворительное и сочувственное отношение. Кроме того, среди казаков были и такие, кто стоял на позициях большевиков, как, например, делегаты от Донской области на I Всероссийский съезд трудового казачества в 1920 году.

В целом по уровню эмоционального накала политические настроения донского казачества в 1920–1922 гг. были ближе к апатии, чем к активным действиям. Казачество сильно пострадало в период Гражданской войны, было экономически разорено, понесло значительные людские потери. Кроме того, значительная часть активного казачьего мужского населения ушло в эмиграцию. В такой ситуации у казаков не было потенциальных возможностей для активного протеста.

В 1924 г. изменяется политический курс партии в отношении крестьянства в целом и казачества в частности. На XIII съезде партии была принята новая политическая линия получившая наименование лицом к крестьянству, а в казачьих областях юга России – «лицом к казачеству». Выразилась она, прежде всего, в том, что казачество решено было активно вовлекать в процессы советского строительства, в частности, в выборы в местные советы. К середине 1920-х гг. изменилось и отношение казачества к новой власти – вместо недоверия и отстраненности от участия в процессах советского строительства казаки демонстрируют вовлеченность и в хозяйственные, и в административно-управленческие процессы. На смену политической апатии приходит активное участие казаков в государственном строительстве.

Среди комплекса факторов и причин, способствовавших формированию диалога между казаками и властью, хотелось бы выделить декреты и постановления об амнистиях участникам антибольшевистских военных формирований 1921, 1924 и 1925 годов. Результатом этих амнистий стало развитие в эмигрантской среде возвращенческих просоветских настроений и массовое возвращение казаков из эмиграции в Россию.

К началу 1923 г. реэмиграция приняла массовый характер [13, с. 71]. В ходе нее на Дон вернулись не только рядовые казаки, но и имевшие офицерские чины. Многие были сразу восстановлены в избирательных правах. В результате контингент избирателей в станичные и хуторские советы пополнился активным населением.

В 1924 г. на территориях бывших казачьих войск начинается масштабная реформа по укреплению и расширению функции советов. Вовлечение казачества в Советы, их «оказачивание» становилось одной из важнейших задач большевиков на Юге России. Связано это было, прежде всего, с тем, что к середине 1920-х гг. в станичных советах казачье население, главным образом в результате последствий расстановки противоборствующих сил в гражданской войне, оказалось представлено непропорционально своей численности.

Стратегия вовлечения казачества в систему советского управления и формирования у него просоветских настроений в целом была довольно эффективной. Так, если в выборах в советы на Дону и Кубани осенью 1924 г. участвовало только 30 % населения, то в мартовских перевыборах в советы приняли участие 40,6 % [13, с. 91]. Перевыборы показали, что казачество активизировало свое участие в политической жизни страны и в целом перестало относиться к советам, как чуждым для него органам власти и управления. В результате перевыборов представительство казаков в советах на Дону выросло в среднем на 12–13 %. Казаки активно выдвигались на должности председателей советов [13, с. 95].

Политическую активность в перевыборном процессе проявила и казачья станичная элита: атаманы, низшие офицерские чины, зажиточные казаки. Отношение большевиков к таким проявлениям политической активности казаков было двойственным. С одной стороны, представители партийных органов на местах были обеспокоены этим и расценивали ситуацию как проявление «кулацкой» антисоветской активности [16, с. 45]. С другой стороны, констатировалось, что эти представители станичной элиты «...подошли ближе к советам и осоветизировались...» [12, с. 23].

Кульминационным моментом середины 1920-х гг. по формированию просоветских настроений у казачества стало принятие в апреле 1925 г. на Пленуме ЦК резолюции «О казачестве». Положения резолюции можно характеризовать как систему механизмов и стимулов по инкорпорированию казачьего сообщества в советскую систему. Предлагалось учитывать осо-

бенности культуры и традиций казачества, не допускать в отношении них насильственных мер по искоренению этих традиций, широко привлекать казаков к советскому строительству [14, с. 349]. Для казаков это должно было означать расширение границ политического доверия власти к сообществу и формировать ответную политическую лояльность.

Более подробно мероприятия, механизмы и формы вовлечения казаков в советское строительство были обсуждены на Краевом совещании по работе среди казачества при Крайкоме РКП(б) Северо-Кавказского края, проходившего с 22 по 26 августа 1925 года. Выступления делегатов совещания и принятые резолюции позволяют выявить комплекс усилий власти по стимулированию у казаков личной заинтересованности и мобилизации усилий для участия в социалистическом строительстве. В числе прочего казаков предлагалось активно вовлекать в партию и комсомол.

Материалы совещания показывают, что власть прилагала значительные усилия для формирования у казаков положительного настроения, создания у них мотивации для работы в советской системе. Глава Северо-Кавказского крайкома А. И. Микоян так охарактеризовал намерения власти в этом направлении: «На данной стадии развития революции мы добились того, что основная часть хлеборобов, крестьян и казаков середняков – нейтрализована. Однако это нас удовлетворить ни в коем случае не может... Мы должны суметь привлечь их на нашу сторону. Мы должны их сделать нашей опорой, мы должны добиться их доверия, мы должны им сами доверять, и мы будем строить советскую власть, опираясь на них, строить их руками и при их помощи» [12, с. 11–12].

Действия советско-партийного руководства по формированию лояльного политического настроения среди казачества были достаточно успешны. Казачья молодежь активно включалась в комсомольские мероприятия, вступала в комсомол. Более массовым стало и представительство казаков в партийных органах на местах, что укрепляло и партийные структуры, так как казак-коммунисту доверяли все-таки больше, чем иногороднему, так как казак-коммунист воспринимался как «свой человек» [8, с. 21–22].

Перевыборы в советы 1925 г. показали сложность и противоречивость социально-политических настроений казачьих станиц. Резко обострились сословные противоречия, проявившиеся в форме конфликтов казаков и иногородних в период выборов. Обозначилась новая фор-

ма недоверия казаков к большевистской власти, проявившаяся в том, что на выборах казаки отказывались голосовать за кандидатов в советы из местных партийных ячеек. Вместе с тем переборы выявили, что казачество перестало относиться враждебно к советам, и в нем проснулось стремление к участию в политической жизни [13, с. 91].

Кризис НЭПа и начало сталинской коллективизации привели к проявлению казачеством протестного поведения. Особое неблагополучие наблюдалось в Донском, Кубанском, Армавирском, Терском округах в связи со значительным количеством в них казачьего населения.

После начала коллективизации усилился политический контроль настроений и действий казаков, часть которых начала открыто проявлять недовольство политикой коллективизации. Кроме этого, в 1927–1928 гг. в связи с ухудшением международной обстановки среди населения распространились слухи о возможной войне с империалистическими державами. В казачьих округах Юга России распространялись настроения антисоветского характера, желания войны и поражения СССР. В 1928 г. в Северо-Кавказском крае наблюдался устойчивый уровень недовольства населения и рост антисоветских выступлений.

В обзоре политического состояния казачества, сделанного органами ГПУ по Нижне-Волжскому краю ориентировочно за 1927–1928 гг., говорится об отголосках среди казачества международных событий. Сводки ГПУ отмечают разницу в настроениях различных групп казачества относительно возможного начала новой войны. Так, бедняцко-средняцкая часть населения отрицательно относилась к возможной войне, опасаясь, прежде всего, за состояние своего хозяйства: «...и так с силой не соберемся, а тут опять про войну толкуют, нет уж лучше в могилу лечь, чем так разоряться, да с голоду пухнуть», «...хорошо бы чтобы советское правительство не допустило войну, жить стало лучше, все есть, если же откроется война, опять ничего не будет, все опять придет к упадку» [5, л. 76]. К категории лиц, ожидавших войны как непрямого условия падения советского строя, по сводкам ГПУ относились «станичные кулаки, частные торгаши и некоторая часть бывшего белого офицерства» [5, л. 77]. К наиболее реакционной среде относили белое офицерство, чиновничество, которым приписывалась и потенциальная возможность восстания против советской власти.

Аналогичные настроения отмечались властью и на других казачьих территориях Юга Рос-

сии. Слухи о близкой войне со странами Антанты взбудоражил и все слои общества. Конфронтационность настроений быстро росла. По мнению А. В. Баранова, на казачьих территориях Северо-Кавказского края большая часть станичной бедноты воинственно поддерживала власть и требовала оружия. Противоречиво отзывались на «тревогу» бывшие партизаны и красноармейцы. Они сочетали воинственность с желанием «штыками вычищать засевших бюрократов» и «подраструсить всю верхушку» [11, с. 293; 6, с. 15]. Средняки опасались разорения из-за военных реквизиций: «Пусть будут налоги, но не будет войны» [6, с. 16].

Зажиточные крестьяне и казаки, служащие и торговцы надеялись на поражения СССР. Распространялись настроения ожидания белого десанта в лице эмигрантов, что могло бы послужить детонатором открытого военного конфликта казаков с властью: «дай только войну, и на Кубани пойдут восстания». Надежды возлагались на то, что одновременный нажим на большевистскую власть извне и изнутри приведет к кардинальному изменению строя [6, с. 16]. При этом, по мнению А. В. Баранова, помня о красном терроре 1920–1924 гг., зажиточные хлеборобы боялись арестов и заложничества и были готовы первыми прибегнуть к насилию, чтобы обезопасить себя [6, с. 16].

С нарастанием политики сплошной коллективизации и ужесточения режима хлебозаготовок стали расти не только протестные настроения, но и прямые выступления против советской власти. По отчетам ОГПУ в Северо-Кавказском крае за май-июнь 1929 г. отмечено 1047 выступлений и 183 теракта против хлебозаготовок [11, с. 295].

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. характеризовался как этап открытой конфронтации, период ожесточенного противоборства между крестьянством и казачеством, с одной стороны, и сталинским режимом – с другой [16, с. 140]. Документы ОГПУ фиксируют устойчивый рост контрреволюционных повстанческих организаций в Северо-Кавказском крае и Нижне-Волжском крае. Однако анализ деятельности таких организаций среди донского казачества позволяет говорить о преувеличении и, в ряде случаев, прямой фальсификации контрреволюционных действий донских казаков. Одно из наиболее известных уголовных дел конца 1920-х гг. – дело Х. В. Ермакова, главного героя романа М. А. Шолохова «Тихий Дон», которого в 1927 г. обвинили в контрреволюционной деятельности, было основано на бездоказательных показаниях свиде-

телей, что Ермаков «ненавидит Советскую власть, идет против нее, объединяет вокруг себя бедноту» [2]. Х. В. Ермаков был расстрелян, а в последствие реабилитирован.

Другое не менее известное дело А. С. Сенина – прототипа одного из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» – еще более показательна в плане надуманности и сфальсифицированности контрреволюционной деятельности участников контрреволюционной повстанческой казачьей организации, якобы существовавшей в нескольких районах Донецкого округа. В организации числилось 33 человека. Оружия у членов организации не было. Члены организации были разрозненны по нескольким населенным пунктам, максимальная концентрация членов организации в одном населенном пункте составляла 15 чел., в остальных – не более 5–6 чел., а в некоторых 1–2 человека. Вся контрреволюционная деятельность их сводилась к периодическим собраниям и обсуждениям различных слухов о прибытии якобы офицеров из-за границы с целью организации восстания, необходимости их разыскать, привлечь людей. Никакой особой конспирации у организации не было, и о ее существовании знали многие [3, л. 1]. Впоследствии все проходившие по делу данной организации были реабилитированы.

Еще более показательным является дело о раскрытии контрреволюционной повстанческой организации в Хоперском округе Нижне-Волжского края, действовавшей в 1929 г. в 7 районах. Всего по делу организации было привлечено около 600 чел., а непосредственно по делу проходило 433 человека. Также весьма показательным является распределение членов организации по населенным пунктам, когда, например, на 8 населенных пунктов Алексеевского района приходилось 38 чел. повстанцев. Больше всего населенных пунктов было охвачено повстанцами в Алексеевском районе – около 25 хуторов, в других же районах эта численность была значительно меньше. Например, по Ново-Анненскому району названы всего 12 хуторов и станиц (с общей численностью членов организации 33 чел.), а по Кумылженскому району вообще только 3 хутора и 9 чел. участников). Оружия у повстанцев не было и, как свидетельствуют материалы уголовного дела, никаких контрреволюционных намерений они не осуществили. Впоследствии участники этой организации также были реабилитированы [4, л. 9, 10, 11].

Подобные сведения материалов уголовных дел заставляют серьезно усомниться в реальности раскрываемых на казачьих территориях контрреволюционных повстанческих организа-

ций и тем более в серьезности и масштабности протестной активности казаков. Существовавший общий фон недовольства сельского населения разворачиваемым курсом на сплошную коллективизацию и возможные спонтанные всплески активного проявления недовольства в районах проживания казаков тем не менее не позволяют говорить о серьезных контрреволюционных намерениях донского казачества в конце 1920-х годов.

Итак, подводя итоги рассмотрения политических настроений донских казаков в 1920-х гг., можно выделить следующие этапы формирования этих настроений и их характеристики. Период с 1920 по 1924 г. – это период политической апатии донского казачества. Надломленные Гражданской войной, репрессивной политикой большевиков, хозяйственной разрухой и сломом привычных социальных связей и структур, донские казаки не проявляли политической активности и практически не артикулировали своего политического интереса. Их действия и отношения к власти носили ситуативный и потому неопределенный характер. С 1924 г. под воздействием мероприятий власти по вовлечению казаков в советское строительство и налаживанию диалога между властью и казачеством донские казаки не только проявляют политическую активность по отношению, например, к выборам в органы советской власти, но и демонстрируют в целом готовность к адаптации к новым социально-политическим условиям, сотрудничеству с властью. В целом их политические настроения в этот период можно характеризовать как конструктивные и даже лояльные к власти. Однако в результате свертывания НЭПа, обострения внешнеполитической обстановки («военная угроза» 1927–1928 гг.) и начала периода сплошной коллективизации обостряются отношения между казаками и властью. Недовольство экономической политикой большевиков принимает форму политического недовольства, а внешнеполитическая напряженность порождает негативные политические слухи и формирует настроения политической неустойчивости и политических опасений. Вместе с тем контрреволюционная активность донского казачества, фигурирующая в отчетах ОГПУ, является сильно преувеличенной. Растущее в конце 1920-х начале 1930-х гг. количество раскрытых контрреволюционных организаций можно расценивать как превентивную меру по борьбе с возможными антисоветскими выступлениями. В целом же донское казачество не выходило за рамки бытового ситуативного недовольства.

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ по Волгоградской области (АУФСБ по Волгоградской области). – Ф. 2. – Оп. 18. – Пор. номер 29.
2. Архив Управления ФСБ по Ростовской области (АУФСБ по Ростовской области). – Уголовное дело № П-38850.
3. АУФСБ по Ростовской области. – Уголовное дело № П 47489. Т. 1. Л. 1.
4. АУФСБ по Волгоградской области. – Ф. 6. – Архивное уголовное дело № 14310. Т. 10.
5. АУФСБ по Волгоградской области – Ф. 7. – Д. 87. – Л. 76, 77.
6. Баранов, А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор развития политических ориентаций земледельцев юга России [Текст] / А. В. Баранов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – № 4(29). – 2011.
7. Баранов, А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) [Текст] / А. В. Баранов // Альманах «Белая гвардия» – № 8. Казачество России в Белом движении. – М., «Посев», 2005.
8. Горюнов, П. О казачьем вопросе. Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа [Текст] / П. Горюнов. – Новочеркасск: Б.и., 1925.
9. Грищенко, А. Н. «...Рядовую массу казаков влить в свою армию»: рейд махновской армии на верхний Дон (сентябрь 1920 года) [Текст] / А. Н. Грищенко // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов; под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. – 2015.
10. Грищенко, А. Н. «Да здравствует власть народная на принципах братства, равенства и свободы»: мятеж К. Т. Вакулина, повстанческая армия Ф. Попова [Текст] / А. Н. Грищенко //

Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО-XXI, 2013.

11. Кислицын, С. А. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX в. [Текст] / С. А. Кислицын, А. С. Кириченко. – Ростов н/Д.: Изд-во ЗАО «Ростиздат», 2007.

12. Краевое совещание по работе среди казачества при Сев.-Кавказском крайкоме РКП (б) (с 22.VI – 26.VI 25 г.) [Текст]. – Ростов-на-Дону: Издание С.-К. Крайкома РКП (б), 1925.

13. Перехов, Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) [Текст] / Я. А. Перехов – Ростов н/Д.: Изд-во «Гефест», 1997. – 140 с.

14. Резолюция Пленума ЦК РКП (б) «По вопросу о казачестве» [Текст] // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Издание девятое, дополненное и исправленное. – Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1984. – Т. 3. (1922–1925).

15. Скорик, А. П. К периодизации и типологии протестного движения казачества Юга России против коллективизации [Текст] / А. П. Скорик // Клио. – № 3.(50). – 2010.

16. Скорик, А. П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории [Текст] / А. П. Скорик. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 344 с.

17. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории [Текст] / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.

18. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 2.

19. Яценко, В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем дону: 1918–1923 [Текст] / В. Г. Яценко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 152 с.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

УДК 314.1 + 711

ББК 60.7+65.04+63.3(2)613+63.3(2)615

МИГРАЦИЯ: ФАКТОРЫ ПЕРЕЛОМА ТЕНДЕНЦИЙ¹

В. С. Вишнеvский, Т. Б. Иванова, А. Л. Клейтман

Аннотация. Проанализировано современное состояние миграционных процессов Волгоградской области. Исследована миграция в крае в предыдущие столетия – крестьянская (1480–1850 гг.) и промышленно-предпринимательская (1850–1914 гг.). На основе изучения исторического опыта развития территории выявлены факторы, влияющие на изменение миграционных тенденций, и предложена их современная интерпретация: строительство новых железнодорожных магистралей и автомобильных трасс с твердым покрытием как условие расширения возможностей доставки произведенной продукции и формирования спроса на неё со стороны потребителей; создание высококвалифицированных рабочих мест, преимущественно в городской местности; формирование программ повышения среднедушевых доходов населения.

Ключевые слова: миграция, Царицынский уезд, Волгоградская область, факторы изменения миграционных тенденций.

MIGRATION: FACTORS OF THE CHANGE OF TENDENCIES

V. S. Vishnevsky, T. B. Ivanova, A. L. Kleitman

Abstract. In article the analysis of migratory processes in the Volgograd region is given. It is researched migrations in the region in the last centuries – country (1480–1850) and entrepreneurial (1850–1914). It is determined what influenced migration these years. It is defined what factors provide inflow of the population. It is necessary for reducing modern migratory processes: a construction of new long distance railways and automobile routes with a hard surface; creation of highly skilled workplaces; forming of programs of increase in the average per capita income of the population.

Key words: migration, Tsaritsyno County, Volgograd region, factors of change of migratory tendencies.

Миграционные процессы, без преувеличения можно сказать, в настоящее время охватили все страны мира. Расширение информированности населения о том, каковы условия проживания на тех или иных территориях, вызывают желание переместиться туда, где они являются более комфортными. Рассмотрим, какое же место за-

нимает в этих процессах территория Волгоградской области.

Согласно сборника статистических данных «Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015» [2] миграционные процессы нашего региона имеют следующие характеристики (см. табл. 1).

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, грант «Проблемы экономического районирования и размещения производительных сил в трудах ученых Юга России 1920–1930-х гг.» (проект № 16-12-34003).

Таблица 1

Характеристики миграционных процессов в Волгоградской области

Показатели	Годы			
	2005	2010	2012	2014
Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения	3	8	-27	-25
Число вынужденных переселенцев на конец года, чел.	3694	814	600	330
Число беженцев на конец года, чел.	5	2	2	2
Численность лиц, получивших временное убежище, на конец года, чел.	32	103	65	5552
Численность населения на конец года, тыс. чел.	2640	2607	2583	2557
Число родившихся на 1 тыс. чел. населения	3,4	11,3	11,7	11,6

Источник: составлено авторами по [2].

Как видно из таблицы 1, на фоне роста рождаемости, резкого увеличения численности лиц, получивших временное убежище, идет сокращение общего числа жителей области, вынужденных переселенцев и беженцев, снижение коэффициента миграционного прироста

на 10 тыс. чел. населения. То есть, проблема Волгоградской области состоит не столько в повышении рождаемости, сколько в закреплении жителей на территории региона. Рассмотрим, каковы маршруты их перемещения (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение числа выбывших и прибывших в Волгоградскую область по направлениям передвижения, в % от общего числа

Показатели	Годы				Темпы роста 2014/2005
	2005	2010	2012	2014	
Распределение числа прибывших					
- в пределах региона	55,7	52,6	45,7	46,5	0,83
- из других регионов	36,8	38,5	44,7	43,4	1,18
- из-за пределов России	7,5	8,9	9,6	10,2	1,36
Распределение числа выбывших					
- в пределах региона	50,3	45,9	38,4	40,7	0,81
- в другие регионы	45,3	52,4	60,4	56,5	1,25
- за пределы России	4,4	1,7	1,2	2,8	0,64

Источник: составлено авторами по [2].

Данные таблицы позволяют говорить о следующих тенденциях движения населения. Коренные жители все больше переезжают в другие регионы России (темп роста этого показателя 1,25), вместо них население пополняется за счет приезжих из других регионов и из-за пределов России (темпы роста этих показателей, соответственно, 1,18 и 1,36).

Можно ли считать, что такая динамика численности населения обусловлена сложными климатическими условиями области – резко континентальным климатом с высокими летними температурами? Исторический опыт показывает, что нет. Рассмотрим данные об изменении трудового потенциала Волгоградской области в конце XIX – начале XX века.

Материалы исследований развития Царицына краеведов 20–30-х гг. XX в. дают такую картину миграционных процессов в Цари-

цынской губернии. Российский период заселения губернии начался через столетие после 1480 г. – упадка Золотой Орды. Историки выделяют следующие крупные миграционные потоки [1; 3; 4; 5]:

1) из внутренних губерний, где ко второй половине XVI в. социальные отношения сложились не в пользу низших слоев населения, вызывая стремление сменить место жительства как способ избежать преследований правительства, помещиков и получить возможность жить вольно. Преимущественно они были нацелены на использование пойменных пастбищ, рыбы и не были склонны к существенным трудовым затратам;

2) из внешних земель – киргизы, крымцы, кубанцы, ногайцы, калмыки. Последние до 1771 г. занимались разбоями, что уменьшало число желающих переселиться на земли нынешней Волгоградской области.

Эти миграционные потоки формировали следующие слои населения:

- 1) казаков;
- 2) станичных крестьян, которые приписывались к станицам;
- 3) крепостных крестьян частных лиц (с 1782 г.);
- 4) воинские команды, благодаря которым были прекращены разбои, так как ориентированные на грабежи жители были вынуждены покинуть территорию губернии.

С 1812 по 1822 г. население края увеличилось на 34,5 %, а по сравнению с 1796 г. – на 52,5 %. Обеспечивался рост преимущественно за счет казачьей части населения. Высокие темпы роста числа жителей за счет колонизации сохранились и в период 1852–1893 годов: Царицынский уезд вновь удвоил свое население. Причем естественный прирост составлял всего 1,9 %. Причины такой динамики объясняются тем, что «население шло следом за черноземом» [3, с. 74], проводилась государственная политика переселения казаков для укрепления южной границы России, относительно более благоприятными условиями проживания (большие свободы, в том числе по использованию земель).

В начале 60-х гг. крестьянская колонизация почти полностью прекратилась, что связывают с кризисом «отживающих свой век экстенсивных приемов первобытной сельскохозяйственной культуры» [3, с. 78]. Отсутствовало предварительное землеустройство, порядок в отношении отвода земель, скудость материальных средств, недостаток инвентаря, отсутствие навыков ведения хозяйства в иных климатических условиях.

На смену крестьянской колонизации пришла промышленно-предпринимательская, вызванная ростом местной промышленности, постройкой железных дорог и развитием товарности сельского хозяйства. С 1851 г. в Царицынской губернии шел как рост предприятий, так и жителей. До 1861 г. прирост населения составлял ежегодно 4 %, в период 1857–1873 гг. он увеличился до 6,6 %. С момента введения в 1862 г. железнодорожной ветки Царицын – Калач-на-Дону промышленное развитие города ещё более оживилось и продолжилось с вводом в 1872 г. Грязи-Царицынской линии. С 1877 г. средний прирост населения возрастает до 17,4 % ежегодно, стабилизируясь к 1907 году. В течение 30 лет число жителей увеличивается более чем в 3,5 раза. Промышленность в этот период получает дальнейшие толчки развития с открытием Тихорецко-Царицынской линии, связавшей Царицын с

Новороссийском и Кавказом, в 1897 г. и Восточно-Донецкой линии в 1900 году. На основе проведенного анализа динамики численности населения и развития промышленности края царицынские краеведы делают следующий вывод: «рост промышленного производства не обуславливается приростом населения, а указывает на обратную тенденцию, тенденцию роста населения как функцию от роста промышленности, которая в свою очередь обуславливается весьма благоприятными объективными условиями, вытекающими из географического положения» [5, с. 150].

На основе выявленных тенденций царицынские краеведы делали вывод, что «рост крупной индустриальной промышленности города, занимая самодовлеющее положение, оказывает импульсирующее влияние на рост населения города, находит свое подтверждение в быстром и неуклонном росте числа ремесленников-кустарей, обслуживающих нужды городских обывателей. Многие мелкие предприятия получили возможность развиваться, благодаря, главным образом, развитию соответствующих частей крупной промышленности, от которой они получают полуфабрикат для своей переработки» [5, с. 152].

В отличие от крестьянской колонизации, промышленно-предпринимательская имеет иные факторы развития.

- 1) государственное развитие инфраструктурных, в тот период транспортных, проектов;
- 2) строительство крупных предприятий за счет привлечения на основе государственного стимулирования, в том числе созданием транспортной инфраструктуры, крупных предприятий;
- 3) развитие мелкого предпринимательства для обслуживания как нужд крупного бизнеса, так и бытовых, культурных потребностей возрастающего населения;
- 4) появление возможностей создания новых производств за счет сокращения транспортных издержек вдоль новых транспортных путей.

Обобщая эти факторы развития, царицынские краеведы писали: «Эти годы были периодом наиболее интенсивного порыва производительных сил города, периодом лихорадочной иммиграции в захолустный уголок, суливший в дальнейшем широкие перспективы для делового люда» [5, с. 150], то есть возможность улучшения жизни, возрастание богатства каждого человека.

В свою очередь, это предполагало изменение и характера ведения сельского хозяйства. Вот как предлагалось исследовать причинно-следственные связи его развития на Первой Ко-

стромской губконференции по изучению производительных сил края: «Если крестьянин держит корову для себя (для молока и для навоза), и если, вследствие чрезмерного обложения, он не имеет средств для расширения производства, то ни о какой селекции не может быть и речи. Если крестьянин держит корову для себя, но имеет побочные заработки, то он может развести хорошую породу в интересах собственного потребления, но тогда источник прогресса не в самом животноводстве, а в заработках, на расширение коих и должно быть обращено внимание. Если, наконец, крестьянин занимается маслodelием или продажей скота на мясо, то все дело в рынках: растет фабричный город, есть спрос местный – животноводство прогрессирует. Есть спрос для столиц или для вывоза за границу, – опять-таки, животноводство прогрессирует, и тогда все, даваемые агрономами и техниками советы быстро воспринимаются, разводятся скот хорошей породы, возникают консервные заводы и т.п. Нет спроса – напрасно будем говорить о поднятии животноводства. Следовательно, речь должна идти, прежде всего, о рынках, надо выяснить вопрос, можно ли выгодно продавать масло и мясо вне пределов губернии и можно ли

усилить обмен между деревней и городом внутри губернии. В том и другом случае на первый план выдвигается усиление продукции городской промышленности, без поднятия которой немислим прогресс крестьянского хозяйства. Агрономические меры продуктивны только при росте спроса. В противном случае они могут привести только лишь к увеличению общегосударственных расходов, к дальнейшему увеличению тяжести обложения и к сокращению и без того ничтожного производственного накопления в крестьянском хозяйстве, т.е. могут привести к результату, обратному тому, которого от них ожидают» [4, с. 86].

Приведенный анализ исторического опыта миграционных процессов на территории Волгоградской области показывает, что для изменения их негативных тенденций необходимо воздействовать не на само население, а на условия приложения его трудовых способностей. Сейчас с региональной точки зрения важно не столько повышение рождаемости, сколько создание условий для закрепления населения в регионе. Что же в этом направлении предлагается в Волгоградской области? Отдельные характеризующие это данные приведены в таблице 3.

Таблица 3

Характеристика факторов, воздействующих на миграционные процессы в Волгоградской области

Показатели	Годы			
	2005	2010	2012	2014
Удельный вес городского населения в общей численности на конец года, %	75,4	76,0	76,3	76,5
Потребность в работниках, заявленная организациями в государственные учреждения службы занятости, на конец года, %	18259	17719	25002	29010
Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес.	5908	13775	16011	19056

Источник: составлено авторами по [2].

Рост удельного веса городского населения может вызываться следующими процессами: 1) при снижении общего числа жителей области в большей степени уезжают за её пределы из сельской местности при относительной стабильности числа жителей городов; 2) переводом из населенных пунктов в категорию «город» и/или расширении границ Волгограда для сохранения статуса города-миллионника; 3) оседание миграционных потоков именно в городах, а не в сельских населенных пунктах. Но все эти процессы вызывают необходимость создания рабочих мест, прежде всего, в городской местности. В то же время, хотя потребность в работниках действительно есть, но преимущественно она связана с

неквалифицированным трудом и работой в сельской местности (вакансии овощеводов, реализация программы земский доктор). Для коренных жителей региона такие рабочие места не являются привлекательными и не способствуют сокращению миграции. Это ещё более усугубляется низкими по сравнению с другими регионами среднедушевыми доходами в области. Так, в 2014 г. Волгоградская область занимала в рейтинге регионов по этому показателю 70 место.

Факторами перелома миграционных тенденций, исходя из исторического опыта развития Царицынской губернии до XX в., являлась возможность получения наиболее благоприятной для того времени формы приложения собствен-

ного труда. Это ярко видно как по крестьянской колонизации, так и по промышленно-предпринимательской. Как только такая «благоприятность» снижается, начинается стабилизация численности населения и прекращение интенсивных миграционных потоков.

Таким образом, факторами перелома миграционных тенденций в наши дни, исходя из статистики 2014 г., является не демографическая политика и повышение рождаемости, а выстраивание цепочки причинно-следственных связей улучшения условий приложения сил трудоспособного населения. Она включает в себя:

1) строительство новых железнодорожных магистралей и автомобильных трасс с твердым покрытием как условие расширения возможностей доставки произведенной продукции и формирования спроса на неё со стороны потребителей;

2) создание высококвалифицированных рабочих мест, преимущественно в городской местности;

3) формирование программ повышения среднедушевых доходов населения.

Конечно, существует противоречие между стремлением инвесторов реализовывать на территории области инвестиционные проекты, опираясь на дешевую рабочую силу, и необходимостью для сохранения Волгоградской области как субъекта федерации, населенного коренными жителями, создавать рабочие места с высокой заработной платой и одновременно с достаточно разнообразными и квалифицированными трудовыми функциями. Но в том и состоит задача государственного управления, чтобы обеспечить взаимосвязку противоречивых задач и направле-

ний развития, обеспечив баланс между интересами хозяйствующих субъектов, населением определенного региона и сохранением его территориальной целостности как субъекта Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Иванова, Т. Б.* Формирование макрорегионов в контексте опыта экономического районирования 20-х годов XX века (на примере Нижнего Поволжья) [Электронный ресурс] / Т. Б. Иванова, А. Л. Клейтман, М. В. Кирсанов // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. Раздел Региональная экономика. – 2016 – № 10. – Режим доступа: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=4107 (дата обращения: 23.07.2016).

2. Регионы России. Социально – экономические показатели [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 22.07.2016).

3. *Шевченко, М. А.* Колонизация губернии в прошлом [Текст] / М. А. Шевченко // Хозяйство на новых путях. – 1926. – № 10.

4. *Шевченко, М. А.* Перспективы изучения естественных и производительных сил (К губернской конференции по производственному краеведению) [Текст] / М. А. Шевченко // Хозяйство на новых путях. – 1926. – № 9.

5. Экономическая записка Царицынского Губплана и Губэконосо. О районировании Нижнего Поволжья [Текст] // Отчет Царицынского губернского экономического совещания. Октябрь 1922 г. – март 1923 г. – Царицын, типография ГСНХ, 1923. – 184с.

УДК 004.67

ББК 32.973-018

ЧТО ТАКОЕ BIG DATA? В ПОИСКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ¹

Е. В. Карчагин

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные моменты, связанные с «большими данными». К таким проблемам, как интерпретативность, контекстуальность и др. следует добавить проблему определения «больших данных», то есть вопрос о том, что можно считать большими данными и на основании каких признаков. Автор перечисляет и характеризует основные термины-определители «больших данных», существующие в академической литературе. В статье рассматриваются существующие V-определения как краткой версии

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ 15-06-02758А «Реляционное объединение данных разнородных социологических исследований в единый массив и интеллектуальный анализ с применением технологий машинного обучения». Текст был представлен в виде доклада на воркшопе «Большие данные в социальных науках» (октябрь 2016) в рамках Волгоградского проекта по большим данным.

(«volume», «velocity», «variety»), так и более пространные. Анализируются альтернативные концепты, а также попытки дать синтетические дефиниции.

Ключевые слова: данные, большие данные, дефиниция, малые данные, V-концепты.

WHAT IS BIG DATA? SEARCHING FOR DEFINITION

E. V. Karchagin

Abstract. The article deals with the problematic issues related to «big data». To issues like interpretability, contextuality, etc. the problem of defining «big data should be added, that is the question of what can be considered as big data and with what characteristics. The author lists and defines the key terms of «big data», existing in the academic literature. The article considers the current V-definitions, as a short version («volume», «velocity», «variety»), and more extensive ones. The article also examines alternative concepts, and attempts to give a synthetic definition of big data.

Key words: data, big data, definition, small data, V-concepts.

Big Data («Большие Данные») – новый феномен в сфере современной науки и технологий [2]. Некоторые авторы считают, что «большие данные» репрезентируют новую – «четвертую», постэкспериментальную научную парадигму [19]. Отмечается, что появление «больших данных» отражает изменения в классической парадигме экспериментальной науки, строившейся на выдвижении и верификации гипотез, что позволяет теперь производить научное знание без опоры на традиционный гипотетико-дедуктивный метод. В этой парадигме производится наблюдение и анализ данных, из которых производится знание, что, в свою очередь, позволяет на математическом основании строить успешную проекцию и экстраполировать в будущее со степенью вероятности, намного превышающей прежние научные аналитические методы. Ввиду впечатляющих результатов в разных сферах науки и в способности удовлетворения некоторых общественных потребностей (потребительский маркетинг, здравоохранение, городское управление, анти-терроризм и т.д.) появление больших данных сопровождается довольно сильным ажиотажем.

Несмотря на такую широкую палитру возможностей «больших данных», не всегда понятно, что именно подразумевается под этим термином. Что такое «большие данные»? Разобьем этот вопрос на два. Во-первых, что такое «данные»? Во-вторых, что такое «большие» данные? «Данными» вообще можно называть артефакты, цифры, буквы, символы, которые описывают объект, состояние, ситуацию или другие факторы, при этом данные располагаются всецело «в глазах смотрящего», поскольку нечто является данными, когда некто использует это в качестве

данных в специфическом контексте» [15, с. 2]. Если употреблять этот термин предельно широко, то данными может быть все, что угодно, вся совокупная реальность. Поток информации, который обрабатывает человеческий мозг, можно назвать «естественными большими данными». В англоязычной литературе синонимами «data», являются такие слова как «findings», «results», «evidence».

Касательно «большого» объема можно утверждать, что «большие данные» – это «в меньшей степени о данных, которых много, но скорее о способности искать, агрегировать и производить перекрестные ссылки в крупных базах данных» [7, с. 663]. Исторически термин «big data» появился в середине 1990-х. Первым его употребил Джон Мэши, бывший главный научный сотрудник в «Silicon Graphics», именно в контексте обработки и анализа массивных баз данных [9; 13].

Как соотносятся большие данные и малые данные? Малыми данными можно назвать те базы данных, которые вырабатываются отдельными исследованиями, например, в социологии, маркетинге, этнографии. Считается, что «большие данные» и «малые данные» могут вполне успешно взаимно дополнять друг друга.

Большие данные нельзя считать свободными от всякой критики и ограниченности в применении и использовании. Наличие определенных данных совершенно не означает того, что они действительно могут иметь какую-то ценность и могут быть полезны. Это одно из главных направлений критики больших данных. По словам К. Лагозе, «критический компонент использования больших данных для исследования заключается в понимании целостности

(integrity) этих данных, откуда они появляются, какие искажения в них встроены» [15, с. 8]. Действительно, способность увидеть большое и многое часто приводит к невидению единичного, к неспособности разглядеть уникальное. В этом, в частности, проявляется также традиционная слабость индуктивного метода – неполнота и необоснованность обобщения.

Вслед за Д. Бойд и К. Кроуфорд [7] отметим еще несколько других проблемных точек, связанных с большими данными, оставляя при этом в стороне этический аспект [1].

Во-первых, следует упомянуть претензии на объективность и точность. В любом случае в центре анализа больших данных находится толкование и интерпретация. Однако, независимо от величины данных, интерпретация может быть предвзятой. Если не принимать во внимание разнообразные герменевтические предрассудки и ограничения, то результатом будет неправильное толкование данных.

Во-вторых, больше данных не всегда лучше. «Большие данные» и «все данные вообще» не тождественны друг другу. Важны не только границы и объем набора данных, но и те вопросы, на которые они могут ответить. Не стоит забывать о ценности так называемых малых данных. «Исследовательские прорывы могут быть найдены на любом уровне, в том числе и в очень скромных масштабах. В некоторых случаях ориентация только на одного человека может быть чрезвычайно ценной. Взять, например, работу Вейно (2007), которая наблюдала за одним работником – инспектором хранилища на ГЭС – для того, чтобы понять правила работы с информацией «голубых воротничков». ... Ее работа рассказывает историю, которая не могла быть обнаружена миллионами копаний в Facebook или Twitter, и сделала значительный вклад науку» [7, с. 670]. Тем самым размер и объем данных должны соответствовать исследовательскому вопросу.

Наконец, в-третьих, большие данные потеряют смысл, если их вырвать из контекста. «Есть ценность в анализе абстрактных данных, но сохранение контекста остается критически важным, особенно для определенных направлений исследования» [7, с. 671].

К этим проблемным точкам – интерпретативности, исследовательской уместности, контекстуальности – можно добавить проблему

определения больших данных, то есть вопрос о том, что такое большие данные, что можно считать большими данными и на основании каких признаков.

Как отмечают В. Майер-Шенбергер и К. Кукьер, авторы классической книги о «больших данных», для этого термина трудно найти строгое определение: «Изначально идея состояла в том, что объем информации настолько вырос, что рассматриваемое количество уже фактически не помещалось в памяти компьютера, используемой для обработки, поэтому инженерам потребовалось модернизировать инструменты для анализа всех данных. Так появились новые технологии обработки, например, модель MapReduce компании Google и ее аналог с открытым исходным кодом – Hadoop от компании Yahoo. Они дали возможность управлять намного большим количеством данных, чем прежде. При этом важно, что их не нужно было выстраивать в аккуратные ряды или классические таблицы баз данных. На горизонте также появились другие технологии обработки данных, которые обходились без прежней жесткой иерархии и однородности» [3, с. 14].

Классические три «V».

Популярное определение «больших данных» довольно быстро стало сводиться к нескольким определяющим концептам. В 2001 г. Дуг Лэйни предложил триаду, которая впоследствии стала нормативной. В ней содержались три такие V-характеристики: «volume», «velocity», «variety».

Volume означает большой *объем* данных, который нецелесообразно или неудобно обрабатывать на одной машине.

Velocity – *скорость* поступления данных. При этом главная важность состоит в «скорости обратной петли: от ввода данных до решения» [6, с. 6].

Variety означает разнообразие или *гетерогенность* данных.

Действительно, «источники данных разнообразны, и не вписываются в аккуратные реляционные структуры. Это может быть текст из социальных сетей, изображения, сырые данные от датчиков. ... Даже в Интернете, где коммуникация компьютер-компьютер должна давать какие-то гарантии, реальность данных хаотична. Разные браузеры отправляют различные данные, пользователи скрывают информацию, они могут

использовать различные версии программного обеспечения или поставщиков, чтобы общаться с вами. И вы можете держать пари, что если часть процесса включает в себя человека, то будут ошибки и разнобой. Общепринятое использование обработки больших данных это взять неструктурированные данные и извлечь оттуда упорядоченный смысл, для потребления людьми или в качестве структурного ввода в приложение» [6, с. 7].

Такая классичность трех «V» сослужила тем не менее плохую службу данному термину, который находился на заре своего становления и очень быстро обзавелся концептуализацией, которая в итоге стала доминировать как в академической среде, так и за ее пределами. Так, Китчин и Аргейл прямо обвиняют расхожее определение трех «V» как главного виновника в том, что с понятием «большие данные» такая путаница: «Мем трех “V” на самом деле ложен и вводит в заблуждение и вместе с самим термином частично виноват в путанице определяющих границ “больших данных”» [13, с. 9].

Неклассические V.

Тем не менее, к этим первоначальным трем V-характеристикам со временем стали добавляться новые слова, также начинающиеся с латинского V.

Variability – изменчивость, в результате чего потоки данных могут сильно различаться в отношении пиков и спадов, что связано с трендами социальных медиа, ежедневных, сезонных и событийных пиковых загрузок данных и других факторов [14, с. 6].

Validity – валидность, то есть учитывается величина искажений и «шумов» в данных.

Volatility – сохраняемость и долговечность данных.

Veracity – достоверность, корректность и аккуратность данных.

Value, то есть ценность, в свою очередь, также называют в числе важного элемента больших данных [17].

Как отмечает Ф. Иафрейт, «иметь доступ к большим данным не благо, если мы не можем превратить это в ценность. Компании начинают создавать генерировать удивительную ценность из своих больших данных» [11]. «Ценность» в частности связывается со Smart Data («умные данные»). «Smart Data – это способ, в рамках которого различные источники данных (в том чис-

ле большие данные) собраны, скореллированы, проанализированы и т. д. для того, чтобы иметь возможность питать процессы принятия решений и разных действий. Многие данные являются “большими” (по объему, скорости и т. д.), но сколько “умных” и имеющих значение для бизнеса? Smart Data следует рассматривать как совокупность технологий и процессов, а также структур, связанных с ними (Центры компетентности в сфере бизнес-аналитики), которые позволяют задействовать все значения, взятые из данных» [11, с. 13].

Кроме того, встречаются совсем уж курьезные определения. Например, Е. Апричард помимо уже вышеназванных V-терминов называет versatility (многосторонность), virtuosity (виртуозность), vitality (витальность), visionary (визионерный), vigour (энергичность), viability (выживаемость), vibrancy (динамизм), virility (мужественность), valueless (бесценность), vampire-like (вампиризм), venomous (язвительность), vulgar (вульгарность), violating (нарушающий) и very violent (очень жестокий) [20].

Определения не через V.

К этому, как можно заметить, довольно внушительному перечню стали добавляться новые определители, не использующие однако «принцип V».

В частности, ключевым термином называют «комплексность» (complexity), поскольку большие данные безусловно несут сложный, составной характер и включают в себя открытые порталы, социальные медиа, правительственные источники, источники неправительственных общественных организаций, корпоративные источники [14, с. 6].

Исчерпываемость («exhaustivity») означает, что вся система берется целиком, а не выборочно (n = all) [3].

Мелкозернистость (в разрешении) и уникальность в индексации (при идентификации) [10].

Реляционность, то есть наличие общих полей, которые позволяют производить объединение различных наборов данных [4; 5; 7].

Экстенциональность (возможность легкого добавления или изменения новых полей) и масштабируемость (способность быстро расширяться в размерах) [18].

Дебора Лютон предложила отказаться от V и на основании своих собственных исследова-

ний и анализа критической литературы о данных сформулировала тринадцать р-терминов, описывающие феномен больших данных: portentous (необыкновенный), perverse (превратный), personal (персональный), productive (производительный), partial (частичный), practices (практики), predictive (предсказательный), political (политический), provocative (провокативный), privacy (приватность), polyvalent (поливалентный), polymorphous (полиморфный) и playful (игровой) [16].

Синтетические определения (несколько «V»).

Разные авторы строят свои определения, как правило, пользуясь сразу многими определителями, выбирая несколько из них, релевантных своим взглядам и представлениям. Как уже было показано, наиболее представленным в литературе определением, является дефиниция через три классических «V». Но даже такие определения обычно имеют дополнительные характеристики и уточнения, например, связанные с техниками использования больших данных. Так, опираясь на выделенные характеристики и их смысловое значение, Де Мауро дает следующее определение: «большие данные представляют собой информационные возможности, характеризующиеся большим объемом, скоростью и гетерогенностью, и требующие специфических технологий и аналитических методов для их трансформации в ценность» [8, с. 103].

Роб Китчин, один из ведущих специалистов по большим данным, в свою очередь, утверждает, что большие данные имеют семь принципиально важных характеристик: «огромный объем, состоящий из терабайтов или петабайтов данных; высокая скорость, создаваемая в реальном времени или близком к нему; широкое разнообразие, как структурированное, так и неструктурированное; исчерпывающий охват, стремящийся захватить целые популяции систем; хорошее разрешение, направленное на максимальную детализацию вместе с индексированием; реляционность, с общими полями, которые позволяют соединить различных наборов данных; гибкость с признаками объемности (легко добавляются новые поля) и масштабируемости (возможность быстрого расширения)» [12, с. 262].

Такие синтетические дефиниции редко удовлетворяют даже своих собственных авторов.

Так, тот же Р. Китчин в одной из последних статей предпринял попытку «попробовать грани того, что могло быть понято как большие данные и внутренне вскрыть то, что сейчас является аморфным концептом и показать его внутреннее различие, его множественные формы» [13, с. 6]. В результате изучения каждого параметра больших данных в отношении двадцати шести различных баз данных стало ясно, что нет такой характеристики, под которую бы попадали все разновидности больших данных. Большие данные не обладают всеми семью, приведенными в предыдущем абзаце, признаками, выделенными самим же Китчином ранее в 2014 году. Более того, они не обладают даже классическими тремя V-признаками, растиражированными в литературе [13, с. 8]. В итоге Р. Китчин и Дж. Макардл выделили только две характеристики: «ключевые ограничивающие характеристики больших данных, которые также отличают их от малых данных, это скорость (одновременно частота генерации и частота обработки, записи и публикации) и исчерпываемость. Малые данные – медленные и выборочные. Большие данные быстры и n = all» [Ibid]. При этом, по мнению авторов, с чем нельзя не согласиться: «большие данные – это явно неаморфная категория и есть, конечно, разные "виды" больших данных» [Ibid].

«Big Data», «большие данные», как было выяснено в статье, представляют собой зонтичный термин, скрывающий целый ряд зачастую с трудом совместимых концептов. При этом большая часть концептуализаций считается довольно устойчивой и кочует из статьи в статью, из книги в книгу, из учебника в учебник, не будучи отрефлексированными. Другая группа терминологических решений представляет собой довольно маргинальные попытки, зачастую провокативные и курьезные. Наконец, третья группа дефиниций больших данных представляет собой авторские попытки сформулировать дефиницию, исходя из определенных собственных исследовательских потребностей и задач.

Можно утверждать, что содержание понятия «большие данные» до сих пор находится в становлении и не может пока претендовать на логическую строгость и концептуальную завершенность. Данное положение дел необходимо принимать во внимание всем интересующимся большими данными как в академических, так и практических целях.

Библиографический список

1. Карчагин, Е. В. Проблема справедливости в информационной области: этический аспект Big Data [Текст] / Е. В. Карчагин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2016. – № 1.
2. Карчагин, Е. В. Эпистемология и эвристические возможности Big Data [Электронный ресурс] / Е. В. Карчагин // Концепт. – 2015. – № 12. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/15437.htm> (дата обращения: 28.12.2016).
3. Майер-Шенбергер, В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим [Текст] / В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер; пер. с англ. И. Гайдюк. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.
4. Одинцов, А. В. Объединение баз данных в социологии: проблема уникальных измерений [Текст] / А. В. Одинцов // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2015. – № 4.
5. Одинцов, А. В. Проблемы объединения разнородных баз данных в социологии [Текст] / А. В. Одинцов // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». – 2015.
6. Big Data Now: 2012 [Text]. Edition. Beijing etc.: O'Reilly Media, Inc, 2012.
7. Boyd D., Crawford K. Critical Questions for Big Data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon [Text] / D. Boyd, K. Crawford // Information, Communication & Society. 2012.
8. De Mauro, A., Greco, M., Grimaldi, M. What is big data? A consensual definition and a review of key research topics [Text] / A. De Mauro, M. Greco, M. Grimaldi // AIP Conf. Proc. 2015.
9. Diebold, F. A personal perspective on the origin(s) and development of 'big data': The phenomenon, the term, and the discipline. [Electronic text] / F. Diebold. Available at: http://www.ssc.upenn.edu/~fdiebold/papers/paper112/Diebold_Big_Data.pdf (accessed 6 December 2016).
10. Dodge, M., Kitchin, R. Codes of life: Identification codes and the machine-readable world [Text] / M. Dodge, R. Kitchin. // Environment and Planning D: Society and Space. – 2005. – 23(6).
11. Iafrate, F. From Big Data to Smart Data. [Electronic text] / F. Iafrate. Wiley, ISTE, 2015.
12. Kitchin, R. Big Data and human geography: Opportunities, challenges and risks. [Text] / R. Kitchin // Dialogues in Human Geography. – 2014. – 3(3).
13. Kitchin, R., McArdle, G. What makes Big Data, Big Data? Exploring the ontological characteristics of 26 datasets [Text] / R. Kitchin, G. McArdle // Big Data & Society. 2016. – January – June.
14. Kshetri, N. The emerging role of Big Data in key development issues: Opportunities, challenges, and concerns [Text] / N. Kshetri // Big Data & Society. 2014. July–December.
15. Lagoze, C. Big Data, data integrity, and the fracturing of the control zone [Text] / C. Lagoze // Big Data & Society. 2014. July–December.
16. Lupton, D. The thirteen Ps of big data. [Electronic text] / D. Lupton // The Sociological Life, 2015. – 13 May. Available at: <https://simplysociology.wordpress.com/2015/05/11/the-thirteen-ps-of-big-data> (accessed: 9 December 2016).
17. Marr, B. Big data: The 5 vs everyone must know. 2014, March 6. [Electronic text] / B. Marr. Available at: <https://www.linkedin.com/pulse/20140306073407-64875646-big-data-the-5-vs-everyone-must-know> (accessed 9 December 2016).
18. Marz, N., Warren, J. Big Data: Principles and Best Practices of Scalable Realtime Data Systems. [Text] / N. Marz, J. Warren, MEAP edition. Westhampton, NJ: Manning, 2012.
19. The Fourth Paradigm: Data-Intensive scientific Discovery / Ed. by T. Hey, S. Tansley, K. Tolle. [Text]. Redmond, WA: Microsoft Research, 2009.
20. Uprichard, E. Big data, little questions. Discover Society, 2013, 1 October. [Electronic text] / Uprichard, E. Available at: <http://discoversociety.org/2013/10/01/focus-big-data-little-questions> (accessed 17 November 2016).

УДК 378.22(470)
ББК 74.484(2Рос)

ВОЗРОЖДЕНИЕ МАГИСТРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Е. Р. Мкртчян

Аннотация. В статье анализируются особенности процесса возрождения магистратуры в России, мотивация молодежи, ориентированной на магистерское образование, проблемы реализации образовательных программ, стандартов, методик магистратур, барьеры на пути развития новой системы ступеней вузовского обучения, место магистратуры в системе современного высшего образования и в системе воспроизводства научно-педагогических кадров.

Ключевые слова: магистратура, специалитет, аспирантура, специалист, бакалавр, магистр.

RENAISSANCE MASTER IN MODERN RUSSIA: FEATURES AND PROBLEMS

E. R. Mkrtchyan

Abstract. The article analyzes the features of the process of revival of judiciary in Russia, motivation of youth-oriented master's education, the problems of implementation of educational programs, standards and procedures for graduate programs, barriers to the development of a new system of stages of higher education, the place of the judiciary in the system of modern higher education and the system of reproduction of scientific-pedagogical personnel.

Key words: master's, specialist, graduate, specialist, bachelor, master.

Возрождение магистерского образования в России началось с 1993 г. в соответствии Приказом Госкомвуза России от 29.07.1992 г. № 491/1 и Постановлением Госкомвуза России от 10.08.1993 г. № 42, однако реально активное внедрение и широкое распространение произошло в 2003 г., после присоединения России к Болонскому процессу. Даже столь недолгий период функционирования магистратуры показал, что данный процесс очень сложен и неоднозначен. Масштабы потерь и приобретений пока трудно оценить, однако возникло много вопросов, связанных с её местом в российской системе высшего образования, ролью в подготовке высококвалифицированных кадров, местом в системе воспроизводства и сохранения научно-педагогических кадров для высшей школы.

Сегодня многие вузы рассматривают магистерское обучение как одно из приоритетных направлений своей деятельности, надеясь, что «...подготовка магистров откроет новые источники пополнения научно-педагогических кадров в вузах, будет содействовать подъему отечественной науки и образования, может оказать существенное влияние на развитие российского общества и создание инновационной экономики» [10, с. 38]. Однако молодежи не объясняют, что магистр – это научная степень, но убеждают, что магистратура «... дает возможность уверенно чувствовать себя в жизни, найти высокооплачи-

ваемую работу, обеспечить базу для профессионального роста. Лицам, успешно закончившим магистратуру, и выдается диплом государственного образца. Причем диплом магистра понятен и признаваем как в России, так и за рубежом. А это очень важно для успешной карьеры, оценки собственных способностей и возможностей» [20].

Или еще интереснее, когда объясняют молодежи, что прикладная магистратура – это подготовка магистров для работы на производстве, а магистр – это «улучшенный инженер» [21]. Означает ли это, что бакалавр – это плохой инженер? Более правдоподобно звучит следующий анонс: «Основная задача магистратуры – подготовить профессионалов для успешной карьеры в международных и российских компаниях, а также для аналитической, консультационной и научно-исследовательской деятельности» [19]. Можно заметить, что нигде не говорится открыто, что магистратура позволяет стать вузовским преподавателем или ученым. Возможно, это происходит из-за низкого престижа профессии ученого и преподавателя. Результаты опроса, проведенного Центром исследований и статистики науки, свидетельствуют о том, что только 1 % населения России желает, чтоб их дети стали учеными.

Данные социологического исследования, проведенного среди магистрантов четырех госу-

дарственных и шести негосударственных вузов города Волгограда, свидетельствуют, что студенты идут в магистратуру, как когда-то в аспирантуру, на всякий случай или для решения своих частных проблем. Свидетельством этому являются результаты опроса магистрантов волгоградских вузов, которые в большинстве своем (56,9 %) признаются, что пришли в магистратуру за полноценным высшим образованием; сделать профессиональную карьеру надеются 39,6 %; повысить собственный престиж – 24 %; подготовиться к поступлению в аспирантуру и защите кандидатской диссертации – 22,6 %; повысить собственный социальный статус – 13,5 %; стать ученым и преподавателем – 12,8 %; продолжить научную деятельность после обучения в вузе желают 12,5 % [12, с. 68].

Внутренние мотивы, к которым можно отнести стремление к самореализации (20,8 %); творческий характер научной деятельности (11,5 %) и научная карьера (4,9 %) слабо отражены магистрантами. Мотивационная структура обучения в магистратуре обременена такими факторами, как отсутствие работы (15,6 %); нежелание работать (8,7 %); стремление получить отсрочку от армии (8,4 %). После защиты магистерской диссертации только 15,6 % планируют поступление в аспирантуру, хотели бы поработать в вузе 8,9 %, на работу в НИИ ориентированы 0,7 %, наукоемкий инновационный бизнес в планах у 1,4 %. Треть опрошенных (34,6 %) рассматривают магистратуру как шанс повысить собственную конкурентоспособность и получить высокооплачиваемую работу. Практически это случайные люди, совершенно не ориентированные на научно-преподавательскую деятельность [12, с. 67].

В системе мотивов, которыми руководствуется молодежь при поступлении в магистратуру, ведущую роль играет внешняя мотивация, а внутренняя мотивация, как отражение потребностей, ожиданий и убеждений, слабо задействована. Между тем именно она обуславливает поведение человека, поэтому можно говорить о непонимании магистрантами сути магистерского образования, которое они получают. Хотя согласно законодательству магистратура уже будет выпускать магистров-практиков и магистров-ученых, но зачем практику научная степень не понятно.

Мы считаем, что магистратура для тех, кто хочет заниматься научной и преподавательской деятельностью. В этой связи информацией для размышления могут стать слова одной из выпускниц магистратуры: «В новой системе есть и

плюсы, и минусы. Минусы: потерянный год, потраченные деньги, отсутствие заинтересованности работодателей в степени магистра. Плюсы: углубленные знания по спецпредметам, развитие навыков самостоятельной работы. Однако, я думаю, что двухуровневая система нужна лишь для людей, которые в дальнейшем будут заниматься научной работой. Для практиков она бесполезна» [2].

Таким образом, российская молодежь идет в магистратуру не столько для того, чтобы заниматься наукой и получить научную степень, сколько для того, чтобы получить «полноценный» диплом о втором высшем образовании или решить какие-то частные проблемы. В подобной ситуации ожидаемая миссия магистратуры, как нового источника пополнения научно-педагогических кадров в вузах, может быть не выполнима. Для этого необходима ясная и понятная образовательная политика и четкое обозначение статуса бакалавра и магистра. Возможно, действительно «... необходимо как можно быстрее разделить магистратуру на научную и профессиональную» [7].

Возрождение магистратуры в России поставило перед системой воспроизводства научно-педагогических кадров задачи совмещения её с аспирантурой, создания новых стандартов, программ, методик. В данном направлении ведется большая работа, но практически не уделяется внимание людям, которым необходимо все это внедрять и реализовывать – научно-преподавательскому сообществу. Между тем, становление магистратуры сопряжено не только с отказом от «старой» системы подготовки специалистов, но и с изменением стереотипов среди профессорско-преподавательского сообщества. При наличии высокого научно-педагогического потенциала и отсутствия опыта работы в системе специалист – бакалавр – магистрант – аспирант – доктор, преподаватели вузов, в массе своей, не понимают ни целей, ни задач, ни логики предъявляемых к ней требований. Возможно такая ситуация меньше касается ведущих вузов страны и тех, которые близки к центру, но регионы совершенно дезориентированы.

Сложившаяся ситуация является следствием недооценки роли региональных вузов и их профессорско-преподавательского корпуса, у которого с самого начала реформ не было сформировано чувство сопричастности к данным процессам, оно не стало социальной базой инноваций вводимых в вузах. Для них вновь остается открытым вопрос о том, какой должна быть магистратура, что она дает, какие задачи будет ре-

шать, какие возможности представляет для развития вузов и формирования высококвалифицированных специалистов, какое место займет в системе воспроизводства научно-педагогических кадров.

Долгое время никто не объяснял российским преподавателям разницы между специалистом и магистром. В образовательном законодательстве России они были отнесены к одному и тому же образовательному уровню, но каково их соотношение никто не мог понять. И сегодня не понятно, магистр «выше» или «ниже» специалиста, тем более что специалист – это уже не только квалификация, но и степень? Освоение, какой образовательной программы обеспечит получение более качественного образования в случае, если направленность образовательных программ подготовки специалиста и магистра совпадает? По временному признаку (шесть лет вместо четырех-пяти), когда магистранты обучаются по тому же направлению, что и образовательная программа предшествующего бакалавриата, образование магистра должно быть более качественным, ибо оно содержит как научную (фундаментальную), так и профессиональную составляющие в определенной образовательной области.

Магистратура предполагает значительно больший объем самостоятельной и научно-исследовательской работы, чем специалитет, но говорить о преимуществах магистерского образования пока рано. В России преимущество магистратуры является её недостатком, поскольку именно научно-исследовательская деятельность является наиболее уязвимым местом в магистратуре. Она недостаточно обеспечена методически и плохо организована, поскольку магистратура не ассоциируется с научной ступенью, которая свидетельствует высокой квалификации специалиста.

В большинстве стран магистратура предполагает проведение научных исследований, а магистры занимаются в основном исследовательской и проектно-конструкторской работой, преподают в высших учебных заведениях. Хотя опыт ведущих российских вузов (МГУ, СПбГУ) показывает, что потенциал магистратуры шире, но он пока неведом в регионах. До сих пор непонятно «магистр» – это степень или квалификация, не решен вопрос соотношения понятий специалист-магистр, бакалавр-магистр. «Бакалавриат и магистратура – самостоятельные уровни высшего образования, со своими отдельными государственными образовательными стандар-

тами, итоговой аттестацией, но как «высшие образования» они различны» [7].

Характер решения данных вопросов затрагивает концептуальные основы всей системы образования в целом и системы воспроизводства научно-педагогических кадров, в частности. В условиях, когда вузовская аспирантура уже не может обеспечивать вузы высококвалифицированными специалистами из-за снижения притока молодежи, предполагается, что магистратура станет новым источником пополнения рядов преподавателей. Некоторые реформаторы хотят возложить на магистратуру функции, которые выполняла аспирантура: «... в бакалавриате, на 1–4 курсах вузов, будет вестись в основном образовательная деятельность, а в магистратуру добавляется исследовательская составляющая, в рамках которой, если речь идет об академической магистратуре, будет происходить сдача коллоквиумов и кандидатских экзаменов, т.е. всего того, чем сейчас занимаются аспиранты в течение 1-го года обучения в аспирантуре» [6, с. 7].

Мировой опыт показывает, что принципы организации обучения по магистерским программам в разных странах существенно отличаются друг от друга. Во всем мире нет единой модели магистратуры, что хорошо показано на примере Канады и Японии [15, с. 55]. В России магистратура считается частью первой ступени высшего образования. Получение квалификации (степени) «магистр» предусматривает срок обучения не менее 6 лет, включающей четыре года бакалавриата, два года специализированного обучения в течение двух лет с последующей защитой магистерской диссертации. Слово «магистр» переводится на русский язык как «мастер своего дела», т.е. из магистратуры должны выходить высококвалифицированные специалисты, что вряд ли осуществимо в условиях, когда российские магистерские программы не дифференцированы, учебный процесс либо дублирует специалитет, либо проводится в форме вечернего обучения. Научно-исследовательская составляющая пока не актуализирована, она присутствует в виде пилотного исследования только при написании выпускной работы.

Сравнительный анализ опыта реализации программ подготовки бакалавра, магистра и доктора (Ph.D.) за рубежом и в России свидетельствует о том, что первая модель более гибка и ориентирована на запросы обучающихся. Как правило, любое образование, получаемое за рубежом после школы, относится к высшему и состоит из двух циклов. Первый (двухступенной)

цикл предусматривает обучение продолжительностью не менее трех лет и выдачу диплома бакалавра. Второй (послестепенной) цикл требует успешного завершения первого, активного включения в научно-исследовательскую деятельность, что ведет к получению степени магистра и/или степени доктора (Ph.D.). Более того, в США любой выпускник, имеющий диплом бакалавра, сам решает, будет ли он продолжать свое обучение в магистратуре или будет учиться по более сложной и трудоемкой программе для получения степени Ph.D. Аспирант, обучающийся по докторской программе, в любой момент может перейти на магистерскую программу.

Если Россия действительно хочет войти в европейское образовательное пространство, она также должна создать достаточно гибкую магистерскую программу, с учетом требований, которые сформулированы в Дублинских дескрипторах и в Европейской квалификационной рамке. Сегодня просматривается некоторое несоответствие набора требований российской магистратуры аналогичной ступени Болонской образовательной схемы, где магистратура является обучающим связующим звеном между высшим образованием и научно-исследовательской деятельностью. Российские требования абстрактны, глобальны и трудно исполнимы. Даже специалисты высокого уровня не всегда являются обладателями аналитического и стратегического мышления, креативности, а магистрат (позавчерашний школьник) должен обладать этими качествами. То же самое можно сказать о требовании к способности самостоятельно добывать необходимую информацию, выстраивать коммуникации по всем вертикальным и горизонтальным корпоративным каналам, управлять ресурсами и командами.

Не понятно, как магистр, проучившись всего 6 лет, может демонстрировать такие знания и способности. Но самое главное – ожидается, что магистр будет более ориентирован на исследовательскую работу, чему должна способствовать «... индивидуализация магистерских программ на базе широкой фундаментальной бакалаврской подготовки позволяет магистрантам уже в процессе обучения предоставлять дополнительные возможности для повышения эффективности аспирантуры и тем самым вносить определенный вклад в решение проблемы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации» [16, с. 21].

В России предполагается, что магистратура обеспечит определенный уровень знаний, умений и навыков, присущих начинающему

научному работнику. Но никто не объяснил и не показал, как обеспечить фундаментальную бакалаврскую подготовку в условиях, когда два года из четырех превращаются в компенсаторное обучение, при исходной базе выпускников нынешних школ, выросших на ЕГЭ. За оставшиеся два года надо дать бакалавру «фундаментальное» высшее образование, приобщить его к азам научно-исследовательской деятельности, подготовив к поступлению в магистратуру, и еще за два года магистратуры превратить в квалифицированного специалиста (руководителя или преподавателя вуза).

Далее можно заметить, если дублинские дескрипторы ориентированы на конкретные, вполне реализуемые процедуры обучения, то требования в российской магистратуре изначально задают конкретные результаты, как когда-то в советской аспирантуре, но не объясняют, как этого добиться. Парадокс заключается в том, что современные реформы российской аспирантуры направлены на создание обучающей модели, а магистратура выстраивается по прежней аспирантской результирующей модели.

В дублинских дескрипторах перечни компетенций для предметной области (направления подготовки) едины, а бакалавр и магистр отличаются уровнем освоения этих компетенций. В российских ФГОС перечни компетенций различны для бакалавра и магистра. Здесь возникают вопросы их преемственности, переносимости квалификаций и сравнимости. Данная система пока слабо интегрирована, и существует проблема гармонизации этих систем. От этого будет зависеть приток молодежи в магистратуру и появление нового источника воспроизводства научно-педагогических кадров в российских вузах.

Несмотря на эти различия, магистратура во всех странах, входящих в европейское образовательное пространство, сталкивается с целым рядом общих проблем, касающихся внедрения института магистратуры. К ним относятся:

- непонимание целей и задач магистратуры;
- несовместимость научных степеней и многоголосица в определении магистерских степеней, что затрудняет их признание даже внутри ЕС;
- несоответствие национальных и общеевропейского законодательств в области образования даже для стран ЕС;
- коммерциализации магистерского сектора и дороговизна обучения в магистратуре да-

же в странах, где государство традиционно обеспечивало бесплатность высшего образования;

- сложности обеспечения мобильности студентов и преподавателей, связанные с наличием языкового барьера и с несовершенством системы кредитов и зачетных единиц;

- сложности трудоустройства выпускников магистерских программ, девальвация научных степеней, когда национальный работодатель начинает предъявлять необоснованно завышенные требования к уровню подготовки потенциальных работников, что вытекает из непонимания статуса степеней бакалавра и магистра.

- сохранение на законодательном уровне параллельных степеней магистра и специалиста, а также дополнительное давление со стороны такой формы продолжения образования, как возрожденная в «Законе об образовании в Российской Федерации» ассистентура-стажировка. Хотя с 2015 г. ожидается вытеснение специалитета магистратурой.

- на уровне содержания программ наблюдается «...неготовность и практически полное отсутствие опыта интернационализации магистерских программ и курсов, в частности преподавания на иностранном, прежде всего английском, языке, что рассматривается европейскими университетами как несомненное конкурентное преимущество, открывающее возможность участвовать в межнациональных программах академического и студенческого обмена – дополнительный финансовый ресурс так остро необходимый российским вузам» [14, с. 35];

- отсутствие взаимодействия между университетами и работодателями при разработке и реализации программ магистерского уровня, что могло бы стать не только источником дополнительных финансовых ресурсов, но и мощнейшим инструментом модернизации содержания образования [4].

Последствия вхождения в Болонский процесс в разных странах разные. Но почти во всех странах фиксируется бюрократизация обучения, которая сопровождается превращением вузовских преподавателей в чиновников, вынужденных, вместо своих прямых обязанностей, заполнять таблицы и анкеты, готовить всевозможные отчеты, лишая себя возможности заниматься научными исследованиями. Растет число выпускников вузов, но падает качество обучения. Складывается впечатление, что высшее образование уже не является социальной ценностью, а лишь инструментом в руках рынка и глобального капитала. Ориентируясь исключительно на их

потребности, образовательная система идет по пути сознательного снижения уровня массового образования. Очевидно, что магистратура рассчитана на очень небольшой процент учащихся, большинство же ограничивается 3 годами бакалаврской подготовки, которая дает весьма отрывочные и фрагментарные знания, навязывая мировоззрение, основанное на рыночной экономике.

Кроме общих проблем функционирование российской магистратуры сталкивается и с частными проблемами: отбор вузов, кадровое обеспечение магистерских программ, нестыковка образовательных программ бакалавров и магистров, отсутствие дифференциации образовательных программ – магистров-практиков и магистров-исследователей, формирование набора дисциплин по выбору, индивидуализация обучения, требования к форме и содержанию магистерской диссертации и т. д. Проблема отбора вузов связана с тем, что лишь пятая часть вузов России перешла на двухуровневую систему высшего образования.

Сегодня определен порядок открытия магистерской подготовки в вузах, существуют требования к образовательному цензу педагогических работников и укомплектованности штатов, есть требования к методическому и информационному обеспечению магистратуры. Но вопрос о том, кому доверить подготовку магистров, остается нерешенным [13]. Существуют разные критерии отбора подобных вузов: наличие аспирантуры по специальности, по которой предполагается подготовка магистров; разработка и лицензирование магистерских программ; достаточное количество профессорско-преподавательского состава соответствующей квалификации; нормативный размер учебных площадей; наличие современной лабораторной базы; налаженные связи с предприятиями и организациями соответствующей сферы экономики [1, с. 28]. Окончательно данный вопрос не решен.

Кадровое обеспечение магистерских программ связано с вопросом о том, кто должен готовить магистров. Особое значение приобретает авторская составляющая, реализация которой требует участия преподавателей-исследователей высокой квалификации и готовность научно-преподавательского сообщества работать согласно новым требованиям к преподавателям высшей школы, реализующим магистерские программы. Каждый преподаватель должен четко представлять: чему и как учить, делая адекватный выбор технологии обучения поставленной задаче; как и чем обеспечить процесс обучения;

как организовать научно-исследовательскую работу магистрантов; как оптимальным образом сформировать авторские составляющие магистерских программ, сопряженные с их инвариантным ядром; каковы критерии оценки академических достижений магистрантов, как организовать контрольно-оценочную составляющую в ходе образовательного процесса [11, с. 87].

Сегодня активно пропагандируется субъект-субъектная образовательная модель обучения магистров. Предполагается, что магистр сам может справиться со всеми заданиями самостоятельно, ему передается значительная часть ответственности за обучение и контроль над академическими успехами. В такой ситуации преподавателю остается рассматривать магистрантов как ресурс образовательного процесса и верить в их способность. Такой подход требует четкого взаимодействия между всеми элементами системы образования. Школа должна обеспечивать качественную школьную подготовку, бакалаврское обучение – закладывать навыки научно-исследовательской работы и теоретического мышления. Необходимо осмысление новой роли преподавателя в учебном процессе.

Наряду с коренной реструктуризацией учебного процесса одной из причин ролевого разнообразия в работе преподавателя становится все более широкое использование в ходе обучения новых образовательных технологий. При таком многообразном функционале преподавателя высшей школы, с одной стороны, открываются широкие возможности для совершенствования его квалификационной характеристики, но с другой – труд преподавателя усложняется, но пока никто не обсуждает вопроса адекватной оплаты такого труда.

Образовательные программы в магистратуре пока несовершенны. В новой редакции они во многом воспроизводят структуру заключительной части традиционных образовательных программ подготовки специалистов, пролонгированных до шести лет. Имеющиеся отличия связаны главным образом с увеличением трудоемкости вариативной и научно-исследовательской составляющих. Переход на двухуровневую структуру меняет образовательные нормативы. Очевидно, что магистерские программы должны быть авторскими, но в условиях тотальной стандартизации сделать это сложно. Хотя многие стандарты носят рекомендательный характер, но по ним лицензируются и получают аккредитацию вузы. В подготовке высококвалифицированных специалистов для работы в новейших технологичных отраслях (науч-

ной, экономической, политической, социальной) стандартный подход опасен и губителен.

Выбор дисциплин. Сегодня ФГОСы позволяют диверсифицировать подготовку магистрантов не только в рамках одного направления подготовки, но и в рамках одной магистерской программы. Можно осуществлять одновременно и подготовку будущих ученых, и подготовку профессионалов-практиков. Обязательные дисциплины конкретной магистерской программы определяются на этапе выбора программы. Другие дисциплины по выбору предлагаются обучающемуся на этапах выбора соответствующих дисциплин общенаучного и профессионального цикла. Однако пока не ясно, где и каким образом в образовательной части ООП подготовки магистра может быть заложена возможность формирования компетенций, необходимых для научно-исследовательской и преподавательской деятельности.

Безусловно, это должно быть связано с направлением магистратуры и дифференциацией магистерских программ. Видимо, для магистрантов, нацеленных на научно-педагогическую деятельность, должен быть предложен иной набор дисциплин по выбору, чем для магистрантов-практиков. Необходимо также учесть, что научно-педагогическая деятельность предполагает также знание основ педагогики, методики преподавания, поэтому они обязательно должны быть предложены как дисциплины по выбору именно научно-ориентированным студентам. Менее очевидно разделение магистрантов, обучающихся по одному направлению, при изучении базовых дисциплин, но и оно возможно и даже необходимо, если число магистрантов значительно.

Анализ недолгой практики функционирования магистратуры в российских вузах свидетельствует о необходимости преодоления инерции традиционного подхода к организации учебного процесса в магистратуре. Она вызвана привязанностью факультетов и кафедр к прежней системе подготовки специалистов, если не преодолеть данную ситуацию «... могут проявиться две нежелательные тенденции: либо обучение магистров по той же схеме, что и обучение аспирантов, либо, напротив, подготовка специалистов по традиционной системе, что фактически выражается в излишней или недостаточной для магистранта самостоятельности в учебном процессе» [18, с. 23].

Чтобы этого не произошло, надо создавать обучающую магистратуру с диверсифицированными авторскими программами, чтобы гарантировать обучающимся формирование компетен-

ций, необходимых для успешного осуществления научно-исследовательской и преподавательской деятельности.

Существуют проблемы организации производственных практик. Видимо, соотношение практической и научно-исследовательской деятельности в подготовке магистров должно быть разным для магистров-практиков и магистров-исследователей. Если исходить из цели подготовки будущих научно-педагогических кадров, то для них может быть обязательной научно-исследовательская и/или педагогическая практика. Более того, в магистратуре не решена проблема финансирования практик. Вероятно, исследовательскую магистратуру должно в полном объеме финансировать государство, тогда как в финансировании профессиональной магистратуры активное участие должно принять бизнес-сообщество.

Существуют некоторые проблемы и по итоговой государственной аттестации. Профессорско-преподавательскому сообществу России предстоит разработать требования к форме и содержанию магистерской диссертации. Но уже сейчас понятно, что было бы целесообразно дифференцировать не только их, но и программу государственного экзамена для практико-ориентированных и научно-ориентированных магистрантов. И. А. Гусева предлагает для магистрантов – будущих практиков ввести «обычный» государственный экзамен, а для магистрантов, планирующих поступать в аспирантуру, государственный экзамен может быть аналогом вступительного экзамена в аспирантуру (либо кандидатского экзамена), либо представлять собой вступительный экзамен в аспирантуру или кандидатский экзамен по соответствующей дисциплине [5, с. 9].

Более того, предлагается даже внутри научной магистратуры выделять не разные программы, а разных магистрантов, ориентированных на разные виды будущей профессиональной деятельности (научно-исследовательскую и преподавательскую), и даже определяются конкретные условия для этого. Данная идея, кроме сложности практической организации деятельности научной магистратуры, вряд ли целесообразна при требованиях к современному преподавателю вуза. Он должен быть прежде всего ученым, а потом – преподавателем, ибо без индекса цитирования и индекса Хирша вряд ли ему удастся работать в вузе. Более того, в условиях малочисленного контингента магистрантов по одному направлению подготовки, особенно в регионах, это нереально. Однако нельзя не со-

гласиться с тем, что «...вузы, которые не заложат в свою стратегию развития создание научной магистратуры, неизбежно окажутся на обочине прогресса» [5, с. 15].

Необходимо знакомство с мировым опытом реализации магистерских программ, который показывает, что многие вузы четко выделяют научно-ориентированные программы, освоение которых завершается присвоением степени магистра наук (Master of Science), и практико-ориентированные программы, освоение которых завершается присвоением степени магистра искусств (Master of Art). Не использовать многолетний практический опыт – это не просто ошибка, но, в условиях усиливающейся конкуренции вузов и процесса коммерциализации образования, опасность оказаться в отстающих, а для каких-то вузов это может обернуться уходом с рынка образовательных услуг [5, с. 12].

Таким образом, в условиях вытеснения из высшей школы программы специалитета магистратура становится многопрофильной профессиональной образовательной программой «на все случаи жизни», постепенно замещая программы подготовки специалистов. Однако большой объем вариативной части и разнонаправленность российской магистерской программы позволяют обеспечить ее профилирование. Выпускники магистратуры в рамках одной образовательной программы могут готовиться к научно-исследовательской, производственно-технологической, проектной, организационно-управленческой, педагогической и экспертной деятельности в соответствующей профессиональной области. В условиях 70 % вариативной части образовательных программ подготовки магистров можно начать решать проблемы «штучной» подготовки специалистов. Думается, только те вузы, которые смогут предоставить своим магистрантам возможность индивидуального выбора той или иной профильной составляющей магистерской подготовки, смогут выжить в конкурентной среде. Сейчас встает вопрос практической реализации данных мер. Но надо быть готовым к тому, что это долгий и непростой путь.

Существует проблема научно-методического обеспечения образовательного процесса в магистратуре, решение которой связано с модернизацией материально-технической базы, лабораторного оборудования, особенно в региональных вузах, что возможно лишь при поддержке государства, которое явно не торопится, поскольку «... Рособразование не приступило даже к решению проблемы финанси-

ния подготовки магистров: будет ли оно выделено отдельной строкой или, как сейчас, будет существовать общий бюджет для подготовки специалистов, бакалавров, магистров и аспирантов?» [18, с. 23].

Академическая мобильность, как один из важнейших аргументов вхождения России в Европейское образовательное пространство и перехода к совместимой с европейской системой двухуровневой модели, пока не срабатывает. В сложившейся ситуации она практически невозможна, особенно в регионах. Причинами являются и разница в учебных планах вузов, в национально-региональном и вузовском компонентах, финансовых трудностях индивидуальной мобильности и т. п. Важным условием развития предполагаемой академической мобильности магистрантов является финансирование семестровых научно-исследовательских практик по профильным программам в европейских и российских вузах. В Европе подобные стажировки обеспечиваются значительной государственной финансовой поддержкой. В России вузы решают данную проблему либо за счет собственных внебюджетных средств, либо бюджетов вузов-партнеров, грантовых программ, либо самих магистрантов или спонсоров. Очевидно, что эта проблема требует комплексного государственно-го подхода.

В России до сих пор существует недоверие к бакалаврам и недопонимание ценности магистерских кадров. В общественном мнении доминирует отношение к бакалавру как «неполноценному» специалисту. Стереотип отношения российских работодателей к двухуровневой системе является серьезным барьером на пути развития новой системы высшего образования вообще и воспроизводства научно-педагогических кадров в частности. «Спрос на рынке на выпускников бакалавриата пока невысок, поскольку работодатели не спешат принимать на работу бакалавров, считая, что они существенно уступают специалистам. Бакалавров пока берут на административную работу без особой ответственности, а в случае с производственной работой и высокой ответственностью предпочтение отдают магистру» [3]. Уж сегодня магистры стоят дороже, во всяком случае, в Москве. Владелец магистерской степени или второго высшего образования может рассчитывать на зарплату на 30 % выше, чем бакалавр, подсчитали эксперты ВШЭ. «Диплом об окончании профессиональных курсов работодатели ценят меньше: его обладатель может повысить свою зарплату только на 10 %. При этом продолжение обучения в аспирантуре прак-

тически никаких выгод не несет: зарплаты аспирантов и магистров оказываются схожи» [9].

В российских вузах не решен вопрос о необходимом количестве магистров. В разных странах он решается по-разному, но мировая практика показывает, что «...10 % магистров от общей численности студентов – это достаточно приличный уровень по международным меркам» [1, с. 26].

Согласно прогнозам «в ближайшие годы потребность в выпускниках магистратуры только по техническим специальностям составит 10,3 тыс. человек. Количество магистрантов необходимо увеличить хотя бы на 25 %, поскольку вполне вероятно, что часть выпускников не станет заниматься научными исследованиями или работать в вузах. Следовательно, общая потребность в выпускниках составит примерно 35,1 тысячи человек, или 28 % от численности выпускников по техническим специальностям, обучающихся за счет бюджетных средств в настоящий период» [1, с. 27–28]. Видится, что указанное число магистрантов, по всей видимости, следует принимать на конкурсной основе на бюджетные места. Очевидно, что соотношение «платных» и «бесплатных» студентов в данном случае будет совершенно иным, нежели при подготовке бакалавров, поскольку стоимость обучения в магистратуре существенно выше.

Таким образом, среднее соотношение студентов, чье обучение оплачивает государство, и тех, кто учится за свои деньги (в настоящее время в технических вузах это соотношение 60/40), вряд ли сохранится в магистратуре, даже с учетом возможности оплаты обучения работодателями. Вероятно, доля студентов магистратуры, обучающихся с полным возмещением затрат, не составит более 10–15 %. Государством до сих пор не решена проблема финансирования магистратуры, нет типового положения и нормативных документов Минобрнауки, которые определяли бы требования к магистерским диссертациям и подготовке магистров [1, с. 29].

Большую озабоченность вызывает проблема качества обучения в магистратуре, связанная с трудовой занятостью обучающихся. Предполагается, что «... обучение в магистратуре ориентируется в большей степени не на формальные формы организации образовательного процесса – традиционные лекции, семинары, а на активные формы обучения: дискуссии и обмен идеями между преподавателями и студентами ... обучение в магистратуре позволяет расширить профессиональный опыт (пополнение теоретического багажа, общение с коллегами, преподавателя-

ми), получить исследовательские навыки (исследовательская работа в семестре, подготовка и защита магистерской диссертации), планировать будущую профессиональную карьеру, как по горизонтали, так и по вертикали» [8]. Непонятно, как это можно реализовать без живого общения, которое сведено к минимуму в современной магистратуре.

Молодежь, поступающая в магистратуру, изначально ориентирована на работу и стремится перейти на индивидуальное обучение. Подготовка магистров уподобляется подготовке в прежней результирующей аспирантуре. Занятия с магистрантами проходят только по вечерам, а в условиях малочисленного набора в аудитории сидят 2–3 магистранта, после работы. Данная проблема требует быстрого решения, с учетом того что без живого непосредственного общения преподавателя и обучающегося очень сложно обеспечить высокое качество подготовки специалистов.

Особое беспокойство вызывает освоение программ специализированной магистерской подготовки лицами, имеющими высшее профессиональное образование иного профиля, чем избранное ими направление образования в магистратуре. Для них предусмотрена сдача вступительных экзаменов по дисциплинам, необходимым для освоения программы подготовки магистра и предусмотренным ГОС подготовки бакалавра по данному направлению. Не понятно, означает ли это требование необходимость освоения профессиональной составляющей образовательной программы бакалавриата по направлению, преемственному направлению магистратуры. Ведь сегодня по направлениям подготовки в области экономики, юриспруденции уже обучаются в двухлетней магистратуре бакалавры и специалисты, получившие математическое, естественно научное или техническое образование. Как обеспечить им объём бакалавриата, преемственного соответствующей магистерской программе? Если это экстернат, то не совсем ясно, чем двухлетняя магистратура отличается от программ ДПО с присвоением дополнительной квалификации (например, программ MBA)?

Ситуация становится критической, когда при поступлении в магистратуру происходит смена направления подготовки. В этом случае в магистратуру могут поступать как лица с опытом работы, которые более мотивированы к освоению магистерской программы, так и студенты, продолжающие образование, но и те и другие при смене направления или специальности не имеют соответствующей фундаментальной под-

готовки. Очевидно, что в этом случае «монопрограмма» обеспечивает более добротное образование, чем «кусочно-непрерывная» программа подготовки магистра. Двухлетняя же магистратура при смене направления подготовки для лиц, имеющих стаж работы, скорее может рассматриваться как пролонгированная программа дополнительного профессионального образования.

Остается нерешенным вопрос о соотношении аспирантуры и магистратуры. Есть мнение, что аспирантура должна быть «... диверсифицирована и иметь образовательные программы различной продолжительности в зависимости от того, на какую категорию выпускников высшей школы она ориентирована: 5+3 года – на выпускника по специальности, освоившего 5 летнюю программу; 4+2+3 года – на выпускника магистратуры, а может быть и 2+3 года – в случае, когда основная образовательная программа бакалавриата освоена по другому направлению» [18, с. 24].

Таким образом, все вышеназванные проблемы позволяют констатировать, что из-за отсутствия достаточного опыта по реализации образовательных программ магистратура пока не включена в систему воспроизводства научно-педагогических кадров. В существующем виде она не может быть стать источником пополнения рядов вузовских преподавателей. Высшая школа России из-за отсутствия достаточного опыта по реализации образовательных программ подготовки бакалавров и магистров пока не готова к таким фронтальным структурным реформам. Не была подготовлена социальная база, реформаторы на начальных этапах должны были привлечь на свою сторону научно-преподавательский корпус, подготовить его к предстоящим инновациям. В результате многие начинания реформаторов не воспринимаются вузами и реализуются только под жестким административным давлением. Эффективность таких инноваций не может быть высокой. Любые реформы, где бы они ни происходили, должны быть понятными, оправданными и убедительными, что не произошло в России. В этих условиях российские вузы становятся более уязвимыми на международном рынке образовательных услуг, чем зарубежные вузы, имеющие значительный опыт продвижения аналогичных образовательных программ.

Библиографический список

1. Абанкина, И. В. Сколько магистров нужно России [Текст] / И. В. Абанкина, Н. Я. Осовецкая // Платное образование. – 2008. – № 7/8.

2. Битва за магистров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta.aif.ru/_online/voronezh/755/15_01 (дата обращения: 04.02.2014).

3. В бакалавры я пойду, а потом – в магистры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://q99.it/sbbtGpp> (дата обращения: 14.06.2015).

4. Гретченко, А. И. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство [Текст] / А. И. Гретченко, А. А. Гретченко; Междунар. ин-т бизнес-тренинга. – М.: КНОРУС, 2009. – 432 с.

5. Гусева, И. А. Научная магистратура: мечта или реальность? [Текст] / И. А. Гусева // Высшее образование в России. – 2012. – № 2.

6. Демина, Н. Высшая аттестационная комиссия замахнулась на модернизацию и теологию [Электронный ресурс] / Н. Демина. – Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2010/08/04/vak_modern/ (дата обращения: 20.11.2016).

7. Кислицын, К. Н. Болонский процесс как проект для Европы и для России [Электронный ресурс] / К. Н. Кислицын. – Режим доступа: <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn/> (дата обращения: 12.11.2015).

8. Лебедева, Л. И. Магистратура в системе постдипломного образования [Электронный ресурс] / Л. И. Лебедева. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/magistratura-v-sisteme-postdiplomnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 12.10.2016).

9. Магистры стоят дорожке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2627663> (дата обращения: 12.10.2016).

10. Маленков, И. Проблемы подготовки магистров с высокой добавленной ценностью [Текст] / И. Маленков // Высшее образование в России. – 2008. – № 12.

11. Михайличенко, Т. А. О реализации ФГОС в техническом вузе [Текст] / Т. А. Михайличенко, О. Б. Громова // Высшее образование в России. – 2011. – № 12.

12. Мкртчян, Е. Р. Воспроизводство научно-педагогических кадров в ВУЗах г. Волгограда (результаты опроса магистрантов) [Текст] / Е. Р. Мкртчян // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2014. – № 3(4).

13. Письмо Минобразования России [Текст] / «О лицензировании высших учебных заведений по программам магистерской подготовки» (от 17.07.2000 № 24-52-206/10).

14. Сенашенко, В. С. Что происходит с российской магистратурой? [Текст] / В. С. Сенашенко // Магистратура: состояние и перспективы: Материалы научно методической конференции. Вып. 2. – СПб.: ОЦЭиМ, 2007.

15. Сенашенко, В. С. О некоторых проблемах подготовки кадров высшей квалификации [Текст] / В. С. Сенашенко // Высшее образование в России. – 2013. – № 4.

16. Сенашенко, В. О тенденциях реформирования магистратуры в структуре российской высшей школы [Текст] / В. Сенашенко, В. Халин // Высшее образование в России. – 2008. – № 3.

17. Смирнова, М. От специалиста к бакалавру? [Текст] / М. Смирнова // Высшее образование в России. – 2007. – № 11.

18. Якимович, Б. Институт магистратуры: опыт и перспективы [Текст] / Б. Якимович // Высшее образование в России. – 2008. – № 2.

19. Основные сведения о магистратуре. Сибирский институт бизнеса и информационных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibit.sano.ru/magistratura-i-aspirantura3/magistratura/osnovnyie-svedeniya-o-magistrature.html> (дата обращения: 01.12.2016).

20. Обучение в магистратуре. Уральская Академия туризма и международных отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uralinsttur.ru/blog/post/Obuchenie_v_magistrature/ (дата обращения: 08.12.2016).

21. Магистратура – это второй уровень высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bstu.ru/about/press_center/intervy/obraschenie (дата обращения: 01.12.2016).

УДК 331.108.2

ББК 65.011.1

КОНЦЕПЦИЯ НЕХВАТКИ РАБОЧИХ РУК В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.

В. М. Молоканов

Аннотация. В статье подвергается сомнению тезис об экономических причинах международной трудовой миграции. Отстаивается идея об идеологической подоплеке миграционных процессов в мире. Экономическая аргументация является всего лишь ширмой для некоей идеи глобализации и денационализации государства.

Ключевые слова: миграция населения, проблема нехватки трудовых ресурсов, глобализация.

THE CONCEPT OF A SHORTAGE OF LABOR RESOURCES IN THE RUSSIAN ECONOMY FROM THE PERSPECTIVE OF MODERN ECONOMIC THEORY

V. M. Molokanov

Abstract. The thesis about the economic causes of international labor migration is questioned in the article. The author defends the idea that the reason for international migration is the ideology. Economic argumentation is just a cover for idea of globalization and the denationalization of the state.

Key words: migration of the population, the problem of labor shortage, globalization.

Проблема миграции населения сегодня не сходит с повестки дня обсуждений как в среде широких слоев населения, так и в экспертном, научном сообществе. И это понятно. Общество как российское, так и европейское переживает период мощного переселения больших групп людей из бедных, некомфортных в экономическом плане регионов своего традиционного проживания, в районы с более успешным населением. Очевидно, что этот процесс не может происходить без глубочайших социального, мировоззренческого, культурного, политического и экономического кризисов. Следует отметить, что если на Западе однобоко положительное отношение к миграции, характерное для периода конца XX в., сменилось на более трезвое, критичное отношение к инокультурному воздействию иммиграции, то в российском государстве в силу поздней актуализации данной проблемы характерно односторонне позитивное отношение к миграции в научном и экспертном сообществе. Фундаментом в обосновании полезности миграции выступает прежде всего экономическая логика: для успешного экономического развития требуется постоянный приток новой рабочей силы. Целью данной статьи является критический анализ экономической аргументации, будто бы доказывающей бесспорную надобность миграции.

Свободный рынок труда с позиции неолитерального (следует не путать с классическим либерализмом), глобалистского мировоззрения –

такая же естественная черта свободной рыночной экономики, как и свободный рынок капитала, ресурсов и потребительских благ. В денационализации и глобализации национальных экономик виделось процветающее будущее экономического развития человечества. В этом ракурсе российский дискурс о нехватке рабочих рук и необходимости привлечения иностранной рабочей силы является частью этого мировоззрения, при публичном, показном отрицании глобализации и западного мультикультуризма. Этот диссонанс, конечно же, требует отдельного анализа, что не является предметом исследования данной статьи.

Но всё же и отечественных рыночников либералов, и отечественных традиционалистов, сторонников дирижистской экономики, объединяет глубокая уверенность в нехватке рабочих рук и необходимости широчайшего привлечения этих рук из-за рубежа. Попробуем подвергнуть этот тезис скрупулезному анализу с позиций накопленных знаний экономической науки.

1. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что основной проблемой макроэкономики, государственного регулирования экономики является абсолютно противоположная тенденция – избыток рабочей силы. Борьба с безработицей, обеспечение занятости населения – это та проблема, которой посвящены множество научных статей, образовательные курсы для студентов высших учебных заведений, правительственные меры в современных странах Запада. Ситуация

полной занятости в экономической теории полагается как идеальный случай, ненаблюдаемый в современном мире практически никогда. Таким образом, построение моделей, в которых труд является исчерпанным фактором производства, противоречит современной макроэкономической теории и практике государственного регулирования. Постулировать нехватку рабочей силы тем более неверно, поскольку речь идет о глубоко депрессивной российской экономике, в которой согласно той же экономической теории должна быть значительная безработица. Тут стоит упомянуть о некоторой новации в теории безработицы, которая обогатила экономическую теорию отечественная действительность, – скрытая безработица. Уникальность данного явления обусловлена институциональными причинами российской экономики, когда фактическое отсутствие работы не всегда обретает форму формального прекращения трудовых отношений с работодателем. Соответственно, официальные цифры безработицы в российской экономике принято кратно умножать на коэффициент скрытой безработицы. Но даже если верить только цифрам государственной статистики, в России нет исчерпания рабочих рук [1].

2. Проблемы нехватки рабочих рук экономисты не обнаружат и в моделях микроэкономического анализа. Теория факторов производства учит, что помимо труда существует как минимум еще три фактора: капитал, земля и предпринимательские способности. Причем в моделях изокванты и производственной функции эти факторы могут замещать друг друга в обеспечении одного и того же выпуска. Соответственно, если труд в недостатке, то его можно заместить капиталом, капиталоемкими технологиями и, если говорить о предпринимательских способностях, то более эффективной организацией труда и производства. Анализ в рамках теории производственной функции можно завершить парадоксальным выводом для большинства населения, не знакомого с микроэкономической теорией: если постулируется нехватка рабочей силы, то это свидетельствует о дефиците капитала и эффективного предпринимательства. Если нет экскаватора, которым можно вырыть траншею, то возникает надобность в паре десятков черно-рабочих с лопатами, которые делают ту же самую работу. Статистика Ростата подтверждает этот вывод [2]. Высокий износ основных средств и низкие показатели инвестиций в основной капитал, характерный для всего периода постсоветской России, доказывают обоснованность данного парадокса.

3. Экономическая политика, направленная на привлечение трудовых мигрантов, противоречит цели модернизации российской экономики. Очевидно, чем больше рабочей силы, тем она дешевле. Избыток дешевой рабочей силы негативно воздействует на структуру экономики точно также, как это описывал нобелевский лауреат по экономике Ф. Хайек в экономическом явлении, которое он назвал «эффектом Рикардо» [3]. Дешевая рабочая сила заставляет предпринимателей, стремящихся по определению к минимизации издержек, отказываться от сложных, капиталоемких проектов и инвестировать деньги в устаревшие, трудоемкие в силу их относительной дешевизны. Для того чтобы модернизация экономики стала фактом, нужна не дешевая, а дорогая рабочая сила. Дешевая рабочая сила делает невыгодным капитализацию производственных процессов. Соответственно, необходимо ограничивать трудовую миграцию, а не поощрять.

4. Политика стимулирования трудовой миграции по сути является способом добиться экономического роста России экстенсивным путем. Неспособность использовать интенсивные методы, приверженность абсолютным показателям в ущерб относительным – отличительные черты российской экономической политики: Китай лучше Чехии, потому что ВВП Китая больше, а потому влияние на мировую политику выше. Российской элите ничего не остается, как просто увеличивать количество используемых ресурсов как природных, так и трудовых. Экономист же может смоделировать ситуацию, при которой падение ВВП может сочетаться с ростом его душевого значения.

5. Стимулирование миграции рабочей силы свидетельствует о нерыночном характере взаимоотношений между работниками и работодателями на российском рынке труда. Нехватка рабочей силы обнаруживается в тех сферах экономики, где размер заработной платы не соответствует интенсивности и условиям труда. Когда чиновники сообщают обществу, что в тех или иных сферах невозможно привлечь населения на работу, они забывают указать, за какую именно плату не хотят люди работать. Экономист-рыночник подсказал бы таким чиновникам простой способ задействовать людей в нужных, с точки зрения чиновников, сферах – поднять заработную плату.

6. Промышленная революция и зарождение капитализма – следствие не избытка, а дефицита рабочей силы. Именно резкое снижение численности населения Европы в XIV–XVII вв.

из-за природных катаклизмов и массовых эпидемий типа бубонной чумы подорвали устои феодализма. Сословные границы были сломаны в силу вымирания значительной части как церковного сословия, так и дворянства. Низшим слоям населения стали доступны социальные лифты, о которых они ранее даже подумать не могли. Дефицит труда привел к резкому росту цен на него. Одним из интереснейших документов того времени, подтверждающих данное явление, является английский закон Статут о рабочих 1351 г., в котором отражена попытка зафиксировать цену труда до уровня предшествующего чумной эпидемии. Реабилитируются науки (инструмент капитализации труда), зерновое земледелие замещается пастбищным (требует меньшего количества труда). Инновации в сельском хозяйстве передают эстафету изобретениям в промышленности. Только к началу XIX в. население Европы стабилизировалось.

7. Эксперты, которые отстаивают теорию нехватки рабочей силы, – приверженцы особого мировоззрения на организацию экономической жизни общества. Экономика для них – наука наподобие механики. Причем экономика – это некая сверхидея, божество, потустороннее от человечества. Человек – это ресурс для экономики. Человек всегда объект, но никогда не субъект экономики. Хорошая экономика – это машина, где маховики с винтиками отлажены и работают в такт. Соответственно, нужно только правильно рассчитать количество того или иного ресурса в данной машине. Написано огромное число философских и социологических работ как левого, так и правого толка, раскрывающих онтологическую

бессмысленность подобной конструкции. Всё же это экономика для людей, а не люди для экономики.

8. Стройный ряд данной критики, апеллирующей к авторитету экономической теории, как будто бы нарушает теория международной торговли. Прежде всего, это теория Хекшера-Олина, устанавливающая в качестве причин международного обмена избыток того или иного фактора производства, и в нашем случае это дефицит или избыток трудовых ресурсов. Однако это заблуждение, возникающее из-за непонимания сути теории: это теория об обмене товарами, произведенными с помощью избыточных факторов производства, а не о торговле самими факторами. Более того, согласно теореме Лернера-Самуэльсона (составной части более широкого понятия модели Хекшера-Олина-Самуэльсона) именно свободный обмен между странами конечными благами делает ненужными обмен факторами производства.

Библиографический список

1. Трудовые ресурсы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 21.10.2016).
2. Эффективность экономики России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# (дата обращения: 21.10.2016).
3. Хайек, Ф. Цены и производство [Текст] / Ф. Хайек. – Челябинск: Социум, 2008. – 199 с.

УДК 572:008
ББК 87.52в04

ПРОБЛЕМА КВАНТИФИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ¹

Д. Ю. Сивков

Аннотация. В свете актуальности больших данных и дигитализации наук в статье рассматривается квантификация в социальной и культурной антропологии. С одной стороны, антропология позиционирует себя как социальная наука без квантификации, с другой стороны, числа и формулы часто используются в качестве фреймов и для усиления аргументации. Ситуативность использования чисел и статистики в этнографическом подходе Малиновского указывает на социальное происхождение квантификации. Числа соединяют и разъединяют человеческие и нечеловеческие акторы и используются в антропологии как союзники.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 15-06-02758 «Реляционное объединение данных разнородных социологических исследований в единый массив и интеллектуальный анализ с применением технологий машинного обучения».

Ключевые слова: социокультурная антропология, этнография, квантификация, данные, качественные исследования, Малиновский.

THE PROBLEM OF QUANTIFICATION IN SOCIAL AND CULTURAL ANTHROPOLOGY

D. Y. Sivkov

Abstract. The quantification in social and cultural is viewed in the context of big data and digitalization of humanities. On the one hand, anthropology presents itself as social science without quantification; on the other hand numbers and formulae are often used as frames and for stressing of arguments. Situatedness of numbers and statistics in Malinowski's ethnographic approach shows a social origin of quantification. Numbers are used as allies that connect and disconnect human and non-human actors.

Key words: sociocultural anthropology, ethnography, data, quantification, qualitative studies, Malinowski.

Введение

Необходимость обращения к проблеме квантификации в социальных науках и, в частности, в социокультурной антропологии вызвана теми радикальными технологическими изменениями, которые происходят в науке и образовании. Во-первых, распространение компьютерных и мобильных технологий привело к повсеместному использованию компьютеров и мобильных устройств, специализированного программного обеспечения в повседневной исследовательской работе: «Цифровые онлайн опросы, интервью по скайпу, цифровое аудио и видеозапись, смартфоны, и нетбуки имеют все более допустимую и регулярную роль в практиках сбора и анализа данных» [10, р. 46]. В этом смысле социальные ученые стали цифровыми гуманитариями (*digital humanists*), которые «собирают, находят, организуют и анализируют; подробно описывают, аннотируют, цитируют, размышляют, представляют друг другу и архивируют исследовательские данные и материалы» [10, р. 37]. Дигитализация исследовательской деятельности, необходимость программирования и расчетов приводит к квантификации данных. Это означает, что проблема количественных данных и их квантификации становится актуальной и для ученых, занимающихся качественными исследованиями.

Во-вторых, проблема квантификации данных актуализируются в связи с дискуссиями об использовании методологий анализа больших данных (*big data*) в социальных науках. Появление больших данных ставит вопрос об устаревании классических методологических программ в социальных науках [13]. Качественные исследования, в частности, этнография либо противопоставляются большим данным, либо в той или иной мере вступают в коллаборацию с ними, выступая в качестве теоретической или методологической рамки [7, 11, 15]. Например, в анализе

больших данных в исследованиях пользователей компьютерных игр возникает антропологическая проблема локализация непредставимых сообществ (*underrepresented community*) [28]. Также анализ больших данных может показать проблематичность и сконструированность базовых антропологических понятий, например, базового понятия для качественных исследований – понятия контекста [23]. Кроме того, в этой связи актуальными являются архивирование, кодирование, повторное использование и распространение (*sharing*) этнографических данных [17, 25].

В общем виде квантификация в социальных науках означает использование чисел, количественных и статистических показателей, формул, таблиц и иного математического аппарата. Использование квантификация связано с рядом напряжений характерных для наук об обществе. Использование квантификации и статистики «в различное время отражает меняющиеся, сложно предсказуемые и интеллектуальные тенденции» [13, р. 146].

Речь идет о научных войнах между гуманитарными и естественными науками, между качественными и количественными методологиями. С одной стороны, социология, психология и социокультурная антропология следуют идеалу естественнонаучной объективности, в котором числа, как считается, имеют объективный и безличный характер. С другой стороны, социальные науки определяют себя как «науки о духе» и целенаправленно отделяют от «наук о природе». При этом науки о духе основываются на неповторимом и субъективном переживании нематериальных объектов и динамичных процессов. В данной статье будет показано, какую роль квантификация играет в социокультурной антропологии – дисциплине, которая оказала мощное влияние на качественные исследования в социальных науках [27]. Важно понять, почему и как в

антропологии возникает и поддерживается «доверие к числам» (trust in numbers) [21].

Антропология без квантификации

Отношение к квантификации в антропологии является неоднозначным. Так, существует интеллектуальная тенденция считать антропологию качественной дисциплиной без квантификации, противопоставлять квантификацию и неколичественные исследования, количественные методы и насыщенное описание этнографии. В неквантифицируемой этнографии ключевое «парадигматическое положение этнографических идеалов, ведущее и сегодня многих исследователей», следующее: «описательная работа антропологии должна осуществляться близко к живому опыту, а формализм, абстрагирующий этот опыт в математические правила или репрезентации, должен находиться под подозрением» [24, p. 30].

Разделение и соперничество количественных и качественных методологий имеет свою генеалогию, но зачастую радикальный отказ от квантификации связывают с американским антропологом Клиффордом Гирцем – автором концепции насыщенного описания (thick description) в этнографии. Насыщенное описание предполагает интерпретацию событий с учетом контекста. Как показывает антрополог Ник Сивер, именно Гирц провел «различение между *naturwissenschaft* и *geistwissenschaft*, количественным и качественным» в антропологии [24, p. 34]. Этнография – это не «экспериментальная наука, занятая поисками закона», а «интерпретативная, занятая поисками значения» [1, с. 11].

«Интерпретация культуры» и насыщенное описание – это ответ на формализацию и математизацию антропологического исследования в «этнонауке, когнитивной антропологии, компонентном анализе», в которых описание представляет собой «этнографический алгоритм», приводящий к соединению «чрезмерного субъективизма с чрезмерным формализмом» в виде «таксономий, парадигм, таблиц и прочих ухищрений» [1, с. 18]. Интерпретативную антропологию Гирц противопоставляет «темным наукам» (dark sciences). «На меня, – писал Гирц, – не производили впечатления и заявления, будто структурная лингвистика, компьютерная инженерия или какая-то другая продвинутая форма познания может сделать нас способными понимать людей без их изучения» [1, с. 39]. Американский антрополог выступал против каких-либо репрезентаций и опосредований с помощью чисел.

Обратим внимание на антропологические методологические программы, противостоящие

позитивистскому идеалу рациональности и объективности в антропологии. Акцент на субъективном опыте, отказ от каких-либо форм объективности, в том числе и квантификации, ставится в так называемой рефлексивной антропологии.

В 1974 г. американский антрополог Ренато Росальдо вместе со своей женой Мишель отправился на Филиппинские острова в племя илонготов для того, чтобы изучать охотников за головами. Перед Росальдо стояла непростая задача, понять и объяснить ритуал отрезания головы у врага мужчинами-илонготами, – ритуал, который никак не укладывался в общечеловеческие понятия или в антропологические категории. Несмотря на запрет со стороны государства, несмотря на канализацию эмоций через принятие христианства и колониальных ценностей, охотники за головами время от времени отправлялись поодиночке в свои военные экспедиции. Инголоты объясняли свои поступки тем, что это позволяло перестать им чувствовать гнев, вызываемый утратой, например, смертью близкого человека: «сам акт отрезания и отбрасывания головы жертвы позволяет ему выплеснуть гнетущее его чувство раздражения от постигшей его утраты» [5, с. 179].

Но как интерпретировать это «нечеловеческий» поступок антропологу? Как сделать понятными для европейцев и американцев действия Другого? Как рационализировать, и в какую систему категорий поместить ритуал? Росальдо считал, что «несмотря на то, что работа антрополога заключается в том, чтобы сделать понятными другие культуры, дальнейшие попытки как-то интерпретировать этот лаконичный ответ старого илонгота терпят неудачу» [5, с. 179]. Попытки антрополога объяснить ритуальное оборачивались неудачей, до тех пор, пока не соотнес со своим опытом гнева и скорби, связанных с утратой близких. Как пояснял Росальдо «я начал понимать силу того, что мне говорили илонготы о своих утратах, только пережив подобную утрату сам, а не благодаря систематической подготовке к полевому исследованию» [5, с. 187].

В 1970 г. умер брат антрополога в возрасте 27 лет. Росальдо видел и переживал скорбь родителей, но не ощущал ничего похожего на то, что он увидел у инголотов. Однако, в 1981 г. в экспедиции жена антрополога оступилась, упала с двадцатиметрового обрыва и разбилась насмерть. Страшная трагедия позволила антропологу прочувствовать и понять охотников за головами. После смерти жены антрополог испытал сильное потрясение: «Меня охватили сильные эмоциональные переживания. Я испытывал режущую

боль от страдания практически на грани переносимого, мертвящий холод понимания бесповоротности смерти, трепетание, зарождающееся в области живота и распространяющееся на все тело; я вдруг начинал рыдать помимо свое воли, часто плакал, обливаясь слезами» [5, с. 188]. В дневнике после смерти жены Росальдо записал следующее антропологическое сравнение: илонготы «ближе к реальности, чем христиане. Действительно, мне нужно место, куда бы я мог выплеснуть свой гнев, – и как мы можем утверждать, что решение, связанное с воображением, лучше, чем предложенное ними? И как мы можем обвинять их, когда сами сжигаем напалмом деревни? Действительно ли наше логическое объяснение разумнее, чем их?» [5, с. 190]. В итоге он пообещал себе написать книгу об охотниках за головами. Работа над текстом была чем-то вроде катарсиса для Росальдо.

Соответственно, суть рефлексивной антропологии не только в рефлексии по поводу метода. Как отмечал Росальдо, «в современной рефлексивной антропологии обнаруживается тенденция к утрате целостного видения культурно отличного «Иного» вследствие сосредоточенности на «Себе» [5, с. 185]. Таким образом, рефлексивная антропология имеет своей целью не изучение и спасение Других, а понимание и спасения самого себя, этнографа: через опыт чужих и других сообществ понятным становится собственный опыт – и на уровне культурных универсалий, и на уровне переживаний. При такой субъективной установке числа данные или любые формы объективности не имеют никакого значения.

Соответственно, Росальдо пришел к выводу, что в антропологии «объективная истина – абсолютная, универсальная и вневременная утратила свою монополию. Сейчас она соперничает на более или менее равных условиях с установками конкретных исследований, которые ведутся в локальных контекстах, обусловлены локальными интересами имеют черты локального восприятия... Такие термины, как объективность, непредвзятость и беспристрастность, отсылают нас к субъективным установкам, имевшим некогда поддержку институционального авторитета, однако вполне вероятно, что эти установки не более или менее обоснованы, чем позиции более вовлеченных в социальные процессы, но от этого не менее восприимчивых и осведомленных их участников» [5, с. 200].

В подобном субъективном ключе, а лучше сказать, анти-объективном ключе функционирует так называемая не-репрезентативная (non-

representational) этнография, в первую очередь обращающая внимание такие характеристики и феномены социальной реальности, как витальность, перформативность, телесность, чувственность и мобильность. Не-репрезентативная этнография делает акцент не на описании мира, не на его репрезентации в виде данных, а на взаимодействии, вмешательстве и переживании мира. Как отмечает канадский антрополог Филипп Ванныни, «там, где традиционная и реалистическая этнография более или менее постулирует репрезентацию своих исследовательских предметов как правдивое изображение мира «как есть», не-репрезентативные этнографы считают свой труд импрессионистским и неизбежно креативным, и хотя они вдохновлены своим живым опытом в поле, они не считают необходимым и не интересуются описанием (reporting) имперсональных, нейтральных и относительных способов (manner). Поэтому можно сказать что не-репрезентативные стили – это такие стили, которые больше стремятся оживлять, а не миметировать, врывать, а не просто подсчитывать, побуждать, а не просто записывать, реверберировать, вместо того, чтобы скромно резонировать...» [26, р. 319].

Не-репрезентативный подход в этнографии предполагает определенную онтологию: мир сложный, изменчивый, множественный, потенциальный, гибридный и гетерогенный, различение субъекта и объекта провести невозможно, но при этом субъект может изменять мир.

В этой онтологии любые репрезентации, а тем более квантификация, не дают никакого преимущества исследователю. «Поэтому не-репрезентативные этнографы меньше интересуются кодированием текстуальных данных для того, чтобы дать начало дескриптивным объяснительным категориям, чем в осознании самих ограничений в понимании мира и очаровании процессами, через которые жизнь постоянно сбивает нас с толку (mistifies)» [26, р. 320].

Более того, не-репрезентативный подход не предполагает никакого прагматического выхлопа: «те, кто интересуются Нерепрезентативные исследование, должны быть более скептически в отношении консистентности, применимости, последовательности и полезности...» [26, р. 325].

Итак, рефлексивная и не-репрезентативные этнографии в принципе исключают квантификацию из своих исследовательских программ. В этом смысле не-квантифицируемая этнография противопоставляется квантификации как метод, как исследовательская программа.

Этнография versus квантификация

В книге, названной «Обольщение квантификацией», антрополог Салли Энгл Мерри исследует, как квантифицируются такие социальные феномены, как насилие над женщинами, торговля людьми и права человека. Например, в судопроизводстве данные феномены оцениваются и редуцируются к набору показателей, специально разработанных международными, государственными и неправительственными организациями. При этом под квантификацией Мерри понимает «описание социальных феноменов в исчислимых и соизмеримых терминах. Квантификация зависит от конструирования универсальных категорий, имеющих смысл вне зависимости от национальных, классовых, религиозных и региональных границ» [20, р. 1].

С одной стороны, «квантификация обольстительна» в том смысле, что «она предлагает конкретную, числовую информацию, которая позволяет упростить сравнение и расстановку стран, школ, соискателей, учителей и многое другое. Она организует и упрощает знание, облегчая принятие решений в отсутствие более детальной, контекстуальной информации» [20, р. 1].

С другой стороны, несмотря на то, что квантификация позволяет выразить сложное и непонятное через простое, она выражает и показывает лишь часть сложной реальности, существенно упрощая ее: «Численное знание приводит к чрезмерному упрощению, гомогенизации и пренебрежению социальной структурой» [20, р. 1].

В тоже время числа и показатели являются конструкциями – они появляются в результате переговоров, влияний и политик представителей различных организаций и социальных групп с разными фреймами. Результат разработки таких показателей является ситуативным решением, не учитывающим культурные и этнические особенности в отношении сексуального насилия, сексуального рабства, торговли людьми, прав человека и других феноменов. Соответственно, именно этнография позволяет эксплицировать генеалогию квантификации и противопоставить квантификации множество локальных историй, которые вообще никак не «бьются» с абстрактными показателями, разработанными и используемыми при оценке социальных феноменов.

По сути дела, Мерри противопоставляет два методологических проекта – насыщенное этнографическое описание и использование индикаторов (квантификация). Антрополог считает, что «первый проект основывался на особенной локальной ситуации и темы порождал категории и вопросы из опыта тех, кто прошёл через неё, а

второй совсем не обращался к опыту женщин. Первый использовал локальное знание, чтобы решить, что считать и измерять, в то время как второй полагается на глобальные меры, которые уже были разработаны и использованы во многих других странах. Первый вводит в расчёт этничность и социальный класс интервьюируемых людей, также как и историю судебной системы Нью-Йорка, а второй не делает этого» [20, р. 2–3].

Сконструированные числовые показатели, которые строятся, например, на количестве обращений в полицию в случае насилия обычно не учитывают множество случаев: «государственного насилия полиции военных, сексуального домогательства, преследования, женских абортов, насилия против мужчин, издевательства над животными и порча имущества, ранний и насильственный брак и многие другие формы насилия» [20, р. 62]. Подход, использующий количественные показатели, «категоризирует насилие против женщин по типу отношений, типу насилия, жестокости насилия, частоте насилия». При этом «сложность отношений – их история, взаимодействие любви и страха, роль родства, модели проживания – исчезают. Вместо этого мы получаем серии относительно дискретных и, вероятно, объективных категорий, используемых для измерения этих феноменов вне зависимости от класса, национального и культурного разделения» [20, р. 62]. Если говорить более конкретно, то этнографическое описание дебатов при определении критериев количественных показателей, в которых участвовали представители разных стран, показывает, что понимание насилие в Бангладеш совсем иное и существенно отличается от европейских представлений и практик. Здесь физическим насилие – «сбросить с высокого места, ударить в грудную клетку, сломать палец, убить», а психологическое насилие – «не отвечать на вопросы, жениться на другой в дополнение к существующей жене». Также отличается понимание интенсивности насилия, превышение меры допустимого в Бангладеш происходит тогда, «когда кровь течёт из органа», – это, действительно, жестокое насилие, все остальное считается «управляемым насилием» [20, р. 77–78].

Колониальные стереотипы существенно влияют на конструирование числовых показателей. Например, «сексуальная торговля обычно представляется в образе юной девушки, как правило бедной и коричневой, похищенной и передаваемой из рук в руки, пока это не закончилось в каком-нибудь борделе или она была продана доведёнными до нищеты родителями. Так она появилась в мире сексуального труда и обслужи-

вает тридцать мужчин в год» [20, р. 114]. Этнографический описание существенно усложняет ситуацию с торговлей сексуальными услугами и превращает жертвы в самостоятельные субъекты, делающих свой выбор. Например, женщины могут прекращать работу в сфере сексуальных услуг различным образом, становятся владелицами борделей, могут достаточно свободно входить и выходить из индустрии. Кроме того, существуют неформальные и даже ритуальные сети вовлечения: соседи, друзья, родственники и т.д. Торговля сексуальными услугами оказывается связанной со свободным выбором, поиском лучшей жизни, желанием модернизации своей жизни и потребления [20, р. 142]. Квантификация в показателях «срезает» все эти этнографические тонкости. «Настоящее стремление к квантификации рискует принести в жертву богатые, этнографические описания (accounts)» [20, р. 2].

Тем не менее, несмотря на критику квантификации, Мерри обращает внимание на ограничения, возникающие и при использовании этнографии. В этом смысле ни у качественных, ни у количественных методов нет преимущества в виде холистского видения проблемы. Этнография в качестве фона хорошо подходит для выявления ограниченности квантификации, но при этом она сама не застрахована от подобных ошибок. Проблема возникает при переносе некоторой частной истории на все общество: «Такое качественное знание, такая детальная этнография деревни терпит неудачу, когда изучает то, что расширяет эту деревню до любого большего общества. Качественное знание неизбежно отбирает лишь некоторые черты для сравнения, игнорируя их особенные истории, взаимодействия и размещенность (locatedness), холистская перспектива отсутствует и знание с трудом помещается в социальный контекст. Оба метода, взятые по отдельности, содержат риски» [20, р. 21].

В итоге Салли Мерри приходит к очень важному выводу: «Рассказы, взятые вне контекста, тоже могут вводить в заблуждение, как и числа без контекста» [22]. При этом, как показывает исследование Ника Сивера, само понятие контекста, казалось бы незыблемое в социальной и культурной антропологии, также может быть поставлено под вопрос, потому что исследование приложений контекстного подбора музыки показывает, что контекст сам по себе нечто сконструированное [23]. Таким образом, в противопоставлении этнографии и квантификации, преимущество какого-либо подхода оказывается проблематичным. Исследование Мерри показывает, что не только квантификация, но и этно-

графия является «черным ящиком», в который упакованы социальные обстоятельства конструирования знания.

Квантификация в антропологии: аргументы «за» и практики использования

Кажется, что социальная и особенно культурная антропология – дисциплины, исключющие квантификацию. Однако это не совсем так. Существует противоположная интеллектуальная тенденция так или иначе задействовать в исследовании числа, таблицы и формулы, формализовать и кодировать данные и т.п. Соответственно, необходимо эксплицировать аргументы сторонников квантификации и причины обращения к числам в этнографических исследованиях. Привлекая числа на свою сторону, антропологи решают разные задачи.

В начале, когда дисциплина еще только формировалась, Эдвард Бернетт Тайлор – основоположник британской социальной антропологии, автор ключевого для этнографии понятия культура – предлагал использовать при анализе культуры статистику. В «Первобытной культуре» Тайлор писал, что «при изучении некоторых сторон общественной жизни в настоящее время возможно обращаться к содействию статистики. Из всех новейших исследований законов человеческих действий наиболее решительное влияние имели обобщения Кетле относительно правильности, регулярности не только таких данных, как средний уровень роста и ежегодного числа рождений и смертей, но и таких темных и как будто лишенных закономерности бытовых явлений, как число убийств и самоубийств и даже характер самих орудий преступлений. Другим поразительным примером может служить отчетливая регулярность в количестве лиц, ежегодно убиваемых вследствие несчастных случайностей на лондонских улицах, и писем без адреса, опущенных в почтовые ящики» [8, с. 25]. Таким образом, статистика и количественная форма обеспечивает объективность данных, их точность, повторяемость и сравнимость друг с другом.

При этом привлечение статистики осуществляется наравне с анализом элементов материальной и духовной культуры древних племен и народов, таких как, например, «наконечник стрелы, могильный холм, рассказ о приемах колдуна для вызывания дождя, таблица чисел или спряжение глагола». Эти элементы тоже «могут сами по себе характеризовать и отображать известную сторону культуры у данного народа с такой же достоверностью, как правильные таблицы смертей от отравления и число ввезенных ящиков чая» [8, с. 25]. В этом смысле статистика

является «золотым стандартом», с которым сравнивается зарождающийся этнографический метод. Этнографическая объективность, заимствованная из квантификации, заключается в том, что «этнография имеет дело именно с такими общими и единообразными свойствами организованных человеческих групп» [8, с. 25–26]. Не различия, а сходство, не исключения, а закономерности позволяют обеспечить и статистику, и этнографический метод.

Для антропологии характерна легитимация дисциплины через апелляцию к естественнонаучной объективности. Альфред Рэдклиф-Браун в книге, посвященной методу социальной антропологии, сравнивает свою дисциплину с естественными науками и ставит антропологию в один ряд с ними: «Не так давно обретенное нами знание законов физических и химических явлений уже позволило нам достичь огромного прогресса в материальной цивилизации благодаря контролю над силами природы. Открытие законов человеческой психики, являющееся особой задачей психологии, по-видимому, обещает нам аналогичный прогресс в таких вопросах, как воспитание и просвещение. Разве не вправе мы заглянуть вперед, в то время, когда адекватное познание законов социального развития, дав нам знание социальных сил (как материальных, так и духовных) и контроль над ними, позволит достичь практических результатов величайшего значения?» [6, с. 50]. Соответственно, Рэдклиф-Браун отождествляет законы природы и законы общества.

Как замечает антрополог Аллен Джонсон, социальная и культурная антропология, используя числа и формулы, примиряет естественные и гуманитарные науки: «Традиционный антропологический отчет, или этнография, пытается опосредовать противоречивые тенденции гуманитарных и естественных наук в антропологии» [16, р. 64]. Кроме того, как уже было показано, использует результаты подсчетов и корреляций как более объективную форму, чем, например, дневниковые записи: «... некоторые современные социокультурные антропологи считают важным использовать числовую очевидность в поддержку своих аргументов» [13, р. 154].

Числа, таким образом, в том или ином виде выступают в качестве союзника, который помогает структурировать данные, выйти за их пределы, что-то осознать и т.п. Как отмечал Джей Клайд Митчелл, «... более детальное знание, которое допускает квантификация и корреляции между феноменами, которые выявляет статистическое рассуждение, могут быть существенные

основанием, на котором антропологи могут начать возводить свои генерализации о социальном поведении изучаемых людей. По сути количественные методы помогут описанию. Они приносят в данные, собранные в поле, точные закономерности. Средние величины, пропорции и проценты – это способы суммирования свойств и отношений в данных. Статистические измерения, основанные на теории вероятности, выходят за предельно количественных данных и предлагают устройства, с помощью которых можно получить ассоциации между различными социальными фактами, собранными наблюдателем» [19, р. 20].

Квантификация как бы проявляет некоторые социальные закономерности в данных: «У квантификации нет магического свойства – давать точность данным: если базовые наблюдения являются неточными и неполными, то статистика, извлеченная из них, несомненно, будет отражать эти недостатки. Квантификация достигает конденсации фактов, поэтому закономерности и паттерны становятся более заметными» [19, р. 26].

При этом ограничением использования числовых показателей будет плохая статистика или плохие количественные данные. Кроме того, существует проблема, связанная с тем, что количественные данные не всегда понятны и переводимы в отношении туземных языков и культур, и корреляция между объектом и паттерном не всегда возможна. «Сложности со сбором количественных данных в антропологической полевой работе усугубляются тем фактом, что люди, среди которых работают антропологи, обычно не мыслят количественными терминами, также как люди, живущие в индустриальных и коммерческих обществах» [19, р. 36].

Квантификация делает данные более управляемыми, например, помещая их в таблицы [19, р. 39]. При этом существуют сложности перевода насыщенных и детализованных качественных данных, у интервью «формы обычно более сложные, и трудности возникают при приведении их к количественным обобщениям» [19, р. 39].

В последнее время интерес к квантификации в этнографии существенно увеличился. Практически все руководства по дизайну этнографического исследования в той или иной форме содержат рекомендации по использованию таблиц, индексов, по формализации и компьютерной обработке данных. Преобладает идея сочетания различных видов данных, количественных и качественных: «Интервью и наблюдение – основные техники сбора данных, но любые средства добывания информации, способствующие

описанию людей и их образа жизни, могут считаться подходящими для этнографической полевой работы» [9, р. 3].

Для выявления границ и количественного состава труднодоступных или плохо представленных сообществ используются сторонние данные переписи и опросов, и с помощью формул подсчитывается примерное число популяции. Антрополог Марта В. Ресс пыталась определить количество мексиканок в «черной» Атланте. Ситуация усугублялась тем, что женщины из Мексики зачастую были нелегальными мигрантами. Ресс использовала разные статистические данные (количество испаноязычных детей в американских школах, количество мексиканцев в испаноязычных популяциях, соотношение женщин и детей) и получила примерное количество мексиканских женщин – 14 000 [9, р. 112]. При этом Ресс предлагает корректировать числовые данные этнографией: «использование комбинации опубликованных данных переписей и других официальных текстов и этнографических опросов и/или интервью» [9, р. 113]. В этом смысле считается, что этнографические данные корректируют подсчет, делают прогноз осторожным и более точным.

Другая область использования квантификации в социальной и культурной антропологии связана с индексацией и кодификацией данных. В первую очередь, это делается для навигации по данным, поиска специфической информации. Антрополог Майкл Ангросино советует: «Когда вы вернулись домой [из поля], нужно незамедлительно пометить все записи вашим именем, именем рассказчика, датой, временем и местом интервью» [9, р. 43].

Кроме того, интервью обычно расшифровываются, и транскрипты кодифицируются для выявления сквозных тем, генерализаций и корреляций с помощью специальных компьютерных программ или даже Microsoft Word. «Этнографы, как правило, делают уточненные компьютеризованные транскрипты своих многочисленных аудио записей, которые затем анализируют (выявляют паттерны), зачастую с помощью специальных программ» [9, р. 30].

Если исследования родства изобилуют специальными символами, обозначающими пол, возраст, отношения и связи, которые можно достаточно легко подсчитывать и анализировать [9, р. 28], то с нарративным анализом текстов глубинных интервью дело обстоит сложнее. Тем не менее даже здесь можно выделять, обозначать и кодировать такие вещи, как «повторения, паузы, поэтические стансы, изменение темпа, измене-

ния напряжения голоса, ударение на словах, словарные предпочтения» [9, р. 61]. Нэнси Редферн-Ванс предлагает использовать специальную программу QSR Nud*ist для «детального рассечения контента», которая «способствует индексированию и кодированию больших массивов данных», или использовать возможности Microsoft Word для того, чтобы «... например, посчитать количество раз использования определенного слова». Все это делается для того, чтобы «категоризировать символы и метафоры, найденные в нарративе» [9, р. 61]. Квантификация и компьютерный анализ позволяют выявлять в данных темы, рубрики и новые смыслы.

Таким образом, используя квантификацию и формализацию данных, можно увидеть нечто неприметное, то – что существенно поможет в последующем анализе данных. Числа, по мнению практикующих антропологов, и являются фреймами, и выводят за пределы собранных данных.

Ситуативность квантификации

В конце 90-х гг. Майкл Чибник с группой помощников провел количественное исследование квантификации в шести американских антропологических журналах. Его интересовала частота использования количественных данных опросов и переписей, графиков и таблиц с числами, элементов статистики.

Чибник пришел к выводу о достаточно четком разделении антропологов на два лагеря – сторонников естественнонаучных подходов и гуманитариев. Есть те, кто ориентирован на выявление «кросс-культурных закономерностей», поэтому «пытается квантифицировать данные и использовать статистический анализ для подтверждения своих заключений». А есть другие – гуманитарно-ориентированные антропологи, которые «указывают на несравнимость различных культур» [13, р. 146]. Соответственно, антропологи, которые ищут общие закономерности в сравнении сообществ и культур, используют числа как индикаторы универсального. Именно числа, как показывала Салли Мерри, позволяют сравнение и поиск общих черт между совершенно разнородными феноменами и ситуациями.

В этой связи возникает ряд вопросов: Можно ли однозначно провести различие среди сторонников и противников квантификации? Что если задействование чисел оказывается ситуативным – для решения конкретной исследовательской или даже политической задачи? Что если одна и та же фигура примерно в один и тот же период является сторонником и противником чисел?

В книге «Аргонавты западной части Тихого океана» один из отцов антропологии и этнографии Бронислав Малиновский сформулировал правила этнографического метода, ставшие каноническими. Суть подхода в стремлении к полноте в описании за счет объединения нескольких типов данных. При этом помимо полноты объективность редуцируется к «логичности, закономерности и упорядоченности». Малиновский считал, что «первоочередной обязанностью является создание целостной картины явлений, а не выхватывание сенсационного, исключительного, а еще менее – смешного или диковинного, «... этнограф должен исследовать все пространство племенной культуры *во всех аспектах*. Та логичность, закономерность и упорядоченность, которые достигаются в границах каждого аспекта культуры, должны присутствовать и для того, чтобы соединить их в одном неразрывном целом» [3, с. 29].

В основе исследования лежит «метод статистической документации на основании конкретной действительности». Ключевое требование — это преобразование «мысленной карты» «в карту реальную; она должна обрести вид диаграммы, плана, исчерпывающей синоптической таблицы» [3, с. 32]. Здесь антрополог следует за Э. Б. Тайлором в традиции привлечения статистики.

Примечательно также, что сам Малиновский не показывает в тексте «Аргонавтов» примеры статистических таблиц, оставляя этот способ количественной репрезентации на будущее. В примечании к главе про метод антрополог писал: «В этой книге кроме приведенной ниже таблицы, которая, строго говоря, не относится к разряду тех документов, о которых здесь идет речь... я не хотел перегружать эту работу картами и пр., предпочитая сохранить их до публикации моих материалов в полном виде» [3, с. 44]. При этом можно предположить, что значительная часть работы квантификации могла остаться за пределами текста. Аллен Джонсон обращает внимание на тенденцию в социальной и культурной антропологии использовать квантификацию при исследовании, но не использовать в репрезентации результатов: «кажется, что антропологи часто считали вещи, которые интересовали их в поле. Но, как правило, их результаты публиковались с минимумом чисел» [16, р. 64].

Статистическая репрезентация в виде синоптических карт и синоптических таблиц, о которой Малиновский рассуждает апофатически, содержит важный намек на квантификацию: «каждое явление должно исследоваться в макси-

мальном количестве его конкретных проявлений и через исчерпывающее описание детализированных примеров» [3, с. 35].

Очевидно, что статистические таблицы и синоптические карты, во-первых, содержат элементы квантификации, во-вторых, именно статистическая документация является своего рода каркасом или фундаментом, на который затем надстраиваются другие типы данных – детализированные описания этнографического дневника, а также мнения и высказывания туземцев. Статистические таблицы позволяют, по мнению Малиновского, «создать четкое представление о границах культуры туземцев в самом широком смысле этого слова и о структуре их общества» [3, с. 35].

Бронислав Малиновский говорил об объединении больших массивов разнородных данных, на основании квантификации. Статистические таблицы и карты, разрозненные дневниковые записи, высказывания туземцев – все это должно быть сопряжено и проинтерпретировано по определенным основаниям. «Важно, что Малиновский не пытался создать только этнографические описания, его главной задачей было развитие жизнеспособной модели общества, собирая данные разных уровней» [14, р. 69].

Рассуждая о методе статистической документации в «Аргонавтах», Малиновский связывает количество и исследование родства: «Генеалогия – это не что иное, как синоптическая карта определенного количества связанных между собой отношений родства» [3, с. 33]. Родство – это главная тема в британской социальной антропологии; она так или иначе связана с подсчетом и количественными выражениями.

«Аргонавты» вышли в 1922 г., а в 1930 г. была опубликована статья Бронислава Малиновского «Родство», в которой он обрушивается на квантификацию в антропологии с яростной критикой. Антрополог выступает против тех, кто использует «фальшивую алгебру» (*mock-algebra*) и «незаконнорожденную алгебру» (*bastard algebra*) в исследовании родства.

«Много чернил течет в проблеме крови – «крови», символизирующей в большинстве человеческих языков, а не только в европейских, родственные связи, поэтому связи извлекают из размножения. «Кровь» почти полностью обесцвечена ... Но кровь снова бунтует против любых примесей, течет своим путем, сохраняет свой цвет» [18, р. 19]. В «обесцвечивании крови» повинна «алгебра родства и геометрия», которая пытается сложные отношения родства «свести к формулам, символам и уравнениям» [18, р. 19].

Малиновский выступал против математизации родства в антропологии, о котором мечтал другой известный антрополог Уильям Риверс, который в «Истории меланезийского общества» мечтал, что «пройдет время и многие части описания социальных систем диких племен будут подобны работе математики, в которой результаты выражаются символами, а в некоторых случаях даже в форме уравнений» [22, p. 10].

Чернилам «*bastard algebra*» Малиновский противопоставляет «чистокровное описание» (*full-blooded description*) родства, учитывающее сложность и многослойность туземного родства [18, p. 20, 29]. В этом смысле «чистокровное описание» без чернильной примеси «ублюдочной алгебры» является предшественником «насыщенного описания» Клиффорда Гирца. Как отмечает Ник Сивер, «есть семейное сходство между «полнокровным» описанием Малиновского и «насыщенным описанием» Гирца» [24, p. 30].

Итак, что же получается в случае с квантификацией у Бронислава Малиновского? С одной стороны, статистика – это базовый принцип этнографического метода, используемый для упорядочивания данных и придания им объективной формы, с другой стороны – критика квантификации и сопротивление редукции комплексной племенной жизни к любым математическим выражениям. Ситуативность квантификации в антропологии Малиновского – это не прозрение и не эволюция взглядов ученого. Ситуативность свидетельствует о том, что числа – это инструмент, который ситуативно используется или не используется в конкретных обстоятельствах, для того, чтобы расправиться с врагами или сделать текст и теорию более убедительными.

Заключение

Итак, ситуативность квантификации показывает, что использование чисел может быть совершенно не связано с задачей получения истинного знания. Противостояние числам и использование квантификации легитимирует дисциплину, помогает установить ее границы и идентичность, упрощает работу со знанием, позволяет усиливать знание одних и ослаблять знание других.

Использование квантификации в антропологии выводит на специфическую тему в исследованиях науки и технологий (STS). Использование чисел – это практика, которая решает различные социальные задачи, помимо придания знанию объективности. Или, лучше сказать, что объективность в антропологии – это социальная практика.

Квантификация – это форма, которая дела-

ет знание унифицированным и мобильным – его легко перевозить в виде знания, репрезентировать, группировать и перегруппировывать, отделять и присоединять к другим элементам Числа – это посредники между странами, культурами и организациями. Квантификация позволяет совмещать совершенно разнородные вещи и управлять ими на расстоянии. Как отмечал французский социолог науки и технологий Бруно Латур, в случае опросов и статистических операций числа выражают различные объекты. При этом «не имеет значения далеко они или близко, бесконечно велики или малы, бесконечно стары или молоды, в конечном итоге они масштабируются таким образом, что нескольким людям становится под силу взять их под контроль; в какой-то момент все они превращаются в форму на плоскости бумаги, которую можно отправить в архив, повесить на стену или соединить с другими подобными формами; все они помогают изменить баланс сил, сделав тех, кто подчинился, теми кто подчиняет» [2, с. 352].

Но, кроме того, числа являются специфическими разделителями социальных отношений. По мнению Теодора Портера, «квантификация является технологией дистанции. Язык математики хорошо структурирован и строго упорядочен. Он требует строгой дисциплины от своих пользователей, дисциплина, которая является очень знакомой униформой почти по всему земному шару... Квантификация хорошо подходит для коммуникации, выходящей за границы локальности и общины. Высоко дисциплинированный дискурс позволяет производить знание, независимое от отдельных людей, которые создают его» [21, p. IX].

Квантификация снимает необходимость личного обращения, переговоров и конвенций в том смысле, что нет смысла доверять другому человеку тогда, когда можно доверять числам. Доверие переносится на машинерию квантификации. При этом квантификация упаковывает в числа их социальное происхождение; они становятся «черными ящиками» – все следы переговоров, споров и конвенций по поводу того, что считать объективным, того, что показатели сконструированы стираются.

Числа и операции с ними связывают и разделяют в антропологии поля и кабинеты ученых, университеты и фонды, конференции и малые народы, регионы и центры, ритуалы и генеалогии, сообщества и культуры. Новые практики квантификации, связанные с анализом больших данных и дигитализацией наук, приведут к появлению новых социальных практик квантифика-

ции, новых способов убеждения, которые еще ждут тщательного исследования.

Библиографический список

1. *Гирц, К.* Интерпретация культур [Текст] / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 559 с.
2. *Латур, Б.* Наука в действии: Следуя за учеными и инженерами внутри общества [Текст] / Б. Латур. – СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2013. – 415 с.
3. *Малиновский, Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. – М.: РОССПЭН, 2004. – 551 с.
4. *Одинцов, А. В.* Проблемы объединения разнородных баз данных в социологии [Текст] / А. В. Одинцов // Известия ВолГТУ. – 2015. – № 9.
5. *Росальдо, Р.* Скорбь и гнев охотников за головами [Текст] / Р. Росальдо // Археология русской смерти. – 2016. – № 2.
6. *Редклифф-Браун, А. Р.* Метод в социальной антропологии [Текст] / А. Р. Редклифф-Браун. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 419 с.
7. *Сивков, Д. Ю.* Большие данные в этнографии: вызовы и возможности [Текст] / Д. Ю. Сивков // Социология науки и технологий. – 2017. – № 1.
8. *Тайлор, Э. Б.* Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
9. *Angrosino, M.* Doing Cultural Anthropology: Projects for Ethnographic Data Collection. Second Edition [Текст] / M. Angrosino. – Long Grove: Waveland Press, 2007. – 190 p.
10. *Antonijević, S.* Amongst Digital Humanists. An Ethnographic Study of Digital Knowledge Production [Текст] / S. Antonijević. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 196 p.
11. *Baer, D.* Here's Why Companies are Desperate to Hire Anthropologists [Электронный ресурс] / Business Insider, 2014. – Режим доступа: <http://www.businessinsider.com/heres-why-companies-are-desperate-to-hire-anthropologists-2014-3#ixzz3VER2SwFi> / (дата обращения 16.12.2016).
12. *Burrows, R.* After the Crisis? Big Data and the Methodological Challenges of Empirical Sociology [Текст] / Burrows R., Savage M. // Big Data & Society. – 2014. – № 1. – P. 1–6.
13. *Chibnik, M.* Quantification and Statistics in Six Anthropological Journals [Текст] / M. Chibnik // Field Methods. – 1999. – № 2(11). – P. 146–157.
14. *Curran, J.* Big Data or 'Big Ethnographic Data'? Positioning Big Data within the ethnographic space [Текст] / J. Curran // EPIC. Ethnographic Praxis Industry Conference. – 2013. – P. 62–73.
15. *Ford, H.* Big Data and Small: Collaborations between Ethnographers and Data Scientists

- [Текст] / H. Ford // Big Data & Society. – 2014. – № 2. – P. 1–3.
16. *Johnson, A. W.* Quantification in Cultural Anthropology: An Introduction to Research Design [Текст] / A. W. Johnson. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – 247 p.
17. *Lowrie, I.* Data: Raw, Cooked, Shared [Электронный ресурс] / Platypus. 2016. – Режим доступа: <http://blog.castac.org/2016/06/data-raw-cooked/> (дата обращения 16.12.2016).
18. *Malinowski, B.* Kinship [Текст] / B. Malinowski // Man. – № 30. – 1930. – P. 19–29.
19. *Mitchell, J. C.* On Quantification in Social Anthropology [Текст] / J. C. Mitchell // Epstein A. L. (eds.) The Craft of Social Anthropology. – London; New York: Tavistock, 1967. – P. 17–46.
20. *Merry, S. E.* The Seductions of Quantification: Measuring Human Rights, Gender Violence and Sex Trafficking [Text] / S. E. Merry. – Chicago; London: Chicago University Press, 2016. – 249 p.
21. *Porter, T. M.* Trust in Number. The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life [Text] / T. M. Porter. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – 310 p.
22. *Rivers, W. H. R.* The History of Melanesian Society. Vol. I. [Text] / W. H. R. Rivers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1914. – 400 p.
23. *Seaver, N.* The Nice Thing about Context is That Everyone Has It // Media, Culture and Society [Text] / N. Seaver. – 2015. – № 7. – P. 1101–1109.
24. *Seaver, N.* Bastard Algebra [Text] / N. Seaver // Boellstorff, T., Maurer B. (eds.) Data, now Bigger and Better. – Chicago: Prickly Paradigm Press, 2015. – P. 27–45.
25. *Wasamba, P.* Going beyond Data Collection in Ethnography: Options for Bridging the Gap between Researchers and Archivists [Text] / P. Wasamba // International Journal of African Renaissance Studies of Multi-, Inter- and Transdisciplinarity. – 2012. – № 7. – P. 4–17.
26. *Vannini, P.* Non-representational Ethnography: New Ways of Animating Lifeworlds [Text] / Ph. Vannini // Cultural Geographies. – 2015. – № 22 (2). – P. 317–327.
27. *Vidich, A.* Qualitative Methods: Their History in Sociology and Anthropology [Text] / A. Vidich, S. Lyman // Handbook of Qualitative Research / Denzin N. K., Lincoln Y. S. (eds.). – Thousand Oaks: SAGE, 1994. – P. 23–44.
28. *Welles, B. F.* The Minorities and Outliers: The Case for Making Big Data Small [Text] / B. F. Welles // Big Data & Society. – 2014. – № 1. – P. 1–2.

УДК 303.064
ББК 60.504

К ОНТОЛОГИИ ОБЪЕДИНЕНИЯ БАЗ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ¹

А. В. Одинцов

Аннотация. В российской социологии общественного мнения накоплено множество массивов исследований, проведенных за последние 25 лет. В теории количественный прирост данных должен выливаться в появление качественно новых инсайтов. Но этого не происходит, т.к. их вторичное использование в силу «методологического анархизма» и нерешенных проблем измерения является проблематичным. Усложняет ситуацию появление больших данных с качественно новыми эвристическими возможностями. В статье обсуждаются проблемы объединения баз данных разнородных социологических исследований в единой среде.

Ключевые слова: социология общественного мнения, социологическая история, база данных, объединение баз данных, шкала, онтология, онтологический словарь.

ON THE ONTOLOGY OF DATABASES INTEGRATION IN SOCIOLOGY

A. V. Odintsov

Abstract. Russian social science studying the public opinion has accumulated considerable datasets of research data obtained over the past 25 years. In theory, the quantitative data growth is to be transferred into the emergence of qualitatively new insights. But this does not happen, because the following use of the research data is problematic due to huge number methodologies and unresolved problems of measurement. Qualitatively new heuristic capabilities of big data complicate the situation. The article discusses the problems of data bases integration of diverse sociological studies into a single data environment.

Key words: sociology of public opinion, sociological history database, merging databases, scale, ontology, ontological dictionary.

На открытии VI Грушинской социологической конференции руководитель группы ЦИР-КОН И. В. Задорин отметил [7], что более чем 20-летнее развитие исследовательской индустрии массовых опросов в постсоветской России позволило сформировать «историю опросной социологии», которая отражена в огромном количестве уже собранных массивов социологических данных. Этот факт способен существенно изменить облик индустрии, так как институциональный исследователь российского общества получает возможность эффективно моделировать всю его недавнюю эволюцию и прогнозировать дальнейшее развитие. Также И. В. Задориным было отмечено существенное препятствие в реализации этой задачи – отсутствие единого центра хранения собранных баз.

Действительно, попытка формирования такого единого центра предпринималась неоднократно кооперативными усилиями исследовательского сообщества (база данных «Софист») и отдельными коллективами (ИС РАН, ГУ ВШЭ). Практика реализации этих проектов показала, что эффективно функционировать такие коллекции могут только как базы данных отдельных

исследовательских структур и групп. Вероятно, причиной этого является взаимное недоверие между исследовательскими центрами и отдельными учеными, мешающее полностью открыть данные собственных исследований внешнему наблюдению. Существующие в открытом доступе коллекции не представляют всей необходимой информации. Например, представленные на сайте ВЦИОМ данные являются только распределениями ответов респондентов и отдельными параметрами переменных – исследователь лишен возможности осуществить их полноценный самостоятельный анализ. Кроме того, на сайте практически полностью отсутствуют метаданные исследований (операционализация переменных, тип шкал, структура и метод выборки, полный инструментарий исследования и т.д.), что также существенно сужает набор возможных исследовательских процедур. Все это ведет к постепенной потере данных. Поэтому условно эту проблему можно назвать проблемой хранения массивов данных.

Отчасти вопрос решается Инициативой открытости данных Американской ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект №15-06-02758

Transparency Initiative) [10], которая, в сущности, направлена на то, чтобы дать возможность использовать данные социологических опросов за пределами частных исследований. Практика показывает, что масштабные проекты, требующие значительного объема усилий различных субъектов социологического сообщества, являются открытыми именно по причине своей коллаборативности. Если данные должны быть доступными большому количеству их участников, они не могут быть закрытыми. Самым известным примером таких проектов можно назвать Мировое исследование ценностей (World Values Survey [14]) под руководством Р. Инглхарта. Таким образом, тренды опросной индустрии в недалеком будущем решат проблему открытости большей части собираемых данных.

Много более существенной проблемой формирования «социологической истории России» является объединение данных в единой среде анализа. В случае если исследовательской сообщество получит доступ ко всему многообразию данных, хотя бы на данный момент только «количественных» исследований общественного мнения, оно увидит перед собой множество разрозненных фрагментов исследовательских практик. Это означает то, что в лучшем случае мы обладаем некоторым прерывистым набором небольших рассказов, а не единой социологической историей. Если попытаться продуктивно воспользоваться метафорой И. В. Задорина, то формированию истории должно предшествовать появление правил ее реконструкции по типу тех, которые были разработаны в рамках интерпретации исторических фактов Школой «Анналов».

Проблема современной методологии отечественной социологии заключается в том, что исследователи общества локально устанавливают частные правила объединения баз данных для решения конкретных исследовательских задач. Это происходит всегда, когда ученые пытаются за счет дополнительных данных подтвердить обнаруженные ими закономерности или же пойти еще дальше – выявить новые закономерности на большем круге феноменов. Хорошим примером такой деятельности являются обобщающие доклады ВЦИОМ. Так, доклад «Религия в жизни россиян» [3] интегрирует данные наблюдений с 1990 по 2016 г., но обобщение это происходит по правилам, которые не прояснены слушателю. Как и в аналогичных по уровню выводов работах, исследователи опираются на логику естественного языка – в опросах речь шла о религиозности, значит их можно объединить. Как показывает пример доклада ВЦИОМ, акцент делается

на сопоставимости выборок исследований, при этом умалчивается тот факт, что за 26 лет наблюдений во ВЦИОМе сменилось несколько поколений исследователей, которые (почти наверняка) по-разному интерпретировали не только феномен религиозности россиян, но и различно измеряли его. А ведь это один из лучших на данный момент примеров попытки конструирования «социологической истории» в России. Второй и более существенной проблемой интеграции социологических данных является отсутствие общей среды, в которой оно бы осуществлялось, и которая должна включать описание данных, правила их объединения, получения новых данных и закономерностей, интерпретации полученных результатов.

Для продуктивного использования возможности накопления и раскрытия баз данных общественного мнения необходимо понять особенности баз данных, с которыми имеет дело социология общественного мнения. Этот вопрос является актуальным не только в рамках проекта, но и в свете появления феномена больших данных (Big Data). Если пытаться определить сущность имеющихся баз данных социологических опросов, отталкиваясь от феномена больших данных (Big Data), то они, безусловно, являются малыми данными (Small Data), то есть не обладают ключевыми параметрами 3V: большой объем данных (volume), высокая динамика наполнения (velocity), разнообразны по природе появления и существования (variety). Не вдаваясь в подробности этого различия, необходимо сказать, что малые данные социологических опросов обладают следующими сущностными преимуществами перед все более заметными большими данными:

- длительность истории развития и применения в социологии;
- отработанные методологии и модели анализа;
- конкретность ответов на научные запросы исследователя (подтверждение конкретных гипотез исследования);
- наличие отработанных этических кодексов сбора и использования данных;
- регистрация неквантифицируемых или сложноквантифицируемых характеристик (например, «толерантность», «склонность к протестному поведению»);
- относительно низкая стоимость сбора, хранения и обработки данных (в сравнении с Big Data).

Сущностным отличием является то, что процедуры анализа в больших данных (Big Data)

ограничиваются поиском корреляций между переменными, в то время как парадигма гипотетического знания, в которой существуют малые данные (Small Data) социологических опросов, строится на поиске детерминационной связи между исследуемыми признаками. Потому, благодаря процедурам интерпретации понятий и их дальнейшей операционализации, базы данных массовых опросов становятся «базами смыслов». Особенности баз данных социологии общественного мнения задают специфику их объединения. Прежде чем перейти к описанию механизмов интеграции, необходимо отметить, что онтология в контексте данной статьи понимается исключительно в смысле информационных технологий (термин введен Т. Грубером для описания взаимодействия интеллектуальных систем и человека [13]) как формализация данных с помощью концептуальной схемы.

Объединение данных осуществляется по неким общим полям, которые позволяют однозначно приписывать переменные к конкретным объектам, поэтому их принято называть реляционными. В школе «Анналов» такими общими полями можно считать менталитет и историческое окружение, в практике больших данных (Big Data) уникальные идентификаторы (ID) – от идентификаторов компьютеров до номеров сотовых телефонов. В традиционных базах данных опросов общественного мнения таким идентификатором является номер анкеты, который позволяет свести все значения переменных, снимаемых вопросами анкеты, к одному наблюдению – респонденту. Однако данные отдельных наблюдений опросов массового мнения в своем большинстве не только анонимны, но и не обладают каким-либо уникальным идентификатором (исключения составляют базы данных call-центров, привязанные к номерам сотовых телефонов и позволяющие формировать своеобразную «панель» респондентов). По этой причине реляционное объединение в том виде, который мы наблюдаем в больших данных (Big Data), невоз-

можно. Общими полями для объединения баз данных должны быть сами переменные. Для этого предлагается использовать онтологический толковый словарь, под которым понимается «толковый словарь, где каждое слово или устойчивое словосочетание имеет несколько определений (толкований) таких, что каждое ключевое слово определения содержит гиперссылку на определение в этом же словаре и, возможно, на понятия в онтологической модели предметной области» [1]. Говоря иными словами, для того, чтобы четко определить какие переменные действительно являются одинаковыми, необходимо иметь систему кодов и классификаций, благодаря которой можно подтвердить это тождество. Здесь очевидно возникает проблема полипарадигмальности социологического знания и различных интерпретаций одной и той же категории. Но одного понимания тождественности переменных недостаточно.

В социологии отсутствует единство мнений относительно измерения переменных. Одна и та же переменная может не только пониматься, но и измеряться с помощью различных шкал. Несмотря на отсутствие единой теории шкал, принятой большинством в социологии является классификация шкал С. Стивенса, который на основании представления исследователя об изучаемом свойстве, а также допустимости процедур математического анализа выделил 4 типа шкал: номинальные, порядковые, интервальные и шкалы отношений (ratio). При этом номинальные шкалы являются шкалами «низкого порядка», а шкалы отношений – «высокого». Это означает не только расширение количества возможных процедур математического анализа с ростом типа шкалы, но и возможность перевести шкалу высокого типа в более низкий тип (в отдельных исключениях – в более высокий – см. табл. 1). Таким образом, в случае однозначной идентификации переменной и несовпадения типа шкалы объединение возможно в рамках шкалы более низкого типа.

Таблица 1

Соотнесение шкал различного типа

	Номинальная	Порядковая	Интервальная	Отношений	Индексы (факторы), установки
Номинальная	X				
Порядковая	X	X			X
Интервальная	X	X	X		X
Индексы (факторы)	X	X	X	X	X
Установки	X	X	X	X	X

В представленной выше таблице был добавлен такой тип шкал, как «Индексы (факторы), установки» – в рамках классификации С. Стивенса его можно отнести к интервальному типу. Суть его в том, что значение индексов, факторов и установок традиционно определяется на основании других переменных, то есть в массиве данных могут одновременно присутствовать переменные двух порядков – непосредственно измеренные и измеренные опосредованно. Таким образом, в этот тип переменных можно объединить переменные другого порядка. Особо стоит отметить, что номинальные переменные нельзя перевести в фактор, индекс и установку, т.к. предполагается, что они находятся в «психологическом континууме». Номинальная переменная предполагает наличие дискретного свойства, классификации. Установки, индексы и факторы можно перевести в номинальные переменные только в том случае, если их градации (1/0) соответствуют полярным значениям индекса или установки.

О факте разной направленности шкал необходимо сказать следующее: по общему правилу направление измерения должно соответствовать «естественному закону числа», то есть, чем больше число, тем выше измеряемое свойство. В случае нарушения этого правила шкалу достаточно просто транспонировать в корректный вид с помощью машинных средств.

Необходимо упомянуть важное замечание о шкалах, сделанное Ф. Ильясовым [2]. В социологических исследованиях противоположные значения шкалы измерения в отдельных случаях могут фиксировать разные признаки. Например, классическую шкалу Р. Лакейрта можно воспринимать как шкалу согласия («полностью согласен», «в основном согласен») и шкалу несогласия («полностью не согласен», «в основном не согласен»), между которыми помещено нейтральное значение («ни то, ни другое» и «затрудняюсь ответить»). В этом разрезе еще более сложным является интеграция некватифицируемых данных, например, результатов этнографического наблюдения [6].

Следующей проблемой интеграции, которую необходимо решить, в онтологии является проблема выборочного метода. Выше упоминалось то, как социологи делают выводы, обобщающие результаты исследований, проведенных по выборкам разного объема и с разными принципами отбора. Как правило, это считается правомочным, если исследования считаются валидными для одних и тех же генеральных совокупностей (в случае с приведенным выше докладом

ВЦИОМ – всероссийские выборки разных объемов и основания отбора). В рамках объединения данных выборочность исследований может быть преодолена двумя способами: обработки единиц наблюдения непосредственно либо с помощью мер средней тенденции. В силу того, что второй вариант предполагает существенные потери данных и сокращение возможностей анализа в результате объединения, первый путь является более приемлемым. Необходимым условием такой интеграции является достаточный объем метаданных (данных о данных) интегрируемых массивов. В данный момент наиболее перспективным является стандарт описания метаданных Data Documentation Initiative (DDI) [9]. В настоящий момент в соответствии со стандартом DDI оптимально использовать следующие обязательные параметры описания метаданных.

1. Источник базы данных.
2. Организация (лицо), проводившее исследование (сбор данных).
3. Размер выборки.
4. Способ отбора элементов выборки.
5. Коды переменных.
6. Тип и размерность шкал значений переменных.
7. Формулировки вопросов и вариантов ответа на языке оригинального инструментария.
8. Доля пропущенных значений в выборке.
9. Временной интервал непосредственной регистрации данных.

Если имеется возможность, то регистрируются также:

10. Интерпретация категорий (переменных).
11. Операционализация категорий (переменных).
12. Доля не-ответов.
13. Метаданные исследования (сопутствующие, побочные данные).

На основании регистрируемых метаданных наполняется кодировочная книга, которая позволяет различать различные переменные. То есть регистрация метаданных исследований позволяет решить сразу две проблемы интеграции данных. Присваивание кодов осуществляется оператором-человеком (аналогично кодировке текстов в рамках корпусных технологий лингвистики). На данный момент основной проблемой объединения выборок является неполнота метаданных, а именно интерпретации и, что более важно, операционализация понятий (чаще всего она попросту отсутствуют, реже – проведена не до конца, а до некоторых очевидных для непосредственных исследователей индикаторов).

Кодировочная книга является прообразом и необходимым условием полноценного онтологического словаря. Сложность его формирования обусловлена спецификой подходов к определению используемых переменных и их взаимосвязи в каждом конкретном исследовании. Так, несмотря на внешнее сходство темы исследования, основные понятия могут интерпретироваться и, тем более, операционализироваться различно. Как упоминалось выше, как правило, четкая взаимосвязь категорий (переменных) не отражена в большей части доступных исследовательских документов (редким примером исключения является известная в России методология исследования коррупции, разработанная коллективом Г. А. Сатарова [5]). На данный момент возможно два решения этой проблемы:

- попытка формирования универсального онтологического словаря на основании логики предикатов, но это предполагает появления некоей «сверх социологической» конструкции, стоящей над современной «полипарадигмальностью» (пользуясь метафорой Г. Г. Татаровой [8]);

- создание возможности конструировать онтологический словарь в зависимости от задач конкретного исследователя, который будет включен в среду объединенной базы данных.

Первый вариант претендует на появление большого нарратива в отечественной социологии, что, конечно, настраивает против данного пути. Второй вариант предпочтителен своей идеологизированностью, но его практическая реализация существенным образом будет зависеть от доступности интерфейса конструирования онтологических словарей.

Необходимо учесть, что базы данных массовых опросов, собираемые на протяжении последней четверти века, включают в свою структуру специфические парадоксы – ошибку.

Дж. Фан, Ф. Хан и Х. Лю на примере больших данных убедительно продемонстрировали, что рост количества измерений (переменных) существенно увеличивает влияние возможных ошибок, содержащихся в данных, на дальнейшую работу с ними, что приводит к накоплению искажений (Noise Accumulation), ложным корреляциям (Spurious Correlation) и побочной эндогенности (Incidental Endogeneity) [11]. Можно предположить, что результат интеграции баз данных с ошибками приведет к существенным искажениям.

Решением близкой по характеру задачи (генерализацией и выявлением ошибки) на базах телефонных опросов ФОМ занимались Д. М. Рогозин и Д. И. Сапонов [4]. Авторы пытались об-

наружить влияние ошибки в базах данных на конечные результат обработки данных и пришли к выводу о его несущественности. Фактически ими была проверена другая, не менее важная гипотеза. Механизм, который они предложили для выявления ошибки, позволил сопоставить базы данных опросов друг с другом таким образом, что на основании этого сравнения одна база данных подтверждает достоверность другой. В действительности ошибка в данном случае была показателем совпадения данных различных опросов. Анализ Д. М. Рогозина и Д. И. Сапонова убедительно показал, что обследованные ими массивы являются «синоптическими», то есть содержат только случайные ошибки, свойственные исследованиями ФОМа, но не конкретным исследованиям. Предложенную ими формулу можно применить и в более широких масштабах. Почти наверняка будут отмечены заметные отклонения, но это позволит классифицировать всю «социологическую историю» сквозь призму различности взглядов на общественную реальность.

Таким образом, на данный момент онтология объединения баз данных должна решить 4 взаимосвязанные проблемы:

- анонимность данных опроса;
- использование выборочного метода;
- использование различных методов и шкал регистрации данных;
- фрагментарность метаданных исследования.

Только решение этих проблем позволит не только заявить о том, что «социологическая история» российского общества под наблюдением исследователей действительно имеет длительное развитие, и в полной мере возможно воспользоваться ее результатами для получения нового знания.

Библиографический список

1. Габдрахманов, И. Н. Технология генерализации онтологии базы данных с помощью онтологического толкового словаря [Электронный ресурс] / И. Н. Габдрахманов, В. Н. Кучуганов, Д. В. Медведев, М. Н. Мокроусов, Н. В. Соболева // Онтология проектирования. – 2012. – № 4 (6). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-generatsii-ontologii-bazy-dannyh-s-pomoschyu-ontologicheskogo-tolkovogo-slovarya> (дата обращения: 19.11.2016)
2. Ильясов, Ф. Шкалы и специфика социологического измерения [Текст] / Ф. Ильясов // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 1.
3. Религия в жизни россиян [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://wciom.ru/>

fileadmin/file/reports_conferences/2016/2016-09-06-gru.pdf (дата обращения: 19.11.2016).

4. *Рогозин, Д. М.* Корпус ошибок автоматизированного телефонного опроса [Текст] / Д. М. Рогозин, Д. И. Сапонов // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроник. Прогноз». – 2014. – № 4.

5. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыты социологического анализа [Текст]; под ред. Г. А. Сатарова. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. – 752 с.

6. *Сивков, Д. Ю.* Большие данные в этнографии: вызовы и возможности [Текст] / Д. Ю. Сивков // Социология науки и технологии. – 2017. – № 1.

7. Стенограмма пленарного заседания Жизнь после исследования VI Грушинская социологическая конференция [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=729> (дата обращения: 19.11.2016).

8. *Татарова, Г. Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания

[Текст] / Г. Г. Татарова // Социологические исследования. – 2006. – № 9.

9. Data Documentation Initiative [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ddalliance.org/> (дата обращения: 19.11.2016).

10. *Fan, J., Han F., Liu, H.* Challenges of Big Data analysis [Текст] / J. Fan, F. Han, H. Liu // National Science Review. 2014. Vol. 1. P. 293–314.

11. *Fan, J., Liao, Y.* Endogeneity in ultrahigh dimension [Текст] / J. Fan, Y. Lao // Annals of Statistics. 2014. Vol. 42. No. 3.

12. *Gruber, T. R.* The role of common ontology in achieving sharable, reusable knowledge bases [Текст] / T.R. Gruber // Principles of Knowledge Representation and Reasoning. Proceedings of the Second International Conference. J. A. Allen, R. Fikes, E. Sandewell - eds. Morgan Kaufmann, 1991.

13. World Values Survey [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 19.11.2016).

УДК 316
ББК 60.56

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Г. В. Исаян

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретических подходов к трудовой миграции. Миграция рассмотрена как многоаспектный феномен, являющийся предметом исследования различных наук и научных подходов. Освещены особенности, преимущества и ограничения экономического, демографического и социологического подходов. Проанализирована тенденция к сближению интересов различных наук и установлению междисциплинарного подхода в исследовании миграции. Отмечены особенности междисциплинарного подхода характерного для социологии.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, социологический подход, междисциплинарный подход.

THEORETICAL APPROACH IN THE RESEARCH OF LABOR MIGRATION

G. V. Isayan

Abstract. This paper deals with the theoretical approaches to labor migration. Migration is considered as a multi-dimensional phenomenon, which is the subject of study of various sciences and scientific approaches. When covering features, advantages and limitations of economic, demographic and social approaches. It analyzes the trend towards convergence of interests of various sciences and the establishment of an interdisciplinary approach to the study of migration. To analyze the features interdisciplinary approach of the sociology.

Key words: migration, labor migration, sociological approach, a multidisciplinary approach.

Миграция в современном обществе признана важнейшим фактором развития мира. Сегодня проблема миграции одна из наиболее разрабатываемых и исследуемых проблем в социологии. Такие признанные авторитеты науки, как Ж. А. Зайончковская [5], В. И. Мукомель,

О. Д. Воробьева, А. А. Гребенюк, М. А. Леонова А. В. Топилин [4] и другие исследователи, указывают на значимость процессов миграции населения для развития стран и регионов в экономическом, политическом, демографическом и социокультурном аспектах. В рамках сложившейся

экономической ситуации, трудностей на рынке труда все большее количество граждан нашей страны оказываются участниками миграционных процессов. Интересантами в управление данных процессов оказываются не только государственные структуры, но и непосредственный работодатель, общество в целом. Волгоградская область не становится исключением, в том числе как полиэтничный регион, испытывающий все последствия миграционных процессов. Этим фактом объясняется достаточное количество публикаций, освящающих явление миграции применительно к нашему региону. Так, Ю. Е. Игнатова, Н. А. Николенко [6], Е. Н. Васильева, Е. О. Данилова [3] обращают свое внимание на исследование миграционных процессов в Волгоградской области в таких значимых аспектах, как адаптационные институты, социально-экономическая активность мигрантов, а также особенности и последствия трудовой миграции для региона.

Миграция населения (от лат. migration – переселяться) – определение, не получившее однозначной трактовки в силу собственной многоаспектности, а также методологической и теоретической направленности авторов. Вслед за Л. Л. Рыбаковским определим этот процесс как «любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности». Т. Н. Юдина считает данное определение основополагающим. Причем, если в широком смысле миграция рассматривается как любое перемещение, вне зависимости от цели, системности и постоянства, то в узком смысле миграция употребляется как законченное переселение, сопровождаемое сменой постоянного места жительства. Трудовая миграция, согласно Т. Н. Юдиной [9], – территориальное перемещение населения, связанное с целью трудоустройства и работы на том или ином предприятии и получения за это соответствующего вознаграждения. Однако в силу все возрастающей актуальности явления миграции мы должны еще раз отметить, что единого и инвариантного определения данного процесса не существует, на что влияет огромное количество факторов.

Миграция является объектом изучения многих наук. Остановимся на основных проблемах миграции, характерных для каждой их научной отрасли. Так, для юриспруденции и права наибольший интерес представляют особенности законодательной политики принимающей сторо-

ны, правовые вопросы регуляции трудовой деятельности мигрантов. Экономика в целом фокусируется на вопросах потребности общества в миграционных ресурсах, вопросах оплаты труда, ее изменчивости за счет притока на рынок труда новых ресурсов. Психология и культурология обращается к вопросам вхождения мигрантов в новое для них культурное пространство, к усвоению и принятию культурных норм, а также к последствиям для принимающей территории тех адаптационных стратегий, которые избирают мигранты. Социология также имеет свой специфический предмет исследования – это социокультурная адаптация и этническая идентичность мигрантов; социальные отношения и их изменения, связанные с миграционными процессами, условия для адаптации в новой социокультурной среде, как позитивные, так и негативные, особенности функционирования мигрантских сетей. Также миграцией занимаются такие науки, как история (исследование миграции в свете исторической эволюции демографических процессов), антропология (региональные и культурные аспекты миграции формирование транснациональных сетей), политология (миграционная политика страны и ее особенности: открытость, закрытость и т.д.). Все это разнообразие точек зрения на один предмет провоцирует различные исследовательские позиции. С одной стороны, возможны узкодисциплинарные подходы, более углубленные в рамках своей сферы исследовательские программы трудовой миграции. С другой стороны, ставка на междисциплинарные исследования предполагает более широкое понимание проблемы, более целостную концептуализацию проблемы миграции. Так, мы можем встретить исследования на стыке социологии, экономики и права. Нам кажется продуктивным рассмотреть более подробно экономический, демографический, а также социологический подходы к проблеме миграции, выделяя преимущества и ограничения каждого, после чего рассмотреть возможности междисциплинарного подхода к проблеме миграции, важного для ряда наук; а также полипарадигмального подхода к ключевым понятиям миграции, набирающего популярность в рамках методологии социологических исследований.

Обратимся к экономическому подходу и еще раз остановимся на основных проблемах важных для изучения в рамках экономического подхода. Это динамика спроса и предложения на трудовые ресурсы стран-доноров и стран-реципиентов, проблемы оплаты труда, качества жизни мигрантов, проблема квалификации рабо-

чей силы, потребность в которой испытывается на рынке трудовых сил. Например, теория «человеческого капитала» позволяет исследовать все виды миграции, включая вынужденную, в том числе на микроуровне – индивид, домохозяйство. Ее авторы (Г. Беккер, Т. Шульц) представляли миграцию как инвестиции в «человеческий капитал», направленные на повышение доходов, уровня образования, профессиональную подготовку и поиск информации о наиболее выгодных местах приложения рабочей силы. Теория «технологического развития» (Дж. Саймон) исследует все виды безвозвратной миграции. Ее автор считает рост населения благом для развития страны и человечества в целом, поэтому иммиграция рассматривается как важный положительный элемент экономического и демографического развития.

Таким образом, мы можем выделить общие моменты в рассмотрении миграционных процессов с точки зрения экономики. Так, экономический подход не столько объясняет, сколько описывает миграционные процессы, обращая скорее к статистическим показателям, уровню зарплат, показателям качества жизни в принимающих и отправляющих странах, констатируя при этом, что миграционные процессы являются причинами либо положительных изменений данных показателей, как у одних авторов, либо наоборот – пагубно сказываются на экономике страны. Основными ограничениями экономического подхода Ю. В. Билан, И. Чабелкова [1] выделяют следующие. Так, «экономическая перспектива опирается на довольно упрощенную модель человека (*homo economicus*), который воспринимается как рациональный и хорошо проинформированный искатель прибыли» [1, с. 71]. Таким образом, рассматривая только экономические причины в поведении мигранта, упускаются из виду важные аспекты, связанные с мотивационными процессами, общим уровнем адаптации и приживаемости в данной среде. Способность к ориентации в новом правовом и экономическом пространстве, так, уровень начальной финансовой грамотности, так и в целом информированности, может отличаться у разных групп мигрантов. Далее экономический подход игнорирует социокультурные причины миграции, а также ее неэкономические последствия. Культурные ценности и возможности принимающего общества могут сами по себе быть причиной, способствующей переселению, а усвоение новых культурных кодов не может не влиять как на территорию-донора, так и на территорию-реципиента.

Демографический подход изучает миграцию с точки зрения воспроизводства и сохранения человеческих популяций, их численности, половозрастной структуры и т.д., акцентируя внимание на проблемах демографической безопасности народов. К нему относятся такие теории, как общая теория народонаселения А. Сови. В соответствии с данной теорией миграция населения определяется, с одной стороны, как чисто демографический процесс, прямо воздействующий на воспроизводство населения и его возрастную-половую структуру. По теории демографического перехода миграция, наряду с изменением рождаемости и смертности, оказывает влияние на численность народонаселения.

Таким образом, главный фокус исследований в рамках демографического подхода сосредоточен на особенностях динамики численности населения, изменчивости его структуры, спровоцированной миграционными процессами: возрастной, половой, семейной, этноконфессиональной. Однако демографический подход опять-таки работает, скорее, с формальными показателями и констатирует данные изменения, даже прогнозирует их дальнейшие тенденции. Однако за рамками рассмотрения оказываются конкретные механизмы влияния таких структурных изменений на само общество. Особенно интересным на современном этапе развития оказываются этноконфессиональные изменения, которые могут коренным образом менять сложившиеся культурные особенности территории. Также для демографического подхода представляют интерес возрастные особенности мобильности населения, выделяется при этом население, обладающее наибольшей и наименьшей миграционной активностью.

Социологический подход рассматривает миграцию как особый социальный процесс, имеющий огромное влияние на все остальные сферы развития общества, рассматривается миграция чаще всего на макросоциальном уровне, будь то этические группы или социальные классы. «Мигранты в социологическом понимании – это социальные группы, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности» [2, с. 267]. Социология обращает внимание исследователя на важные, специфические только для данного подхода аспекты миграционных процессов: социокультурная адаптация и идентичность мигрантов; особенности миграционной мобильности в различных социальных группах; особенности социального поведения и отношений, возможности их

регулирования; социально-демографические особенности миграционной мобильности, а также мотивационные и личностные установки, желания, определяющие миграционное поведение; формирование нового социального окружения, референтных групп для мигрантов.

Как отмечают С. Блантер, Е. Нагайцева [2, с. 259], огромное количество теоретических разработок проблемы миграции можно классифицировать следующим образом: структурный подход, исследующий, прежде всего, организационно-функциональные, системные, общественные стороны социальной жизни, общество как целостность, его элементы; интерпретативный подход, направленный на интерпретацию человеческого поведения, мотивацию деятельности личности; полипарадигмальный (объединительный) подход, так социальная реальность анализируется сквозь призму единства объективного и субъективного, структурного и динамического, общественного и личностно-индивидуального. Полипарадигмальный подход вызывает интенсивную научную дискуссию, находя как своих сторонников, так и крайне скептически настроенных исследователей. В числе последних – А. Н. Малинкин отмечает: «... полипарадигмальный подход истолковывается то на психологическом, то на логическом уровнях – то в смысле многообразия профессиональных и исследовательских ориентаций социолога, то в смысле возможности соединения метафизически несовместимых парадигм, или “интеграции различных теоретических подходов с помощью разнообразных исследовательских инструментов”. Примером подобной интеграции является “принцип INIO” П. Штомпки. Первой жертвой такой прагматистской всеядности падает, разумеется, истина» [8, с. 109].

Таким образом, мы должны отметить довольно интенсивный обмен идеями между различными науками в изучении миграционных процессов. Хотя и существуют весомые расхождения в трактовке предмета, а также методологии и методах исследовании миграции, можно говорить, что социологам сложно обходить стороной предметные области, традиционные, например, для экономики, демографии, права или психологии. Так, опираясь на теорию трех стадий миграционного процесса Л. Л. Рыбаковского и Т. И. Заславской, мы можем проследить на каждой стадии не только исследовательские интересы социологии, но и уникальные вклады других научных подходов. Так, на стадии формирования мобильности и принятия решения о миграции мы можем рассматривать не только

характерные для социологии мотивационные и личностные установки мигрантов, но и характерные для экономики вопросы рыночной привлекательности принимающей территории, демографические характеристики мобильности стороны-реципиента. Вторая стадия собственно переселения не может быть исследована социологами без учета политико-правового аспекта, законодательных условий, с которыми придется столкнуться мигрантам. Третья стадия – приживаемость (адаптация) мигрантов может быть дополнена данными психологического и антропологического подходов, в частности, исследованиями личностных стратегий вхождения в новое социокультурное пространство, их влияниями на культурные особенности региона принимающей стороны.

Итак, междисциплинарный подход – сравнительно недавнее направление, оказывающее влияние на социологический подход к исследованию миграции. Он предполагает оптимистичные перспективы для исследователя, получающего доступ не только к более обширному кругу проблемных вопросов, но и возможному наведению мостов «между каузальными объяснениями и интерпретирующими истолкованиями, между статистическими закономерностями и уникальными событиями, а также между экономическими и структурными силами, которые формируют поведение мигрантов, и индивидуальным поведением, которое может и гармонизировать с этими силами, так и противоречить им» [7, с. 67]. На наш взгляд, именно социологический подход может стать базой для сближений исследований по миграции со стороны различных дисциплин. Так как, во-первых, имеет наиболее разработанный методологический и методический аппарат для исследования миграционных процессов. А во-вторых, позволяет в рамках социокультурного контекста исследовать личностные, мотивационные, экономические и демографические факторы трудовой миграции.

Библиографический список

1. *Билан, Ю. В.* Интердисциплинарный подход к исследованию миграционных процессов [Текст] / Ю. В. Билан, И. Чабелкова // Социологические исследования. – 2015. – № 9.
2. *Блантер, С.* Социологические подходы к изучению миграции [Текст] / С. Блантер, Е. Нагайцева // Методология и методы изучения миграционных процессов. – М., 2007.
3. *Васильева, Е. Н.* Социально-экономическая активность мигрантов в пространстве города Волгограда и волгоградской области

[Текст] / Е. Н. Васильева, Е. О. Данилова // *Primo Aspectu*. – 2015. – Т. 21. – № 7 (167).

4. *Воробьева, О. Д.* Многоликая миграция [Текст] / под общ. ред. О. Д. Воробьевой, А. В. Топилина / О. Д. Воробьева, А. А. Гребенюк, М. А. Леонова, В. И. Мукомель, А. В. Топилин. – М.: Экон-информ, 2014. – 261 с.

5. *Зайончковская, Ж. А.* Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) [Текст] / Ж. А. Зайончковская, Н. Н. Ноздрин // *Проблемы прогнозирования*. – 2008. – № 4.

6. *Игнатова, Ю. Е.* Влияние региональных условий на адаптационные процессы трудовых мигрантов (на примере Волгоградской области)

[Текст] / Ю. Е. Игнатова, Н. А. Николаенко // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. – 2011. – № 3.

7. *Кэролайн, Б.* Теория миграций [Текст] / Б. Кэролайн, Дж. Бреттелл, Ф. Холлифилд // *Методология и методы изучения миграционных процессов*. – М., 2007.

8. *Малинкин, А. Н.* Полипарадигмальный подход в социологии: мнимый выход из мнимой дилеммы [Текст] / А. Н. Малинкин // *Философско-литературный журнал Логос*. – 2005. – Т. 47. – № 2.

9. *Юдина, Т. Н.* О социологическом анализе миграционных процессов [Текст] / Т. Н. Юдина // *Социологические исследования*. – 2002. – № 10.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

УДК 81'0
ББК 87.228

ЯЗЫК В АНТРОПОГЕНЕЗЕ

И. Ф. Водяникова

Аннотация. Статья представляет собой обзор публикаций, появившихся за последние годы, по проблеме глоттогенеза. История исследований данной проблемы такова, что на нее налагались запреты, хотя понять причину такого решения Парижского лингвистического общества в 1886 г. можно, слишком много умозрительных, полуфантастических теорий породило обсуждение данной проблемы. Сейчас запретов нет, но тема происхождения языка не перестала быть менее «скользкой». Однако сегодня ситуация изменилась, если раньше этой проблемой занимались в основном философы и антропологи, то сейчас, кроме них, эту проблему исследуют специалисты по искусственному интеллекту, психологи, нейрофизиологи, этологи, генетики, археологи, семиологи, лингвисты. А значит появилась возможность хотя бы четко разграничить то, что действительно известно, и то, что можно допускать с той или иной долей вероятности.

Ключевые слова: антропогенез, глоттогенез, ментогенез, гипотеза «груминга», гипотеза глоттогенеза как форма социализации.

LANGUAGE IN ANTHROPOGENY

I. F. Vodyanikova

Abstract. The article presents a review of publications on the glottogenesis problem that have appeared in recent years. There were prohibitions in the history of this problem research, but it is possible to understand the reason of such decision of the Paris linguistic society in 1886, because the discussion of this problem gave birth to a lot of speculative, fantastic theories. Now there are no prohibitions, but the topic of the origin of language has not ceased to be less "slippery". However, the situation today has changed, sometime before this problem was discussed were mostly by philosophers and anthropologists, but now, in addition to them, this issue examine: experts in artificial intelligence, psychologists, neuroscientists, ethologists, geneticists, archaeologists, semiologists, linguists. So, there is an opportunity at least to distinguish clearly between what is really known and what can be tolerated with a given probability.

Key words: anthropogeny, glottogenesis, menntogenez, the hypothesis of "grooming", glottogenesis as a form of socialization.

Проблема глоттогенеза является частью общей проблемы антропогенеза, который есть единство процессов, происходивших одновременно: ментогенеза (происхождение сознания, мышления), глоттогенеза (происхождение языка) и социогенеза (происхождение общества).

Практически каждый исследователь, занимающийся вечной проблемой – происхождения языка, которая пока не поддается научному решению, упоминает про запрет Французского лингвистического общества в 1866 г. на публикацию каких бы то ни было рассуждений по по-

воду происхождения языка. Одна из причин состояла в том, что в начале XIX в. был предложен новый критерий для разграничения языков (который казался объективным) на «примитивные» близко, примыкающие к первобытному языку, и более развитые. В качестве критерия развитости выдвигалась степень морфологической сложности. Считалось, что чем язык проще, тем он примитивнее. Эту идею развивал Вильгельм фон Гумбольдт. Сложность греческой и латинской морфологии соответствовала, казалось бы, этой идее. Но одним из самых примитивных языков

по этой гипотезе оказывался китайский – язык развитой цивилизации, тогда как многие языки «отсталых» народов имеют гораздо более сложную морфологию. Стало ясно, что морфология языка не позволяет судить о том, насколько этот язык близок к «первобытному». Кроме того, причина запрета Французского лингвистического общества состояла и в том, что слишком много теорий, ни на чем не основанных, кроме воображения, что и породило обсуждение этой проблемы. Со второй половины XIX в. наступило всеобщее разочарование в попытках решить проблему происхождения языка. Как отмечает известный семиолог А. Н. Барулин, этот запрет так сильно подействовал на отечественных исследователей, что сегодня в России «едва ли наберется десяток специалистов, активно интересующихся проблемой глоттогенеза», а в российских университетах, по его утверждению, не читается ни одного курса, посвященного проблеме происхождения языка [1, с. 9–44].

Однако в последние годы ситуация переменялась радикально. В Париже более 20 лет назад создан центр по изучению проблемы глоттогенеза, и каждые два года организовываются всемирные конгрессы, посвященные происхождению языка. Но и сегодня, как отмечает археолог Л. Б. Вишняцкий, эта проблема порождает множество спекулятивных предположений и гипотез, основанных не столько на фактах, сколько на их отсутствии, и важно четко разграничивать то, что мы действительно знаем и то, что можем лишь допускать [4]. Есть принципиальные изменения в исследовании этой проблемы, если раньше проблемой происхождения языка занимались в основном философы и антропологи, то сейчас, кроме них, эту проблему исследуют специалисты по искусственному интеллекту, нейрофизиологи, психологи, биологи (этологи и генетики), археологи, лингвисты, семиологи. Другими словами, полученные результаты не умоглядны.

Цель статьи – систематизация точек зрения по проблемам глоттогенеза.

Язык – коммуникативная система знаков, служащая средством человеческого общения, мышления и выражения мысли. Исследование происхождения языка невозможно без изучения языка животных, поскольку невозможно выделить то новое, что появилось у человека по сравнению с животными. Каковы отличительные признаки языка человека как коммуникативной системы? Известный список признаков принадлежит американскому исследователю Чарльзу Хоккету, но язык самых близких к человеку жи-

вотных оказался гораздо сложнее, чем представлялось еще недавно. Ч. Хоккет выделяет ряд свойств языка [8, с. 45–76]. *Семантичность*: некоторые элементы языка обозначают предметы, явления окружающего мира. Семантичностью обладает любая коммуникативная система, в которой сигналы, обозначающие предметы внешнего мира, отделены от самих этих предметов. *Открытость*: имея ограниченный запас исходных единиц, мы можем производить и понимать неограниченное количество новых сообщений. *Культурная преемственность* (конкретные слова языка, грамматические правила, произношение врожденными не являются, а определяются исключительно языковой традицией), *Перемещаемость* (язык позволяет говорить о событиях настоящего, прошедшего и будущего). *Дискретность*: любые два нетождественных высказывания на любом языке отличаются друг от друга, хотя бы на один различительный признак, например, слова «дом» и «том», в языке не существует плавных и незаметных переходов от одного знака к другому. *Уклончивость*: человеческий язык позволяет строить ложные и бессмысленные выражения. Это свойство языка позволяет человеку сочинять и фантазировать. *Рефлексивность*: на человеческом языке можно рассуждать о нем самом. *Двойное членение*: имеется в виду, что высказывания человеческого языка делятся на части, обладающие значением: предложения, слова, морфемы. Эти части, в свою очередь, делятся на элементы, значением не обладающие: звуки, фонемы, слоги. Незначимые могут комбинироваться разными способами, образуя значимые единицы. Именно благодаря двойному членению количество высказываний, произносимых человеком, практически бесконечно. Высказывания человеческого языка, обладающие значением, также различным образом могут комбинироваться. Двойным членением обладает не только звучащая речь, но и жестовые языки глухонемых.

У животных предполагалось, что нет двойного членения, каждый сигнал значим. Действительно ли все перечисленные свойства уникальны и характерны только для человеческого языка? Эксперименты по обучению человекообразных обезьян языку жестов – амслену (амслен – американский жестовый язык глухонемых – AmSLan – American Sign Language) показали способность обученных этому языку обезьян к овладению «двойным членением», они смогли составлять новые знаковые единицы из элементарных знаков, членящихся на незначимые [3, с. 30].

Лингвисты реконструировали языки, на которых говорили намного раньше, чем на земле появилась письменность. Но все они принципиально не отличаются от известных. Все свойства, перечисленные выше, реконструируются и для них. Но эти знания не дают ответа на вопрос: как возник язык?

Большинство гипотез о происхождении языка умозрительны, их можно объединить в следующие основные группы:

- креационистские;
- этимологические, среди которых наиболее известны: а) теория звукоподражания, в соответствии с которой первые слова подражали своими звучаниями крикам животных и звукам природы; б) междометная теория строилась на том, что первые слова появились из непроизвольных выкриков;
 - гипотеза «общественного договора»;
 - оноματοпозитическая гипотеза (греч. *onomatopoeia* – словотворчество), главный тезис этой теории состоит в том, что язык возник в результате «творческого акта» как результат «работы духа»;
 - трудовая гипотеза происхождения языка, в отличие от других вышеперечисленных, стоит особняком, поскольку получила в дальнейшем научное обоснование данными ряда наук: антропологии и археологии, нейрофизиологии, этнологии, зоопсихологии.

В последнее время появились исследования, в свете которых и другие донаучные гипотезы происхождения языка, например, звукоподражательная получают научное обоснование [2, с. 151–154]. Эта гипотеза предполагает, что наименования определенным образом выражают суть именуемых объектов. Например, совершенно точно обоснован звукоподражательный характер многих именовании птиц – орнитонимов [6], в самых разных языках наименование птицы звучит весьма сходно. Это хорошо видно в наименованиях обыкновенной кукушки: русский – кукушка, болгарский – кукавица, польский – *kukulka*, французский – *coucou*; испанский – *cucú*; венгерский – *kakuk*; турецкий – *gaguk*, татарский – *кук*, башкирский – *кокук*. В таких названиях, как «горлица», «гагара», «канюк» свиристель, чиж, чечетка наибольшее имитационное сходство создается не отдельными фонемами (звуками), а их сочетаниями, чаще всего это согласные, а именно: р, тр, пр, св, г, ч, ш, щ. Итак, акустический анализ подтверждает звукоподражательную природу ряда пластов естественного языка и, в частности, многих

наименований сигналов. Кроме того, как показывает И. А. Бескова, существуют сигналы-аттрактанты и сигналы-репелленты. Аттрактанты (от лат. *atraho* – притягиваю к себе) – это гармоничный сигнал, вызывающий положительные эмоции. Сигналы-репелленты – от лат. *repello* – отталкиваю, отпугиваю, отгоняю. Репелленты, типа «кыш», используются для отпугивания множества живых существ: и птиц, и животных. Сигналы-аттрактанты используются для приманивания: «цып-цып», «кис-кис». Оказалось, что фонограммы сигнала «кыш», звука «ш», шипения кошки, змей, весьма сходны на графиках, т.е. звук «ш» выступает сигналом угрозы, предупреждения об опасности у насекомых, птиц, животного, человека. И человек использует данное обстоятельство по назначению. Однако концепция звукоподражаний, если и объясняет появление некоторых слов, то не может объяснить, как человек научился говорить, как создал огромное богатство самых важных и нужных слов. Слова: «земля», «небо», «вода», «работа», «торговля» и многие другие никогда не были подражаниями звукам природы. Они возникли, очевидно, другим путем.

Сегодня много приверженцев имеет гипотеза, согласно которой первоначально язык был жестовым [3, 4, 7]. Известно, что у обезьян вокализации служат не для того, чтобы передать информацию, а лишь для того, чтобы привлечь внимание к жестовым сигналам [4]. Так, в частности Майкл Томаселло [7], связывает происхождение языка с жестами и пантомимой. Эволюцию языка Томаселло представляет следующим образом. У предков человека были жесты, привлекающие внимание, например, хлопнуть по земле, чтобы сородичи услышали, обернулись и увидели движения намерения. В ходе эволюции сначала жесты, привлекающие внимание, сменяются указательными, направляющими жестами, затем движения намерения превращаются в пантомиму; в конце концов, формируется конвенциональный звуковой язык. Гипотеза происхождения языка Майкла Корбаллиса также объясняет теорию звучащей речи от жестов [3, с. 312–313]. Этот язык оказался лучше жестового, и люди, говорившие на нем, сумели вытеснить своих предшественников.

Достаточно правдоподобной отечественные исследователи [3, 4] считают гипотезу, получившую название «гипотезы груминга» (грумингом называют поиск животными друг у друга насекомых, чистку шерсти и подобные действия), предложенную английским приматологом Робертом Данбаром. Он становление языка

связывает с усложнением социальной жизни гоминид, полагая, что существует прямая связь между размером группы («естественная численность» – 148 человек) и количеством времени, которое расходуется на груминг. Выполняющий груминг, помимо чисто гигиенических, осуществляет важную социально-психологическую роль поддержания сплоченности группы, сохранения ее целостности. Однако по достижении сообществами гоминид некоего порогового значения численности (148 чел.) характер организации общества начинает усложняться, происходит его дробление на подгруппы, и появляются специальные органы управления и власти. Как следствие, должно было произойти замещение или дополнение груминга другим средством обеспечения социальной стабильности, менее времяемким, но не менее эффективным. Таким средством, по мысли Данбара, стал язык, он рассчитал и время возникновения языка – 250 тыс. лет назад, а то и в два раза раньше. Датировка происхождения языка, полученная Данбаром оригинальным способом, полностью согласуется с выводами, сделанными на основе изучения эволюции гортани и ротовой полости.

Гипотеза возникновения языка как формы социализации представлена в концепции Н. В. Клягина. Согласно этой концепции [5], освоив орудийную деятельность, гоминиды усвоили ведущую функцию правой руки и развили левое полушарие, связанное с речевыми центрами мозга, это зоны Брока и Вернике. Дальнейшие события уже имели отношение к генезису языка. Н. В. Клягин считает, что язык жестов, с которым исследователи связывают происхождение языка, не универсален, он мало отличается от сигнализации животных. Поэтому встает вопрос, не как гоминиды научились говорить, а как они научились говорить универсально, на любые, доступные им темы. Согласно концепции Н. В. Клягина, лучше выживали те общины, которые вместо того, чтобы предаваться праздности, что расшатывало социальную структуру, активно общались и жестами, и звуками. Гипотеза о том, что древнейшие формы языка служили целям социализации свободного времени, позволяет объяснить количественный прогресс и качественную универсализацию языка. Гоминиды обсуждали то, что попадало в поле их зрения: быт, охота, собирательство и другие виды работ, ритуалы, зачатки нравственных взаимодействий, вроде взаимопомощи или ее отсутствия, занятия искусством. Это напоминает типичную тематику современных людей, но в точном виде она мыслима и для древних. Важно

не то, о чем говорили гоминиды, а то, что они общались. Расширение и умножение тем бесед медленно превращало словарь древнейшего языка в универсальный. Таким образом, говорящий человек был запрограммирован на употребление универсального языка в глубокой древности.

Важный вопрос, связанный с происхождением языка, какие анатомические органы должны были понадобиться нашим предкам? Реконструированием верхних дыхательных путей занимается палеоларингология [4]. В частности, низкое расположение гортани характерно лишь для людей. Еще один орган, связанный с речевой деятельностью, – это диафрагма, обеспечивающая точный контроль дыхания, необходимый для быстрой членораздельной речи. Большое значение для развития речевых способностей гоминид имели изменения размеров и строения челюстей и ротовой полости – органов, принимающих самое непосредственное участие в артикуляции звуков. Датировать основные стадии эволюции трудно, но приблизительные хронологические оценки на основе разного рода косвенных данных возможны. Так, на черепах ранних палеоантропов возрастом около полумиллиона лет фиксируются эти особенности, характерные и для современных людей.

Кроме того, надежным признаком использования нашими предками их лингвистических способностей может служить факт мореплавания. Дальнее путешествие по морю невозможно без продолжительной специальной подготовки и обсуждения. На некоторые острова, отделенные от материка сотнями километров глубоководных пространств, первопоселенцы прибыли уже, как минимум, 700 тысяч лет назад.

Обзор последних работ по проблеме глоттогенеза показывает, что достижений в исследовании проблемы происхождения языка немало, и они не оспариваются. Установлена звукоподражательная природа ряда пластов естественного языка, показано, что звукоподражания предшествовали знакам-символам, жестовый язык предшествовал звуковому, возникновению языка способствовало прямохождение, развитие языка было неразрывно связано с социальностью, дата происхождения языка 500–700 тыс. лет назад – все это важные составляющие теории, которой пока нет. Ясно, что язык прошел множество этапов изменений, усложнений, но как они совершались, вероятно, не узнаем.

Библиографический список

1. Барулин, А. Н. К построению теории глоттогенеза [Текст] / А. Н. Барулин // Лингви-

стическая компаративистика в культурном и историческом аспектах: Материалы V Международной конференции по сравнительно-историческому языкознанию / под общ. ред. В. А. Кочергиной. – М.: МГУ, 2007. – С. 9–44.

2. *Бескова, И. А.* Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ) [Текст] / И. А. Бескова. – М.: Институт философии РАН, 2001. – 268 с.

3. *Бурлак, С.* Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы [Текст] / С. Бурлак. – М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 464 с.

4. *Вишняцкий, Л. Б.* История одной случайности, или Происхождение человека [Текст] / Л. Б. Вишняцкий. – Фрязино: Изд-во «Век 2», 2005. – 240 с.

5. *Клягин, Н. В.* Человек в истории [Текст] / Н. В. Клягин. – М.: ИФ РАН, 1999. – 239 с.

6. *Силаева, О. Л.* Имитационные взаимоотношения между человеком и животными: акустический анализ [Текст] / О. Л. Силаева, А. Н. Вараксин, В. Д. Ильичев. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 49 с.

7. *Томаселло, М.* Истоки человеческого общения [Текст] / М. Томаселло / пер. с англ. М. В. Фаликман, Е. В. Печенковой, М. В. Синицыной, Анны А. Кибрик, А. И. Карпухиной. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 328 с.

8. *Хоккет, Ч. Ф.* Проблема языковых универсалий [Текст] / Ч. Ф. Хоккет // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М.: Иностранная литература, 1970. – С. 45–76.

УДК 316.74:2:316.346.32-053.6

ББК 86.214

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

С. С. Малявина

Аннотация. В статье осуществлено кросс-культурное исследование религиозности у православных христиан, мусульман и атеистов. Выявлены различия в восприятии и оценивании места веры, морали, религиозных практик, самоидентификации и персональной религиозности верующего в его жизнедеятельности. Установлено, что для христиан характерна безличностная религиозность, поверхностное, объектное, отношение к богу, а для мусульман наиболее характерна личностная религиозность, что свидетельствует о глубокой связи верующего с богом. Обоснована взаимосвязь религиозности современной молодежи с социокультурной средой, процессами секуляризации, влиянием семьи на мировоззрение молодого человека.

Ключевые слова: христиане, мусульмане, атеисты, кросс-культурное исследование, молодежь, религиозность.

CROSS-CULTURAL STUDY OF THE DEVOUTNESS OF MODERN YOUTH

S. S. Malayvina

Abstract. The article is about cross-cultural study of the devoutness of Orthodox Christians, Moslems and atheists. The article is observed some differences in perception and assessment of the place of faith, morality, religious practices, self-identification and personal religiosity of the believer in his life activity. The author insists on that Christians are characterized by impersonal religiosity but Muslims are characterized by personal devoutness. The author finds the connection between devoutness of modern youth and social and cultural environment, the processes of secularization, the influence of the family on the young man's outlook.

Key words: Christians, Moslem, atheists, cross-cultural study, youth, devoutness.

В течение последних десятилетий (конец XX – начало XXI вв.) прослеживается рост значимости религии в жизни отдельного человека и общества. Это объясняется несколькими причинами. С одной стороны, отсутствие стабильности современного мира (экологические и техногенные катастрофы, войны и террористические акты, экономические и политические проблемы)

рождает ощущение хаоса, способствует возникновению тревожности и страха в обществе. Это ориентирует человека на поиски системы, которая обладает потенциалом помочь человеку в преодолении или защиты от данных социальных проблем. С другой стороны, стремительные изменения социокультурных условий жизни, технократический прогресс, миграционные явления

формируют у отдельных людей чувство нестабильности и неуверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне. Религия является одной из социокультурных систем, которая позволяет человеку ощутить чувства спокойствия, надежности, защиты, она удовлетворяет потребности человека в стабильности и устойчивости, в логичной и понятной дифференциации социума, позволяет человеку обрести смысл жизни, поверить в себя. Это делает религию привлекательной для человека, формирует особое психологическое образование – религиозность личности. Религиозность обеспечивает отражение принадлежности человека к религиозному миру, оказывает влияние на мировоззрение, миропонимание, мироощущение личности. Принадлежность человека к религии находит выражение в формировании религиозности личности. Обозначенные причины актуализируют возрождение значимости религиозности личности в современном мире, делают перспективным изучение проблемы религиозности в современной науке.

Психология имеет довольно продолжительную историю изучения религиозности. Предприняты попытки изучения религиозности как универсального качества: раскрываются качественные (характер, состояние, динамика) и количественные показатели (уровень, степень и др.) данного психологического образования. При этом получаемые результаты зачастую характеризуются противоречивостью, однополярностью. Например, в исследовании Д. Фурмана и К. Карайринена выявлена тенденция, раскрывающая неоднозначность религиозности современного человека. Респонденты, называющие себя верующими людьми, не посещают церковь, участники исследования, позиционирующие себя как неверующие, более или менее регулярно ходят в храм [1].

Об однополярности современных исследований религиозности свидетельствует факт, что проводимые в современной науке эмпирические исследования данного психологического образования зачастую ориентированы на изучение представителей христианства. Значительная часть разработанных психодиагностических методик в содержательном плане обращена именно к респондентам-христианам. Например, в опроснике «Шкала религиозной ориентации» (Г. Олпорт, Д. Росс) целый ряд вопросов направлен на изучения отношения личности к церкви [5]. Подобная содержательная обращенность к христианам встречается и в других методиках изучения религиозности личности. Эмпирические исследования религиозности представите-

лей других религий проводятся значительно реже.

Противоречивость получаемых в исследованиях результатов, приоритетное изучение религиозности христиан, малочисленные исследования представителей других религий делает актуальным кросс-культурное исследование религиозности. Кросс-культурное изучение религиозности позволит накопить сведения, иллюстрирующие сходства и различия показателей религиозности у представителей разных религий, интерпретировать полученные результаты, исходя из религиозного содержания. В отдаленной перспективе, кросс-культурное изучение религиозности позволит создать подлинно универсальную концепцию религиозности, которая была бы применима ко всем людям, «независимо от происхождения, и могла бы дополнить, а может, и заменить господствующие сегодня теории и представления» [4, с. 29]. Кроме того, кросс-культурное изучение религиозности у представителей разных религий позволяет лучше понять особенности влияния религиозной принадлежности на мировоззрение личности, выявить значимые связи между религиозностью и другими компонентами мировоззренческой системы личности, раскрыть детерминацию личностного развития человека в современном мире. В этом состоит актуальность кросс-культурного исследования религиозности представителей современной молодежи.

В рамках кросс-культурного исследования религиозности мы решали следующие задачи: провести сопоставительное изучение показателей религиозности у православных христиан, мусульман, атеистов (изучение сходств и отличий отдельных показателей религиозности у представителей обозначенных групп); выявить и объяснить содержательную специфику, сходства и отличия религиозности у носителей религиозного мировоззрения (православных христиан и мусульман).

Материалы и методы исследования.

В рамках нашего исследования мы обратились именно к кросс-культурному изучению религиозности у представителей разных религий (православного христианства и ислама), а также сторонников атеистического мировоззрения. Выбор групп для эмпирического исследования объясняется спецификой региона, где проводилось исследование (Волгоградская область традиционно считается поликультурным регионом РФ, где православие и ислам являются наиболее распространенными религиями). Изучение мнения молодых людей, позиционирующих себя в

качестве атеистов, обусловлен несколькими причинами. Во-первых, среди представителей современной молодежи, существует значительная когорта людей, идентифицирующих себя в качестве атеистов. Во-вторых, у некоторых из них в прошлом имеется религиозный опыт (раньше причисляли себя к представителям одной из религий). Те из атеистов, кто никогда не испытывал связи с религией, тоже имеют устойчивое, сформировавшееся отношение к религии. В-третьих, в одном из ранее проведенных исследований мы выяснили, что в жизни человека, позиционирующего себя в качестве атеиста, религия занимает важное место в мировоззренческой системе [3]. Все это делает интересным и необходимым изучение мировоззренческой позиции атеистов в отношении религии.

Исследование проводилось среди студентов Волгоградского филиала РАНХиГС, обучающихся по специальности «Юриспруденция», «Управление персоналом», «Психология». Всего в исследовании приняли участие 90 человек, из них 52 человека идентифицируют себя с православными христианами, 25 – с мусульманами, 13 участников исследования назвали себя атеистами.

Для изучения религиозности у представителей современной молодежи была выбрана методика изучения персональной религиозности (автор Р. Яворский) [7]. В основе данной методики лежит идея о том, что люди по-разному выражают свое отношение к богу. В отношениях одних преобладает межличностный контакт с богом, они обладают личностной религиозностью. Другие люди воспринимают бога инструментально, относятся к нему как к объекту, т.е. проявляют безличностную религиозность.

Сущность личностной религиозности заключается в переживании контакта с богом как личностью. В этом контакте человек участвует всем своим существом, вступает в партнерский диалог с богом. Для человека с подобным типом религиозности свойственна свобода и способность к творчеству, чувство гордости от осознания своей религиозности. В отношениях с богом он чувствует свою ответственность, эти взаимоотношения характеризуются взаимным, активным присутствием и любовью. При этом ценность взаимоотношений с богом не исключает и не противоречит открытости человека к новым знаниям и опыту.

Безличностная религиозность предполагает такой тип отношений, где бог воспринимается человеком как объект удовлетворения собственных нужд, контакт с богом направлен на достижение каких-либо жизненных ценностей, а не самого бога. Человек с подобным типом религиозности использует религиозные действия как инструмент для достижения собственных целей.

На основе данной теоретической модели Р. Яворским была разработана методика изучения личностной религиозности, которая предполагает выявление пяти показателей религиозности: веры, религиозной морали, религиозных практик, религиозного «Я» (самоидентификации) и, собственно, персональной религиозности (высокие показатели по данной шкале являются свидетельством личностной религиозности, низкие показатели характеризуют безличностную религиозность). Именно по данным пяти показателям и проводилось кросс-культурное исследование религиозности современной молодежи среди представителей православного христианства, мусульманства, а также сторонников атеистического мировоззрения.

Статистический анализ проводился на основе непараметрического критерия Краскала – Уоллиса для трех выборок и критерия Манна – Уитни для попарного сравнения выборок. Статистический пакет IBM SPSS Statistics 22.

Результаты исследования и обсуждение.

Сопоставительное изучение сходств и отличий отдельных показателей религиозности у представителей обозначенных групп выявило, что проявление всех показателей религиозности значимо отличается у представителей изучаемых групп ($p < 0,001$ (см. табл. 1)). Полученные результаты свидетельствуют о том, что субъективная оценка респондентами проявлений у них религиозной веры, религиозной морали, религиозного поведения, интенсивности религиозной самоидентификации и в целом оценка степени своей персональной религиозности значительно отличается у христиан, мусульман, атеистов. Полученные результаты еще раз подтверждают значимость изучения религиозности. Несмотря на единое социокультурное пространство современной России, христиане и мусульмане существенно отличаются друг от друга по тому, как религиозная принадлежность отражается в их мировоззрении и проявляется в поступках, поведении, жизнедеятельности.

Таблица 1

Статистические критерии^{a,b}

	Вера	Мораль	Религиозные практики	Религиозное «Я» (самоидентификация)	Суммарный балл по шкале персональной идентификации
Chi-квadrat	17,803	26,463	28,357	20,825	25,077
ст.св.	2	2	2	2	2
Асимптотическая значимость	,000	,000	,000	,000	,000

a. Критерий Краскела-Уоллиса

b. Группирующая переменная: религия

Изучение содержательной специфики культурных особенностей религиозности православных христиан, мусульман, атеистов показало, что по всем показателям религиозности мусульмане демонстрируют большую значимость религии в своей жизни (см. табл. 2). Среди респондентов-мусульман субъективная оценка значимости религиозной веры в своей жизни, ориентация на религиозную мораль, соблюдение религиозных практик, религиозная самоидентификация, и в целом субъективная оценка персональной религиозности значительно выше, чем у христиан и атеистов.

Низкие показатели субъективной оценки значимости религиозных аспектов жизни у атеистов оказались вполне прогнозируемыми и ожи-

даемыми, так как данная диагностическая методика позволяет выявить субъективные оценки респондентов, их позиционирование своей мировоззренческой позиции. И именно субъективное видение собственной мировоззренческой позиции в группах с религиозной ориентацией (православные христиане и мусульмане), с одной стороны, и в группе сторонников атеистического мировоззрения, с другой стороны, значительно отличается. Для одних респондентов (православных христиан и мусульман) религия представляет значимую жизненную ценность, другие респонденты – атеисты – относятся к религии с отвержением, демонстративным пренебрежением.

Таблица 2

Ряды

	Религия респондента	№	Средний ранг
Вера	Христианство	52	43,36
	Ислам	25	60,92
	Атеизм	13	24,42
	Всего	90	
Религиозная мораль	Христианство	52	45,63
	Ислам	25	60,92
	Атеизм	13	15,31
	Всего	90	
Религиозные практики	Христианство	52	44,66
	Ислам	25	62,74
	Атеизм	13	15,69
	Всего	90	
Религиозное "Я"	Христианство	52	46,70
	Ислам	25	58,58
	Атеизм	13	15,54
	Всего	90	
ШПР	Христианство	52	44,62
	Ислам	25	62,58
	Атеизм	13	16,19
	Всего	90	

Для детализации содержательной специфики религиозности мы провели попарное сравнение диагностических показателей религиозности у православных христиан и мусульман. Нас интересовал вопрос: чем именно похожа, а чем отличается религиозность христиан и мусульман, живущих в едином социокультурном простран-

стве (Волгоградская область, РФ). Сопоставительное изучение религиозности, которое выявило существенные межгрупповые различия, на уровне $p < 0,01$ по всем показателям, кроме религиозного «Я» (самоидентификация), по данной шкале различия выявились на уровне $p < 0,05$ (см. таблица 3).

Таблица 3

Статистические критерии^а

	Вера	Религиозная мораль	Религиозные практики	Религиозное «Я»	ШПР
U Манна – Уитни	396,000	413,500	365,500	465,500	372,500
W Вилкоксона	1774,000	1791,500	1743,500	1843,500	1750,500
Z	-2,796	-2,599	-3,136	-2,021	-3,030
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,005	,009	,002	,043	,002

а. Группирующая переменная: религия

Мусульмане существенно выше, чем христиане, оценивают значимость религиозной веры, потребность следования религиозной морали, готовность выполнять религиозные практики, религиозное «Я» и персональную

религиозность в целом (см. табл. 4). Вероятно, для христиан значимость проявления религиозности в вере, необходимость следования религиозной морали, соблюдения религиозных практик ниже.

Таблица 4

Ряды

	Религия	N	Средний ранг	Сумма рангов
Вера	христианин	52	34,12	1774,00
	мусульманин	25	49,16	1229,00
	Всего	77		
Религиозная мораль	христианин	52	34,45	1791,50
	мусульманин	25	48,46	1211,50
	Всего	77		
Религиозные практики	христианин	52	33,53	1743,50
	мусульманин	25	50,38	1259,50
	Всего	77		
Религиозное «Я»	христианин	52	35,45	1843,50
	мусульманин	25	46,38	1159,50
	Всего	77		
ШПР	христианин	52	33,66	1750,50
	мусульманин	25	50,10	1252,50
	Всего	77		

Можно утверждать, что персональная религиозность христиан характеризуется большим номинализмом. Косвенно об этом свидетельствуют и более низкие показатели межгрупповых различий по уровню религиозной самоидентификации. Христиане, несколько ниже, чем мусульмане, оценивают собственное религиозное «Я». При этом христиане существенно ниже оценивают значимость религиозной веры в своей жизни, потребность ориентироваться на религиозную мораль, готовность соблюдать религиоз-

ные практики, проявляют свою религиозность в жизни.

Выявленные различия свидетельствуют о том, что религиозность православных христиан и мусульман из среды современной молодежи имеет существенные отличия. Мусульмане в большей степени, чем христиане, проявляют признаки личностной религиозности, для которой характерны наличие глубокой персонифицированной, эмоционально окрашенной связи с богом. Мусульмане чаще испытывают устойчи-

вую непрерывную связь с богом, которая пронизывает всю их жизнь.

Православные христиане чаще обнаруживают признаки безличностной религиозности. При подобном типе религиозности человек относится к богу потребительски, как к объекту удовлетворения собственных потребностей и желаний. У человека с безличностной религиозностью отсутствует чувство близости и отождествления с богом, чувство гордости и удовлетворения от осознания собственной религиозной принадлежности.

Мы полагаем, что выявленные культурные отличия персональной религиозности православных христиан и мусульман из среды современной молодежи могут быть обусловлены несколькими факторами: возрождением религиозной идеологии в российском обществе конца XX – начала XXI вв., секуляризацией современного общества, межкультурной вариативностью формирования религиозности личности у православных христиан и мусульман. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, значительные отличия религиозности христиан и мусульман могут быть объяснены возрождением значимости религии в обществе, которое началось в конце XX – начале XXI вв. в России. По данным различных социологических и психологических исследований в это время прослеживается рост религиозности и во всем мире, и в России. Нестабильность различных сфер жизни современного общества рождает у человека ощущение незащищенности, которое он стремится преодолеть. В том числе и с помощью религии. Но стихийное возрождение значимости религии в обществе, которое произошло в постсоветской России, приводит к формированию, в первую очередь, именно безличностной религиозности, которая создает психологически незрелому человеку иллюзию защиты, не столько приближает человека к богу, сколько служит удовлетворению потребностей человека.

Во-вторых, выявленные различия религиозности православных христиан и мусульман, возможно, являются следствием секуляризации общества – феноменом снижения роли религии в сознании людей и жизни общества. Секуляризация общества приводит к изменению парадигмы религиозной веры, утверждению доминирования светских принципов и взглядов, к доминированию светской модели общественного устройства на основе рациональных (внерелигиозных) норм. Секуляризация, начавшаяся как освобождение общества от контроля духовенства, религии как

института и моральной силы, постепенно привела к формированию автономии светского начала, разграничению «божественного» и «человеческого». Причем в работах исследователей, которые обращаются к вопросам секуляризации общества (П. Бергер, М. Вебер, П. А. Сорокин и др.), мы находим иллюстрации секуляризации именно христианского общества. Е. Н. Чеснова отмечает, что согласно мнению М. Вебера именно для христианского общества свойственно «обмирщение» общества, что приводит к культу здравого смысла, разума и в соответствии с экономическими, политическими и культурными интересами общества и личности. Человек выходит из-под давления религиозных авторитетов, сам становится творцом своей жизни [6].

Подобная мировоззренческая позиция приводит к снижению интереса личности к христианской культовой практике, способствует повышению интереса к идее личного бога, позволяет ей создавать свою персональную религию, формулировать критерии религиозной веры, религиозного опыта. Можно с уверенностью утверждать, что секуляризация христианского общества способствует формированию особой индивидуальной связи личности с богом, при которой человек сам создает правила и нормы этого взаимодействия.

В-третьих, культурные различия религиозности православных христиан и мусульман могут быть объяснены различиями процесса формирования религиозности в среде христиан и мусульман. Проведенное нами ранее изучение детерминации религиозности выявило, что особенности формирования данного социально-психологического образования отличаются у христиан и мусульман. Православные христиане, раскрывая детерминацию данного процесса, чаще подчеркивают значимость общественно-культурных составляющих (например: «У нас в стране православие, поэтому я тоже православный»). Мусульмане же, анализируя факторы, оказавшие влияние на процесс формирования их религиозности, чаще отмечают значимость семьи, межличностных отношений с близкими родственниками («Мне дядя все рассказывал, вместе молились») [2]. По мнению мусульман, ставших участниками исследования, именно семья, эмоциональная близость с родственниками оказывают существенное влияние на процесс формирования их личностной религиозности. Вероятно, позитивные межличностные отношения становятся определяющим фактором формирования именно личностной религиозности,

наполненной эмоционально глубоким контактом личности с богом.

Заключение

Кросс-культурное исследование религиозности у православных христиан, мусульман, атеистов выявило, что по всем диагностируемым показателям религиозность у представителей изучаемых групп отличается. Религиозность является важным аспектом мировоззренческой позиции личности. Православные христиане, мусульмане и атеисты по-разному воспринимают и оценивают место религиозной веры, религиозной морали, религиозных практик, религиозной самоидентификации и, собственно, персональной религиозности.

Выявление содержательной специфики религиозности у сторонников религиозного мировоззрения (православных христиан и мусульман) обнаружило существование значительных отличий в осознании себя как религиозного человека, в проявлении религиозности. По всем аспектам, которые диагностирует применяемая методика, мнения православных христиан и мусульман отличаются. Персональная религиозность представителей данных социокультурных групп тяготеет к разным типам религиозности. Христиане чаще демонстрируют признаки безличностной религиозности, для которой характерно поверхностное, объектное, отношение к богу. Мусульмане значительно чаще обнаруживают проявления личностной религиозности, которая характеризуется наличием глубокой связи с богом.

Мы полагаем, что на формирование культурных отличий персональной религиозности православных христиан и мусульман в среде современной молодежи влияют, с одной стороны, объективные причины, способствующие возрождению религиозности в социуме, с другой – тенденции секуляризации общества, формирования персональной мирской религии, которая обнаруживается в христианском, в том числе и православном мире. Исследование показало, что христиане и мусульмане по-разному воспринимают и относятся к богу. Интересно отметить, что очень часто представители данной социальной группы довольствуются номинативным осознанием своей религиозности, без потребности эмоционально принимать и активно проявлять ее в существующих религиозных нормах и практиках.

Интегрированное влияние факторов социокультурной среды, секуляризации, детерминации религиозности на мусульман в современной России несколько иное. Мусульмане представляют собой хотя и традиционную религию, но религию меньшинства, что, возможно, формирует у них большую, чем у христиан потребность в интеграции и поддержании своей культурной, религиозной целостности. Хотя процесс секуляризации коснулся и мусульманства, но, вероятно, в силу специфики социокультурной среды, он не имеет той интенсивности, как в христианстве. Скорее всего, самым главным в формировании у мусульман личностной религиозности и оказывающим влияние является фактор семьи, эмоционально близких межличностных отношений с родственниками.

Библиографический список

1. *Каарийнен, К.* Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России [Текст] / К. Каарийнен, Д. Фурман. – СПб., М.: Летний сад, 2000. – 248 с.
2. *Малявина, С. С.* Детерминанты формирования религиозности личности [Текст] / С. С. Малявина // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2015. – № 2 (37).
3. *Малявина, С. С.* Религия в мировоззрении атеистов (по материалам качественного исследования) [Текст] / С. С. Малявина // Вестник ПСТГУ. 1: Богословие. Философия. – 2014. – Вып. 5 (55).
4. *Мацумото, Д.* Введение // Психология и культура [Текст] / под ред. Д. Мацумото. – СПб., 2003. – С. 27–36.
5. *Олпорт, Г.* Шкала религиозной ориентации [Электронный ресурс] / Г. Олпорт, Д. Росс. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/test300m/sro> (дата обращения: 15.12.2014).
6. *Чеснова, Е. Н.* Феномен религиозной веры в современном мире: особенности существования и перспективы [Текст] / Е. Н. Чеснова // Научный диалог: История. Социология. Философия. – 2013. – № 11 (23).
7. *Яворский, Р.* Личностная и безличная религиозность: психологическая модель и ее эмпирическая верификация [Электронный ресурс] / Р. Яворский. – Режим доступа: http://fapsyrou.ru/world_projects/stati_world_conference/lichnostnaya_i_bezlichnaya_1133/ (дата обращения: 15.12.2015).

СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS

УДК 327(470)(72)

ББК 66.4(2Рос),9+66.4(7)

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*Н. В. Алексина*

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения России и Латинской Америки в условиях изменения глобальной экономики и мировой политики, где значимость приобретают взаимовыгодные политико-экономические связи. Описаны интересы России в Латинской Америке на взаимовыгодных условиях. Исследуются проблемы двухстороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Латинская Америка, стратегическое партнерство, двухстороннее сотрудничество.

RUSSIA'S INTERESTS IN THE LATIN AMERICA AT MODERN WORLD

N. V. Aleksina

Abstract. The article is about relationship between Russia and Latin America in the context of changing global economy and world politics. Mutually beneficial political and economical connections are very important nowadays. Author also describes Russia's and Latin America's interests based on mutually beneficial terms. Author focuses on problems of two-way collaboration.

Key words: Russia, Latin America, strategy partnership, two-way collaboration.

Сегодня Россия столкнулась с необходимостью укрепления и расширения своих позиций с государствами Латинской Америки. По мере экономического развития и роста на континенте антиимпериалистических тенденций Латинская Америка превращается в весьма заметный фактор международных отношений.

В нынешних условиях обострения геополитической ситуации и практически полного приостановления экономического взаимодействия с Западом Россия оказалась перед необходимостью всесторонне обдумать и осмыслить происходящие фундаментальные изменения и выработать новый стратегический курс на международной арене, расширить круг активных зарубежных партнеров за счет государств, готовых (и способных) сотрудничать с нашей страной на равноправной основе. И, учитывая вышесказанное, в это число входят страны латиноамериканского региона, которые интересны России.

• Как стратегический партнер и союзник в западном полушарии. Здесь важное значение имеют сопряжение взглядов на ключевые международные процессы и явления, глобальные и региональные проблемы, а также схожесть политико-дипломатических подходов сторон к решению спорных вопросов и урегулированию конфликтных ситуаций. Здесь можно вспомнить один эпизод недавней истории – это голосование 27 марта 2014 г. на Генеральной Ассамблее ООН по проекту резолюции N A/68/L.39 «Территориальная целостность Украины» [3]. Результаты голосования латиноамериканских стран оказались для России весьма благоприятными, если сравнивать с данными по государствам других районов мира. Также стратегическое партнерство предполагает взаимодействие России и стран Латинской Америки в нескольких приоритетных направлениях, которое должно быть нацелено на достижение взаимопонимания, доверия и уве-

ренности друг в друге представителей высшего руководства.

- Как привлекательный рынок сбыта для российской военной продукции. Большинство стран Латинской Америки нуждаются в новой военной технике для обеспечения собственной военной безопасности и заинтересованы в поставках российского оружия. Такие страны, как Венесуэла, Куба, Боливия и Никарагуа и др., ценят возможность не только прийти на российский рынок или закупать у нас оружие, но они также хотят получить Россию как союзника в их борьбе за то, чтобы США вернулись к политике многосторонности и чтобы США учитывали их интересы безопасности. Несмотря на готовность латиноамериканских стран приобретать российское вооружение, они не готовы втягиваться в новую версию холодной войны и быть в ней на передовой, тем более зная, что Россия пытается использовать антиамериканские государства в своих целях. Как заявлял министр по стратегическим вопросам Бразилии Роберто Мангабейр Унгер, его страна не заинтересована в покупке оборонных систем: «В отличие от других южноамериканских стран мы не гонимся за (такими) вещами и не заинтересованы в политике балансирования с целью сдерживания Соединенных штатов. Мы поддерживаем дружеские отношения с Соединенными Штатами и надеемся сделать их еще более дружескими с приходом к власти новой администрации [5]. И даже если эти страны увеличат свое военно-техническое сотрудничество с нами, то вряд ли это сотрудничество как-то заметно повлияет на их внешнюю политику.

Двустороннее военное сотрудничество может развиваться по другим направлениям, например, создание пунктов материально-технического обеспечения российского ВМФ в Латиноамериканском регионе нашей стране было бы весьма полезно.

Латинская Америка – это потенциальный поставщик ресурсов и продовольствия (углеводороды, мясо, фрукты, овощи и т. д.). В российских магазинах лежат многие товары из Латинской Америки – кофе, какао, сахар, бананы, фрукты, кубинский ром, чилийское вино, цветы из Колумбии и т. д. В связи с украинским кризисом и последовавшим за ним торгово-экономическим кризисом между Россией и Западом, введением санкций против России у Москвы, кроме геополитических и идеологических интересов в Латинской Америке, появились и долгосрочные интересы, связанные с поиском новых торговых партнеров и поставщиков про-

дуктов питания. Это связано с введением продовольственного эмбарго, наложенного Россией на те страны, которые ввели антироссийские санкции. Представители латиноамериканского пищевого сектора выразили готовность существенно нарастить поставки в Россию продовольственных товаров и в краткие сроки провели соответствующие переговоры с российскими импортерами.

Вот только один пример. В середине сентября 2014 г. в Москве побывала аргентинская бизнес-миссия, в состав которой были руководители свыше 60 предприятий-экспортеров, которые реализуют на мировых рынках широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции. Аргентина предложила дополнительно к объему заключенных контрактов поставить в Россию в 2014–2015 гг.: яблок и груш – свыше 200 тыс. т, мандаринов – 52 тыс. т, апельсинов – 50 тыс. т, лимонов – 40 тыс. т, винограда – 14 тыс. т, бутылочного вина – более 170 тыс. тонн [4]. Кроме того, аргентинские предприниматели выразили свою готовность к сотрудничеству в передаче сельскохозяйственных технологий и поставок в Россию передовых образцов сельхозтехники. Организатором этого мероприятия выступило посольство Аргентины в Москве при поддержке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

Стоит отметить, что российско-латиноамериканское экономическое взаимодействие носит взаимовыгодный характер. Например, в ответ на увеличение латиноамериканского продовольственного экспорта в Россию отечественные предприятия выразили готовность нарастить поставки в страны региона крайне необходимых там сельскохозяйственных удобрений. Один из ведущих мировых производителей фосфорсодержащих удобрений – группа компаний «ФосАгро» в ноябре 2014 г. объявила о планах к 2020 г. увеличить продажи в Латинскую Америку ряда важнейших видов своей продукции (моноаммоний фосфат, диаммоний фосфат и комплексные удобрения) практически на 70 % – с 920 до 1540 тыс. тонн [2]. Особое место в общем контексте российско-латиноамериканского взаимодействия занимает Меркосур – на его долю приходится две трети торгового оборота России с Латинской Америкой. В 2010 г. в Буэнос-Айресе было заключено соглашение между Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и парламентом Меркосур, направленное на расширение межпарламентского сотрудничества и развитие взаимовыгодных связей между Россией и крупнейшими торго-

экономическими объединениями Южной Америки. Таким образом, взаимодействие России и Меркосур осуществляется на весьма солидной договорно-правовой основе. И тем не менее российские компании не спешат идти на латиноамериканский рынок, этому есть свои причины, к примеру, отсутствие свободных денежных средств не позволяет инвестировать в латиноамериканский регион в период кризиса, а также наличие в регионе транснациональных компаний Запада и Европы, что также мешает российским компаниям войти в регион.

Подводя итог, можно сказать, что есть ограничивающие причины, которые мешают максимально войти в регион и, прежде всего, это экономическая и финансовая неготовность России активно развивать свои отношения со всеми государствами латиноамериканского региона, и в данный момент Россия не может досконально удовлетворить все потребности региона и устранить таким образом другие геополитические факторы. Но все же Россия способна создать благоприятную почву для будущего сотрудничества.

Библиографический список

1. Встреча лидеров стран БРИКС. 15 ноября 2015 года [Электронный ресурс] / Informal

Meeting of BRICS Leaders. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50689> (дата обращения: 10.02.2017).

2. Мордюшенко, Ольга. «Фосагро» провело в Москве день инвестора [Электронный ресурс] / Ольга Мордюшенко. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2618510?isSearch=True> (дата обращения: 10.02.2017).

3. Яковлев, П. П. Россия и Латинская Америка в новой геополитической реальности [Текст] / П. П. Яковлев // Латинская Америка. – 2014. – № 10.

4. República Argentina. Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto [Электронный ресурс] / Торговые возможности с Российской Федерацией. – Режим доступа: <http://www.cancilleria.gov.ar/> (дата обращения: 10.02.2017).

5. Romero S., Schwirtz M., and Barrionuevo A. «Flux in Latin America Affects Russias Diplomacy» [Текст] / S. Romero, M. Schwirtz, and A. Barrionuevo – New York Times. New York. 2008.

6. The World Bank. Global Economic Prospects [Электронный ресурс] / Latin America and the Caribbean. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 09.02.2017).

УДК 316
ББК 87.2.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА ДУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

А. Е. Бокман

Аннотация. В статье раскрывается механизм внедрения элементов дуальной системы образования при подготовке квалифицированных рабочих и формирования эффективных механизмов трансляции социального заказа системе образования.

Ключевые понятия: элементы дуальной системы образования, высокотехнологичное производство, взаимодействие с предприятием, подготовка квалифицированных рабочих.

SOCIAL PARTNERSHIP AS CONDITION OF PROVIDING THE QUALITY OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION ON THE EXAMPLE OF THE DUAL SYSTEM OF EDUCATION

А. Е. Bokman

Abstract. The article reveals the mechanism of implementation of the elements of the dual education in training of qualified workers, the establishment of effective mechanisms for translation of social order system of education

Key words: the elements of the dual education system, high-tech manufacturing, the interaction with the enterprise, training of skilled workers.

Концепцией модернизации российского образования определены приоритетные задачи, одна из которых – формирование эффективных механизмов трансляции социального заказа системе образования [4, с. 32]. В этой связи одной из основных задач региональной системы сред-

него профессионального образования является удовлетворение потребностей различных отраслей экономики в подготовке квалифицированных кадров и личностное ориентирование обучающихся на профессию. Устойчивость работника на рынке труда может быть обеспечена за счёт профессиональной мобильности, обеспечиваемой широкопрофильной общей и профессиональной подготовкой, устойчивыми общетрудовыми и специальными умениями.

На современном этапе развития российского общества по-новому рассматриваются задачи, стоящие перед средним профессиональным образованием. Это необходимость удовлетворения потребностей всех отраслей экономики в квалифицированных рабочих кадрах.

Конкурентная среда заставляет образовательные учреждения создать необходимые условия для удовлетворения потребности личности в получении среднего профессионального образования, что предполагает:

- получение профессии (специальности) соответствующего уровня квалификации, с возможностью повышения образовательного уровня обучающихся, не имеющих среднего (полного) образования;

- ускоренное приобретение трудовых профессиональных навыков для выполнения определенной работы или группы работ.

Происходит смещение акцента от необходимой потребности предприятия в рабочих кадрах к удовлетворению потребности личности в получении профессиональных образовательных услугах. Это приводит к усложнению решения задач управления учебно-воспитательным процессом, порождает потребность в новых, научно-обоснованных способах их решения. Меняется и содержание, и стиль управления образовательным учреждением. Проблема дефицита квалифицированных рабочих кадров во всех отраслях промышленности становится все более острой. Если ранее развитие экономики сдерживалось отсутствием заказов предприятиям, то в настоящее время таким сдерживающим фактором является нехватка рабочих, обладающих необходимыми профессиональными квалификациями и компетенциями [3, с. 28].

Современный уровень производства предполагает для подготовки конкурентоспособных, быстро адаптирующихся к требованиям рынка труда рабочих, применение адекватных образовательных технологий: информационных, личностно-ориентированных, модульных, основанных на компетенциях и др. Это, в свою очередь, требует кардинального изменения учебно-

методического обеспечения образовательного процесса.

В последние десятилетия XX и начала XXI вв. проблемы модернизации среднего профессионального образования – его структура, содержание, качество развития личности будущего специалиста – являются особенно актуальными. Проблема развития личности будущего специалиста становится ведущей, так как связывается с решением задач его профессионального самоопределения. Сложившаяся в настоящее время отраслевая система профессиональной ориентации молодежи позволяет решить эту проблему лишь частично. Активная социализация и профессионализация будущего специалиста, реализуемые в поликультурном сообществе, актуализируют необходимость социального партнерства в профессиональной ориентации молодежи.

В то же время перспектива решения задачи профессионального самоопределения специалиста без социального партнерства в профессиональной ориентации молодежи невозможна, поскольку именно сетевое взаимодействие субъектов социального партнерства в профессиональной ориентации молодежи обеспечивает создание эффективной инновационной системы профессиональной ориентации и профессионального самоопределения молодежи.

Стратегическое планирование социально-экономического развития Волгоградской области, связано с основными приоритетами развития Российской Федерации и Южного федерального округа и направлено на устойчивое улучшение качества и общих условий жизни населения, на повышение эффективности использования ресурсов.

Начиная с конца 80-х гг. XX в., интенсивное развитие получает идея всеобщего управления качеством (Total Quality Management – TQM). Эта концепция предусматривает всестороннее, целенаправленное и хорошо скоординированное применение систем и методов управления качеством во всех сферах деятельности. Всеобщее управление качеством является стратегией руководства процессом обеспечения качества. Данная система с начала 90-х гг. активно проецируется и на сферу образования. Выявлено, что категория «качество образования» до настоящего времени остаётся активно обсуждаемой. Её рассматривают как определённый уровень знаний, умений, умственного, нравственного и физического развития, которого достигают обучаемые на определённом этапе в соответствии с планируемыми целями (Г. М. Коджаспиров и

А. Ю. Коджаспирова); соотношение цели и результата, мера достижения цели (М. М. Поташник, Е. А. Суховиенко); интегральную характеристику образовательного процесса и его результатов, выражающую меру их соответствия распространённым в обществе представлениям о том, каким должен быть образовательный процесс и каким целям он должен служить (Т. И. Березина, С. В. Иванова); степень удовлетворения ожиданий различных участников процесса образования от предоставляемых образовательным учреждением образовательных услуг или степень достижения поставленных в образовании целей и задач (С. Е. Шишов, В. А. Кальней) [6, с. 54]. Вместе с тем очевидно, что в условиях рыночной экономики сложные аспекты проблем качества образования необходимо исследовать, используя богатый опыт управления качеством в сфере производства, а также концепцию международных стандартов качества ISO – 9000.

Исследование социального партнёрства как условия обеспечения качества среднего профессионального образования приобретает сегодня актуальность по целому ряду причин.

Социальное партнёрство – это система цивилизованных общественных отношений, обеспечивающая согласование и защиту интересов работников, работодателей, предпринимателей, различных социальных групп, слоев, их общественных объединений, органов государственной власти, местного самоуправления на основе договоров, соглашений, достижения консенсуса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития. Накопление и обобщение опыта социального партнёрства в профессиональном образовании заложило основы теории социального партнёрства. В педагогической науке определены основные направления и стратегии развития социального партнёрства в системе среднего профессионального образования. Отдельные аспекты социального партнёрства сейчас освещаются в работах по теории управления профессиональной подготовкой и развитием кадров и в области социализации и профессиональной адаптации студентов. Однако следует отметить, что преимущественно рассматриваются вопросы сотрудничества с вузами с производством.

Наряду с ним получили широкое распространение политическое, корпоративное, агентское партнёрство, социальный диалог. Кроме того, входит в практику так называемое некоммерческое партнёрство, реализуемое некоммерческими организациями по достижению социальных, благотворительных, культурных, обра-

зовательных, научных и управленческих целей в удовлетворении нематериальных потребностей граждан, их законных интересов, а также в сферах защиты прав, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи.

Среднее профессиональное образование, как компонент непрерывного профессионального образования является для государства одним из основополагающих факторов развития его экономики, основным источником подготовки рабочих кадров и специалистов. Через систему среднего профессионального образования реализуется важнейшая экономическая функция государства – подготовка квалифицированных специалистов.

Современный уровень производства предполагает для подготовки конкурентоспособных, быстро адаптирующихся к требованиям рынка труда рабочих применение адекватных образовательных технологий: информационных, личностно-ориентированных, модульных, основанных на компетенциях и др. Это, в свою очередь, требует кардинального изменения учебно-методического обеспечения образовательного процесса.

Данная проблема решается общими усилиями коллектива и производственных предприятий, объединённых в сообщество социальных партнёров. В научно-педагогической литературе уже накоплен определенный багаж знаний о явлении и понятии «социальное партнёрство в профессиональном образовании». Применительно к системе профессионального образования острота проблемы качества выражается в том, что существуют противоречия между качеством подготовки специалистов и современными потребностями производства. В частности, по оценке многих исследователей, качество среднего профессионального образования (СПО) не всегда соответствует этим потребностям, так как развитие СПО отстает от темпов развития современной экономики и производства, а также вследствие неразвитости социального партнёрства. Анализ представленных точек зрения позволяет нам констатировать, что «социальное партнёрство в профессиональном образовании» как педагогическое понятие характеризуется следующими признаками:

- конструктивное взаимодействие учебного заведения с субъектами рынка труда и рынка образовательных услуг;

- ориентация на удовлетворения интересов всех взаимодействующих сторон [1, с. 64].

Цели социального партнёрства у различных субъектов отличаются. Для учебного заве-

дения основная цель социального партнерства заключается в поиске дополнительных (к тем, которые заложены в государственных образовательных стандартах) возможностей для: улучшения условий (материальных, финансовых, организационных, кадровых, педагогических, социально-психологических и других) подготовки конкретного специалиста; решения вопросов приема студентов и трудоустройства выпускников: создания баз для практики студентов и др. Содержанием социального партнерства для учебного заведения в соответствии с целями являются, главным образом, обозначенные выше условия, в которых осуществляется учебно-воспитательный процесс. Формы и методы социального партнерства отличаются тем, что они строятся на договорных основах и предполагают высокую степень ответственности взаимодействующих сторон.

В инновационной практике учреждения среднего профессионального образования идут активные поиски различных форм и методов взаимовыгодного сотрудничества учебных заведений с различными субъектами социального партнерства – работодателями, органами власти на всех уровнях, и особенно, на местах, родителями, общественными организациями, студентами и др.

Эти поиски обусловлены осознанием руководителями учебных заведений того факта, что в условиях рыночного хозяйствования и острой конкуренции выжить и тем более развиваться, обеспечить подготовку конкурентоспособного специалиста учебное заведение может только при условии активного взаимодействия с субъектами внешней и внутренней среды, то есть с внешними и внутренними социальными партнерами [7, с. 15].

Волжский промышленно-технологический техникум сотрудничает с ОАО «Волжский трубный завод», реализуя модель социального партнерства, на протяжении 36 лет. За эти годы подготовлено и выпущено более 18 тыс. квалифицированных рабочих. В настоящее время при поддержке Волжского трубного завода техникум постоянно развивается и занимает лидирующее положение в регионе среди образовательных организаций профессионального образования. В июле 2014 г. первый заместитель Министра Минобрнауки России Н. В. Третьяк утвердил перечень федеральных инновационных площадок по направлению «внедрение элементов дуального обучения в образовательный процесс» на 2014–2016 гг. (Приказ Минобрнауки России № 780 от 23 июля 2014). Волгоградская область вошла в

число победителей и финалистов, принимавших участие в конкурсном отборе «пилотных» субъектов Российской Федерации, внедряющих элементы дуальной системы образования.

В утвержденном Минобрнауки России Приказе статус «Федеральная инновационная площадка» присвоен пяти образовательным учреждениям Волгоградской области, активно внедряющим элементы дуальной системы образования. Одним из них стал Волжский промышленно-технологический техникум. Волжский трубный завод как предприятие-партнер активно включился в реализацию проекта по внедрению элементов дуального образования в форме финансирования, в процесс обеспечения качественной подготовки квалифицированных рабочих для нужд предприятия посредством предоставления высокотехнологичного оборудования в период производственной практики студентов техникума.

В ходе реализации проекта «Подготовка рабочих кадров, соответствующих высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования в Волгоградской области» проведена определенная работа. Подписано Соглашение о совместной деятельности в рамках проекта между ГАПОУ «Волжский промышленно-технологический техникум» и АО «Волжский трубный завод». Создана рабочая группа из представителей техникума и предприятия. Проведены рабочие встречи по реализации задач в рамках совместной деятельности подписанного Соглашения участников проекта.

Организована работа по созданию системы профессиональных компетенций работников АО «ВТЗ» по профессиям, задействованным в проекте. Определены профессиональные компетенции, необходимые предприятию в рамках профессий. Разрабатывается система профессиональных компетенций работника предприятия, корректируется содержание программ подготовки квалифицированных рабочих по профессиям: 15.01.25 Станочник (металлообработка), 15.01.05 Сварщик (электросварочные и газосварочные работы), 22.01.03 Машинист крана металлургического производства.

Ведется работа по созданию условий осуществления образовательного процесса в части обеспечения практической подготовки на базе предприятия. Подготавливается перечень объектов материально-технической базы для реализации проекта по внедрению элементов системы дуального образования, анализируются условия прохождения производственной практики для успешного выполнения программы производ-

ственного обучения с учетом освоения профессиональных компетенций предприятия, безопасных условий труда.

Реализуются мероприятия по повышению квалификации педагогического персонала. Разработаны и внедрены программы, порядок и график стажировок педагогического персонала на АО «ВТЗ». Педагоги техникума освоили 520-часовую программу профессиональной подготовки по направлению «Обработка металлов давлением». Оплата за обучение производится за счет средств завода.

Заключаются трехсторонние договора между предприятием, техникумом и студентом по профессиям, задействованным в проекте на срок, определенный программой обучения.

Организуется и реализуется система наставничества на производственных участках при освоении программы производственной практики. Назначаются и закрепляются по распоряжению лучшие работники АО «ВТЗ» наставниками за каждым практикантом техникума, издается приказ-распоряжение в производственных цехах, определяющий закрепление наставников за обучающимися.

Разрабатываются программы профессиональных модулей, вносятся изменения в программу подготовки квалифицированных рабочих, по взаимодействию специалистов АО «ВТЗ» и ГАПОУ «ВПТТ», по определению дополнительных профессиональных компетенций и объектов профессиональной деятельности, по профессиям, задействованным в проекте и корректировка программ с учетом компетенций предприятия. Модернизируются программы подготовки квалифицированных рабочих в рамках системы компетенций работников АО «ВТЗ».

Формируются группы обучающихся по профессиям, необходимым заводу. Отбираются лучшие обучающиеся по профессиям: 15.01.25 Станочник (металлообработка), 15.01.05 Сварщик (электросварочные и газосварочные работы), 22.01.03 Машинист крана металлургического производства для прохождения производственной практики на АО «ВТЗ». Организуется работа по разъяснению условий прохождения производственной практики, гарантируется трудоустройство выпускников техникума – участников проекта. Предприятие оказывает материальную поддержку лучшим студентам.

Создается пакет регламентирующих документов, обеспечивающих реализацию программ подготовки квалифицированных рабочих в соответствии с принципом дуального образования. В перечень документов входят:

- соглашение о совместной деятельности в рамках проекта между ГАПОУ «ВПТТ» и АО «Волжский трубный завод»;

- приказы о создании рабочей группы, распределении направлений деятельности для реализации проекта;

- соглашение о взаимодействии по целевому обучению студентов на основе дуального образования;

- трехсторонний договор между предприятием, техникумом и студентом; программы производственной практики студентов с учетом системы компетенций работников предприятия;

- программы, порядок и график стажировок педагогического персонала на АО «Волжский трубный завод» и т.д.

Постоянно идет работа по сбору информационных материалов и размещению их на официальном сайте ГАПОУ «ВПТТ», в СМИ по плану-графику реализации проекта.

Благодаря реализации проекта, будет разработан инновационный механизм социального партнерства – реального участия работодателей во взаимовыгодном обмене ресурсами (материально-техническими, трудовыми, интеллектуальными, учебно-методическими, информационными, правовыми и т. д.) при подготовке рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных производств; повысится качественный уровень подготовки квалифицированных рабочих Волгоградской области; вырастет степень адаптации к современному техническому и экономическому прогрессу.

Таким образом, современный уровень развития науки и техники, а также жесткая конкуренция на рынке труда заставляют работодателей проводить переоснащение предприятий высокотехнологичными оборудованием и технологиями. Это, в свою очередь, требует от образовательных учреждений СПО более высокого качества профессиональной подготовки выпускников, так как основной целью профессионального образования является подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности; удовлетворение потребностей личности в получении соответствующего образования. Достижение современного качества образования – неперенный ком-

понент системы обеспечения качества взаимодействия с социальными партнерами – это мониторинг, осуществляемый с помощью постоянно обновляемых тестов, системы организационных форм контроля качества обучения: семинары, зачёты, контрольные работы.

Решение задачи обеспечения соответствия квалификации выпускников требованиям экономики связано, прежде всего, с развитием механизмов взаимодействия сферы образования и сферы труда при проектировании программ, оценке качества образования (освоенных компетенций), повышением гибкости в планировании и прогнозировании потребностей в кадрах, а также оперативности в формировании и обновлении программ. Развитие механизмов оценки качества образования основано на принципах открытости, объективности, прозрачности и общественно-профессионального участия. Для повышения гибкости в прогнозировании и планировании потребностей кадрах предполагается дальнейшее развитие инфраструктуры и технологий количественного и качественного прогноза актуального и перспективного спроса на квалификации для коренного улучшения системы профессионального образования, качества подготовки работников в тесной взаимосвязи с развитием фундаментальной и прикладной науки имеет определяющее значение для будущего страны.

Главным новшеством в контексте развития социального партнерства Волжского промышленно-технологического техникума и АО «Волжский трубный завод» будет создание Образовательного социально-производственного ресурсного центра, работу которого обеспечивала бы единая электронная информационно-аналитическая система. Для этого планируется разработать программу развития эффективного взаимодействия на основе выделения следующих пар: «образование – производство», «образование – наука и творчество», «образование – социум и культура», «образование – государство» и система мониторинга социального партнерства, нацеленная на повышение качества профессиональной подготовки специалистов среднего звена.

Объединение усилий социальных партнеров, развитие социальных, образовательных, научно-производственных связей в рамках Центра позволило бы: обеспечить доступность и системность информации о потенциальных возможностях и потребностях субъектов социального партнерства; сделать доступной информацию о качестве подготовки выпускников по оценкам ИГА и работодателей; осуществлять широко ре-

кламу возможностей техникума на рынке труда и в социально-культурной сфере; транслировать позитивный опыт среди учебных заведений СПО в регионе.

Библиографический список

1. *Землянский, В. В.* Дуальная система подготовки специалистов как форма интеграции профессионального образования и производства (Пензенский колледж управления и промышленных технологий им. Е. Д. Басулина [Текст] / В. В. Землянский // Интеграция образования. – 2010. – С. 3.
2. *Землянский, В. В.* Теоретические аспекты дуальной целевой подготовки специалистов [Текст] / В. В. Землянский, Я. В. Канакин // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского – 2012. – № 1 (37).
3. *Исполатова, Т. В.* Профессиональные стандарты национальных квалификаций в проекте макета ГОС третьего поколения [Текст] / Т. В. Исполатова, А. И. Кирсанова // Электронный периодический Журнал «Компьютерные учебные программы и инновации». – 2007. – № 9.
4. *Афанасьева, Т. П.* Методические рекомендации по разработке и реализации на основе деятельностно-компетентностного подхода образовательных программ СПО, ориентированных на ФГОС третьего поколения [Текст] / Т. П. Афанасьева, Е. В. Караваева, А. Ш. Канукоева, В. С. Лазарев, Т. В. Немова. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 96 с.
5. *Чугаев, К. А.* Объективный анализ рынка труда в регионе – залог социальной и экономической эффективности профессиональной карьеры личности будущего выпускника [Текст] / К. А. Чугаев // Проблемы занятости молодежи Новосибирской области и пути их решения: тезисы доклада областного научно-практического семинара. – Новосибирск: Департамент ФГСЗН по НСО, 2001.
6. *Чугаев, К. А.* Экономические аспекты социального партнёрства в профессиональном образовании [Текст] / К. А. Чугаев // Технологическое образование (проблемы и перспективы развития): сб. трудов Всероссийской научно-практической конференции 15–20 октября 2001. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001.
7. *Чугаев, К. А.* Социальное партнёрство – необходимое условие успешности современного профессионального образования [Текст] / К. А. Чугаев // Школа и педагогическая мысль Сибири: история и современность. (К 100-летию Ф. Ф. Шамахова): сб. статей межвузовской научно-практической конференции (19–21 октября

2000 г.). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. – С. 141–143.

8. Яровенко, В. Дуальная система профессионального образования [Электронный ресурс].

– Режим доступа: <http://nok3yanao.ru/blog-/entry/dualnaya-sistema-professionalnogo-obrazovaniya-germanii> (дата обращения: 17.09.2014).

УДК 352.075

ББК 67.400.7

ТЕОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

О. С. Дудина

Аннотация. В статье рассматриваются теории становления и развития местного самоуправления как института публично-правового управления. Исследованы основные теории: «свободной общины»; хозяйственная и общественная; государственная.

Также проанализированы взгляды ученых-основоположников данных теорий о развитии местного самоуправления. Автор приходит к выводу, что не одна из теорий в полной мере не была реализована в российской правовой системе. Однако некоторые принципы теорий все же содержались в законодательных актах.

Ключевые слова: управление, местное самоуправление, развитие местного самоуправления, теория «свободной общины», хозяйственная и общественная теория, государственная теория.

THE THEORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

O. S. Dudina

Abstract. The article discusses the theory of the formation and development of local self-government as an institution of public law administration. The basic theory: "free community"; economic and social; state. Also analyzed the views of scientists-the founders of these theories on the development of local self-government. The author comes to the conclusion that no one theory fully has not been implemented in the Russian legal system. However, some of the principles theories still contained in the legislative acts.

Key words: management, local governance, local government development, the theory of "free communities", economic and social theory, state theory.

В науке не сложилось единого мнения на предмет того, когда и как зародилось местное самоуправление в мире и непосредственно в Российском государстве. По этому вопросу ведутся многочисленные дискуссии. Стоит отметить, что вопрос местного самоуправления не только в Российском государстве, но и в иных странах мира всегда находился, находится, и, скорее всего, будет еще долгое время находиться в центре политической жизни общества.

Становлению и развитию местного самоуправления в тех или иных государствах сопутствовала разработка определенных теоретических концепций относительно природы местного самоуправления. В основе существующих научных воззрений лежит вопрос о соотношении предметов ведения и полномочий (компетенции) муниципалитетов и государства.

Теории о местном самоуправлении начали складываться в XIX в. на основании различных исследований авторов и их научных взглядов.

Формулируя ту или иную теорию, их создатели спешили отразить взаимоотношения личности и государства, отношения местных и центральных органов власти, а также историческую причину формирования института местного самоуправления.

Авторами основных теорий о местном самоуправлении становились как зарубежные, так и российские ученые. Так, среди зарубежных ученых большой вклад внесли Токвиль, Гнейтс, Штейн и иные зарубежные мыслители и историки. Российской науке, непосредственно изучающей местную структуру власти, известны такие имена, как А. В. Васильчиков, В. П. Безобразов, Н. И. Лазаревский, Г. С. Михайлов и другие.

Ученые использовали не только различные подходы к обоснованию теорий, но по-разному подходили к вопросу о количестве реально действующих теорий о местном самоуправлении. Так, у российских ученых, в частности Н. И. Лазаревского, Г. С. Михайлова, В. И. Фадеева, бы-

ли различны мнения по поводу числа теорий о местном самоуправлении.

Н. И. Лазаревский утверждал, что существует всего четыре основные теории о местном самоуправлении. К ним относятся: теория «свободной общины»; хозяйственная и общественная; самоуправляющаяся единица, как юридическое лицо; политические [6, с. 163].

Г. С. Михайлов, напротив, склонялся к выводу о том, что основных теорий всего три: хозяйственная и общественная; государственная; политическая [9, с. 140].

Кардинально противоположно смотрел на количество теорий В. И. Фадеев, высказывая мнение о том, что их существует целых пять: теория свободной общины; общественная теория; государственная теория самоуправления; теория дуализма местного самоуправления; теория социального обслуживания [10, с. 168].

Одной из значимых в истории является теория «свободной общины». По мнению ее иностранных основоположников – Гербера, Аренса, Мейера и их последователей, местное самоуправление есть совокупность признаков, предполагающих управление собственными делами общины, признание членов общины носителями, субъектами совокупности прав, а должностных лиц – органами общинной власти, обширного управления. Исходя из этого, авторы заключали, что суть существования местного самоуправления сводится к тому, что население не имеет отношения к власти государственной, а, напротив, обладает тем набором прав, которые позволяют делать жизнь населения в определенной местности независимой. Одним из основных является изначально принадлежащее населению право заведования местными делами. Отсюда – создатели теории так же признавали наличие, наравне с тремя видами власти, четвертой – муниципальной [12, с. 444].

Ярким представителем и последователем теории «свободной общины» является Н. И. Лазаревский. Высказывая мнение относительно рассматриваемой теории, Н. И. Лазаревский отмечал: «Община исторически старше государства и, признавая данный факт, можно было говорить об общине как естественном, необходимом союзе, который создан не государством, который является для государства неприкосновенным» [6, с. 165]. Учитывая тот факт, что данная теория просуществовала с начала XIX в. и до конца, она оказалась для многих мыслителей будущего очень абстрактной и даже утопичной.

На наш взгляд, рассматриваемая теория не получила дальнейшего развития по нескольким

причинам. Во-первых, она являлась достаточно уязвимой, так как не была проведена граница вмешательства государственного центра в систему хозяйственного ведения. Несмотря на то, что государство не создавало общины, а признавало их, все же общинным имуществом в начале XIX в. заведовали чиновники государственной власти.

Иная причина заключалась в трудной доказуемости неприкосновенности прав таких общин. Сложно представить, например, ситуацию, при которой можно было бы сказать, что территориальные самоуправляющиеся единицы, а также российские федеративные единицы (регионы, области и т.д.) обладают естественными правами на управление местными делами и никак не зависят от государственных структур. В связи с этим данная теория не смогла лечь в основу современного института местного самоуправления. Однако некоторые попытки к ее утверждению все же были сделаны.

Так, бельгийская Конституция 1831 г. долгое время оставалась тем законодательным документом, в основу которого были положены принципы теории «свободной общины». Это единственный документ, который на высоком законодательном уровне регулировал жизнь общин и общинное управление. Кроме того, теория «свободной общины» имеет рациональное зерно для современных исследований сущности местного самоуправления, поскольку глубинная суть теории заключается в признании наличия традиций в местном самоуправлении как основного условия успешного развития и функционирования системы местного самоуправления. В связи с этим все изучения, которые касаются истории развития и становления института местного самоуправления должны строиться на глубинном изучении исторического опыта каждой конкретной местности.

В виду очевидной и обоснованной российскими авторами несостоятельности теории «свободной общины» на ее смену пришла «хозяйственная» теория.

«Хозяйственная» теория в некоторой степени переплеталась с теорией «свободной общины», например, в той части, которая отвечала за противопоставление государства и общества. Однако основной ее упор делался на то, что самоуправление есть самостоятельное заведование хозяйственными, а равно местными делами общины. По мнению сторонников этой теории, такие хозяйственные дела должны были быть безразличны государству и в связи с этим местные общины должны были самостоятельно их реали-

зовывать. Однако сторонники этой теории не учли тот факт, что государство не могло полностью быть отстранено от хозяйственных дел и лишено возможности влиять на них. В частности, властные государственные структуры могут участвовать в делах, связанных с экологической обстановкой, противопожарной безопасностью, социальной поддержкой.

Главным минусом «хозяйственной» теории является то, что ее сторонники так и не смогли провести грань между общественными делами и делами местного хозяйствования.

Попытку разграничения общественных дел государственного характера и дел общинных, а равно и местных, реализовывали сторонники следующей теории – «общественной», которая была более воспринята российскими учеными. По своей сути «хозяйственная» теория являлась неким направлением «общественной» теории. Суть теории заключается в том, что самоуправление воспринимается через полное обособление местных органов власти от государственных. Противопоставление местного общества государственным структурам есть главная идея рассматриваемой теории. Согласно «общественной» теории дела общины никак не должны касаться государства, оно, в свою очередь, должно ведать своими, государственными делами.

Российский дореволюционный государствовед Н. М. Коркунов характеризовал сущность самоуправления через рассматриваемую теорию. По его мнению, местное сообщество должно само ведать делами местными, а государство должно само ведать делами государственными [5, с. 202].

Сторонниками теории неоднократно реализовывались попытки составить список дел местного, а также государственного масштаба, но это оказалось достаточно сложно. Обозначить те полномочия, которыми бы обладали только местные органы, которые бы не реализовали государственные, крайне проблематично. Данный факт подтверждается словами В. В. Рудого и В. Г. Игнатова: «На практике оказалось довольно сложно разграничить дела общинные (местные) и дела государственные, порученные для исполнения общинам. Например, дорожное строительство, местные налоги, охрана общественного порядка, заведование образованием, культурой, здравоохранением и т.п. не могут считаться чисто общественными делами и противостоять делам государственным» [4, с. 27].

В виду обоснованных выше причин рассматриваемая теория и ее направления просуществовали недолго. Попытки реализовать в России

«общественную» теорию длились несколько десятков лет. Следует отметить, что земская и городская реформа находились под большим влиянием данной теории. Кроме того, в 1864 г. принципы «хозяйственной», а также «общественной» теории нашли свое отражение в «Положении о губернских и уездных земских учреждениях». Суть теории проявилась в действии земских учреждений, поскольку они были признаны общественными, существенным направлением их деятельности являлась реализация хозяйственных задач.

Широкая критика «общественной» теории явилась причиной разработки новой теории – государственной теории самоуправления. Ее основные идеи были сформулированы в XIX в. немецкими учеными Р. Гнейстом и Л. Штейном. В России она также стала интересной. Широкому распространению этой теории способствовали известные ученые, такие как В. П. Безобразов [1] и А. Д. Градовский [3].

Основная идея теории заключалась в признании местного самоуправления частью государственного управления. Иными словами, местное самоуправление воспринималось как организация части государственного управления на определенной местности, на местах.

Такое местное самоуправление, по мнению авторов государственной теории, должно было обладать автономией в решении местных вопросов. Значимым условием поддержания принципов рассматриваемой теории было утверждение местного самоуправления не в руках государственных чиновников, а непосредственно в руках местного населения, его представителей. Однако представительные органы власти на местах должны были подчиняться указам вышестоящих органов власти. Государственная концепция делала акцент на том, что учреждения самоуправления обязательно должны действовать и в интересах общества, и в интересах государственных структур власти.

Отсюда – можно говорить о том, что авторы рассматриваемой теории считают, что местное самоуправление имеет своим источником государственную власть. Отличительной особенностью государственной теории от иных ранее выдвигаемых концепций о местном самоуправлении было то, что ее представители видели в ее реализации устройство нормальных отношений между общественными структурами и государством и пропагандировали соотнесение государственных дел и дел местного общественного характера.

Государственная теория в качестве идеологической основы была использована в Городовом положении 1892 г., которое усиливало развитие государственной теории в силу того, что содержало в себе положения, утверждающие подчинение общественных учреждений административному аппарату. Городовым положением была изменена ранее существовавшая структура выборов. Однако правительственные структуры отдавали себе отчет в том, что не все их функции осуществимы в рамках реализации их на местах. В силу действия данного факта Городовым положением было установлено несколько положений, регламентирующих осуществление функций на местах. Так, например, весь комплекс вопросов, которыми городские думы занимались ранее, был за ними сохранен. Н. С. Бойко отмечает, что, несмотря на все поддержание Городским положением 1892 г. государственной теории самоуправления, оно не внесло кардинальных изменений в систему городского хозяйства [2, с. 23].

Вместе с тем государственная теория не потеряла своей актуальности. В дальнейшем, как отмечал В. В. Леонтович, именно «государственная» теория местного самоуправления в ее дуалистической версии становится уже к началу XX столетия господствующей в мировой политико-правовой мысли [7, с. 313]. На сегодняшний день она также лежит в основе муниципальных систем многих стран мира. Однако российская система местного самоуправления, находясь на сегодняшнем этапе своего развития, последовала иной теории местного самоуправления. Под воздействием ряда причин, преимущественно идеологического характера, Конституцией 1993 г. было утверждено, что органы местного самоуправления не входят в государственную систему управления. В частности, об этом упоминает ст. 12 Конституции РФ. В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [11, с. 13].

В силу конституционных положений и действующих принципов осуществления местного самоуправления можно говорить, что в правовом отношении Россия в конце прошлого века сделала выбор в пользу «общественной» теории местного самоуправления. При этом выбрав ее самый радикальный вариант. Большинство стран мира отошли от воздействия данной теории, но не Россия. Многие ученые до сих пор видят опасность в рассматриваемом конституционном

положении. Так, например Н. П. Шмелев, выступая на Конституционном совещании, отмечал, что отделить местную систему управления от государственной нереально. Более того, в его мыслях это вызвало большое непонимание. Многие тогда были озадачены вопросами: «Как должна дальше развиваться система местного самоуправления? Это разве реально?»

Вопреки всем опасениям сегодняшняя система местного самоуправления больше отвечает принципам «государственной» теории, независимо от действия выше описываемого положения Конституции Российской Федерации.

На сегодняшний день сложилась довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, органы местного самоуправления отделены от государственной системы, они рассматриваются политологами, историками, государственными управляющими как два абсолютно разных института. С другой стороны, сегодня, как и ранее, происходит большое увеличение функций у местных органов власти, которые непосредственно передает им власть верховная – государственная.

Как отмечает О. Г. Мануйлов: «... де-факто происходит резкое усиление государственной составляющей местного самоуправления и, соответственно, ослабление (фактически, сведение к нулю) его общественной составляющей, сокращение его собственных возможностей и реальной местной автономии. Именно с этим противоречием связаны многие современные проблемы российского местного самоуправления» [8, с. 15].

Для выхода из сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимо признание общественно-государственной природы российского самоуправления, четкое разграничение функций, полномочий, а также ответственности между муниципальными органами власти и государственными структурами. Предполагается также унификация законодательства, регулирующая деятельность местных органов власти в области допущения существования органов государственного местного управления и органов местного самоуправления на одной территории.

В результате можно признать, что не одна из теорий в полной мере не была использована российской правовой системой. Однако отдельные принципы теорий все же содержались в законодательных актах страны в разные времена, но быстро теряли свою актуальность в виду неполной разработанности взглядов на местное самоуправление, а также в результате того, что теорий о местном самоуправлении было доста-

точно много, делались попытки найти основную для России.

Библиографический список

1. *Безобразов, В. П.* Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть [Текст] / В. П. Безобразов. – СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1882. – 737 с.
2. *Бойко, Н. С.* Реализация «государственной» теории самоуправления в период действия городского положения 1892 г. [Текст] / Н. С. Бойко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 3 (9): в 3-х ч. – Ч. II.
3. *Градовский, А. Д.* Политика, история и администрация [Текст] / А. Д. Градовский. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа 1871. – 526 с.
4. *Игнатов, В. Г., Рудой, В. В.* Местное самоуправление [Текст] / В. Г. Игнатов, В. В. Рудой. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2003. – 384 с.
5. *Коркунов, Н. М.* Русское государственное право: введение и общая часть [Текст] / Н. М. Коркунов. – М.: Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1901. – 612 с.

6. *Лазаревский, Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Том 1 [Текст] / Н. И. Лазаревский. – М.: Типография СПб. Акц. Общ. «Слово», 1908. – 518 с.
7. *Леонтович, В. В.* История либерализма в России. 1762–1914 [Текст] / В. В. Леонтович. – М.: Русский путь, 1995. – 444 с.
8. *Мануйлов, О. Г.* «Государственная» теория местного самоуправления в российской политико-правовой мысли конца XIX – начала XX вв. и современная практика [Текст] / О. Г. Мануйлов // Актуальные вопросы общественных наук. – 2014. – № 4.
9. *Михайлов, Г. С.* Местное советское управление [Текст] / Г. С. Михайлов. – М.: Изд-во Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1927. – 514 с.
10. *Фадеев, В. И.* Муниципальное право России [Текст] / В. И. Фадеев. – М.: Юрист, 1994. – 351 с.
11. *Шмелев, Н. П.* Конституционное совещание: Информационный бюллетень [Текст] / Н. П. Шмелев. – М., 1993. – 382 с.
12. *Шугрина, Е. С.* Муниципальное право [Текст] / Е. С. Шугрина. – М.: Изд-во «Прспект», 2004. – 672 с.

УДК 316
ББК 60.82

**ВЛИЯНИЕ КАДРОВЫХ ПРОБЛЕМ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УФК ПО ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

М. В. Зоткина

Аннотация. В статье исследуется проблема эффективности государственного управления на основе правильно организованной кадровой политики. На примере УФК по Волгоградской области раскрывается специфика системы управления персоналом в рамках государственной службы, выделяются и анализируются конкретные кадровые проблемы. Особое внимание уделено «текучести» кадров, ее теоретическому определению и практическому описанию с точки зрения деятельности Управления. Автором сделан вывод о том, что текучесть кадров является следствием, а не основной причиной сложностей в организации эффективного управления, а также предложены соответствующие меры по оптимизации деятельности УФК по Волгоградской области.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность, текучесть кадров, персонал, кадровая политика.

**HOW DO RECRUITMENT PROBLEMS INFLUENCE
THE MANAGEMENT EFFICIENCY? (FOR EXAMPLE OF THE FEDERAL TREASURY
VOLGOGRAD BRANCH)**

M. V. Zotkina

Abstract. The problem of the public administration efficiency based on the well-organized recruitment policy is researched in the article. The main features of HR management system and specific personnel problems are highlighted and analyzed on the example of the Federal Treasury Volgograd branch. Emphasis has been put on the staff turnover, its theoretical definition and practical description on the terms of the Federal Treasury. The author concluded that staff

turnover is a consequence (not the main reason) for difficulties in the management system and offered the ways of improvement.

Key words: public administration, efficiency, staff turnover, recruitment policy.

Понятие «управление» имеет множество трактовок, но большая их часть сводится к пониманию управления как направленного процесса воздействия различных сил, способных привести к изменению текущего состояния их взаимодействия [2, с. 21].

Государственное управление в этом смысле представляет собой результативную деятельность всех органов государства по реализации возложенных на них полномочий.

Важно помнить, что структура органов государственной власти строго иерархизирована, специализирована и построена по бюрократической модели. Первая теория профессиональных управленцев в государственной сфере была выдвинута М. Вебером. Под базу функциональной структуры организации управлением была подведена «рационализированная» бюрократия, безотносительно к типу и функциональной нагрузке организации. Рациональность этой бюрократии столь велика, что она не имеет собственных интересов, её цели совпадают с целями организации, и она обладает следующими характеристиками [6, с. 48].

1. Четкое разделение труда, что приводит к появлению высококвалифицированных специалистов в каждой должности.

2. Иерархичность уровней управления, при которой каждый нижестоящий уровень контролируется вышестоящим и подчиняется ему.

3. Наличие взаимоувязанной системы обобщённых формальных правил и стандартов, обеспечивающих однородность выполнения сотрудниками своих обязанностей и скоординированность различных задач.

4. Дух формальной обезличенности, с которым официальные лица выполняют свои должностные обязанности.

5. Осуществление найма на работу в строгом соответствии с техническими квалификационными требованиями. Защищённость служащих от произвольных увольнений.

Из этого следует важный вывод: эффективность государственного управления определяется возможностями органов государственной власти реагировать на факторы воздействия внешней среды, сохраняя при этом стабильность и устойчивость политической системы.

В результате эффективность государственного управления в данной ситуации определяется исключительно с позиций рационализации

государственного управления, достигаемого за счёт специализации квалифицированного управленческого аппарата и формального разделения обязанностей. Эффективность управления и государственного управления, в частности, в этой модели оказывается внутренней заложницей системы, то есть именно отлаженная структура управления должна дать гарантии эффективности.

Эффективность выполнения государственных функций Управления Федерального Казначейства по Волгоградской области напрямую связана со слаженностью и качеством работы его персонала, другими словами, государственных служащих. В рамках проведенного анализа работы УФК были выделены основные проблемы, характерные как для всего блока государственной службы в России, так и, в частности, применительно только к ее региональному уровню.

Трудовая сфера государственной службы имеет ряд специфических особенностей:

- по своему содержанию трудовая деятельность госслужащих направлена на реализацию общенациональных интересов, на всемерное укрепление и развитие общественного и государственного строя;

- высокая степень ответственности должностных лиц за принимаемые решения, их осуществление, результаты и последствия;

- жесткая нормативная регламентация управления и трудовой дисциплины;

- задействование интеллектуального, а также творческого потенциала для решения управленческих задач. При этом уровень оплаты труда государственных служащих значительно ниже, чем в коммерческих структурах, а дополнительные социальные гарантии не в полной мере компенсируют сложность и значимость их деятельности.

Все эти особенности влияют на работу персонала и определяют возможности для его эффективного управления.

Одной из первых кадровых проблем, выявленных в системе управления персоналом УФК по Волгоградской области, стала проблема текучести кадров.

Тема текучести персонала имеет место во всех сферах трудовой занятости, но в области государственной службы, специфичной по своей природе, она особенно актуальна. Для понимания данной значимости сначала разберем понятие и сущность «текучести кадров».

В широком смысле текучесть кадров – это движение рабочей силы. Большинство авторов исходят из деления текучести на такие виды, как внешняя (между организациями или отраслями), внутриорганизационная, физическая, скрытая и естественная, последняя имеет конкретное измерение в 3–5 % в год. Естественную текучесть еще называют «нормальной», так как в целом она только способствует своевременному обновлению коллектива и не требует особых мер со стороны руководства и кадровой службы.

По мнению А. В. Скавитина, этот процесс происходит непрерывно: часть работников уходит на пенсию, часть увольняется по различным причинам, на их место приходят новые сотрудники – в таком режиме живет каждая организация [12].

Физическая текучесть определяют именно те кадры, которые покидают организацию в силу увольнения, а скрытая или психологическая текучесть кадров возникает, когда сотрудники внешне не покидают компанию, но фактически уходят из нее и выключаются из организационной деятельности.

Текучесть кадров можно также классифицировать с учетом должности и периода работы сотрудника. Особым образом рассмотрим угрозу «текучки» управленческого персонала, уже имеющего достаточный опыт работы. Так, например, в связи с частой сменой руководителя возможен не только временный застой и низкие показатели работы, но и волновой эффект – увольнения его подчиненных, которые могут уйти вслед за ним.

По мнению О. И. Долгополова, поступая на государственную службу, человек практически с первого дня своей работы одновременно начинает познавать (изучать) азы профессии (учиться на своих ошибках, фактически заново «изобретать велосипед») и выполнять служебные обязанности [4, с. 54]. Даже если человек приходит уже с опытом работы в государственных структурах, все равно первые два года он изучает особенности своей профессии. Естественно, при этом допускаются ошибки. Последствия таких ошибок зависят от должности, которую он замещает.

После двух лет работы госслужащий начинает достаточно свободно ориентироваться в своих служебных обязанностях, и процент допущенных ошибок снижается. Если он свое развитие совершенствует, то в последующие два-три года идет уверенный рост его профессиональных возможностей [4, с. 57].

Также для некоторых организаций настоящей проблемой может стать увольнение нового

персонала в случае, если новый сотрудник уволился прежде, чем отработал средства, которые были вложены в него. Сразу отметим, что для УФК по Волгоградской области два последних вида «текучки» не являются свойственными.

В узком понимании текучесть кадров – это показатель, который отражает изменения состава работников организации вследствие увольнения и перехода на другую работу по личным мотивам. Главная причина текучести – это неудовлетворенность работниками своим положением, которая возникает по различным основаниям. В первую очередь, когда в повседневной жизни появляется тема движения рабочей силы, тут же возникает речь о размере заработной платы, который в связи с современным кризисным состоянием отечественной и мировой экономики и нестабильностью рынка труда становится важнейшим вопросом для сотрудников. Однако отметим, что согласно теории мотивации специалиста в области управления человеческими ресурсами Ф. Герцберга, изучавшего множество факторов, которые влияют на мотивацию сотрудников, заработная плата не относится к мотивирующему фактору, а является фактором, удерживающим на работе. Следовательно, на практике заработная плата не становится прямой или единственной причиной увольнения или перехода сотрудника в другую профессиональную сферу.

Для того, чтобы разобраться в кадровых проблемах УФК по Волгоградской области, автором был проведен анализ системы управления персоналом Управления. Для начала охарактеризуем половозрастную структуру УФК по Волгоградской области. Всего именно в Управлении работает 206 чел., которые распределены по 20 структурным подразделениям (отделам). С учетом 37 территориальных отделов (261 чел.) общее число сотрудников УФК по Волгоградской области составляет 467 чел. (данные на 11 ноября 2016 г.). Количество женщин в 2,5 раза больше, чем количество мужчин, однако в ряде отделов работают преимущественно мужчины: отдел режима секретности и безопасности информации, отдел информационных систем, отдел мобилизационной подготовки и гражданской обороны, административный отдел.

При этом в структуре непосредственного руководства Управления также преобладает число женщин-руководителей (18 к 8). Что касается возраста, то на руководящих должностях трудятся люди среднего возраста (до 40 лет), на всех остальных либо люди пожилого возраста, либо молодежь. Более четко и подробно возрастная структура представлена в таблице 1.

Таблица 1

Возрастная структура персонала (в % к численности)*

Возраст	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Моложе 18 лет	0 %	0 %	0 %	0 %
До 25 лет	10 %	30 %	34 %	38 %
До 30 лет	30 %	30 %	40 %	34 %
До 40 лет	10 %	10 %	10 %	10 %
До 50 лет	10 %	10%	16 %	18%

* Составлено автором на основе изучения кадрового состава УФК по Волгоградской области

Помимо включенного наблюдения и анализа документов в ходе сбора информации был использован и такой метод, как анкетный опрос. Первый вопрос, заданным сотрудникам УФК, касался как раз-таки уровня заработных плат и понятия стабильности самой государственной службы в их личном понимании.

На настоящий момент ситуация складывается следующим образом: заработная плата устраивает начальников отделов, заместителей начальников отделов, заместителей руководителя, то есть представителей сферы топ-менеджмента. В ходе исследования было выявлено, что изменение уровня зарплат произошло в начале 2015 г. и продолжается до сих пор, имея тенденцию на уменьшение. При этом данный вектор снижения, по мнению сотрудников, касается только заработных плат рядовых специалистов (специалист 1-го разряда, инспектор-делопроизводитель, старший инспектор-делопроизводитель, старший специалист 1-го разряда, специалист-эксперт, главный специалист-эксперт, ведущий специалист-эксперт). По сравнению с 2014 г. заработная плата в ноябре 2016 г. уменьшилась на 40 %.

Однако, несмотря на такой весомый фактор, люди остаются работать в Управлении. Среди основных причин, удерживающих на рабочем месте, были названы престиж должности государственного гражданского служащего и работы в системе Казначейства, в частности, система отпусков (не 28 дней, а от 38 и выше) и слаженный коллектив. Территориальная расположенность Управления (УФК по Волгоградской области располагается в Центральном районе города по ул. Коммунистическая, д. 28-а) либо не является важным фактором, либо, напротив, отрицательно влияет на движение рабочей силы. Так, по итогам интервью с работником УФК, уволившимся в августе 2016 г., «проезд в Центральный район из Кировского с учетом понижения заработной платы стал не просто невыгодным, а скорее накладным моментом, который и опреде-

лил положительное решение об уходе из Казначейства».

Таким образом, стабильность государственной службы, которая воспринимается как устойчивость служебного положения и достаточные гарантии против произвольных действий, затрагивающих их профессиональное положение или карьеру, становится основным мотивирующим фактором для сохранения кадрового состава.

На настоящий момент текучесть кадров в УФК по Волгоградской области превышает показатель естественности (3–5 % в год), достигая уровня 6 %. По данным опроса сотрудников, сегодня на местах держит «кризис в экономике», «предпенсионный возраст», «возможность получить опыт работы» – для молодежи, пришедшей в Управление после окончания вуза.

О большом росте числа увольнений свидетельствует и анализ внутренней документации, как работник Канцелярии Управления автор отметил следующие аспекты: 1) с марта 2015 г. усилился отток кадров, тем самым увеличилось количество поданных заявлений об увольнении; 2) промежуток между поступлением и увольнением у ряда принятых специалистов составил период от одного до трех месяцев; 3) увеличение числа увольнений именно в территориальных отделах. Бесспорно, смена кадров – нормальное явление. Отсутствие движения свидетельствует о застое. В то же время, если рассматривать работу на государственной службе, то высокий уровень текучести кадров – важнейший индикатор неблагополучия и неэффективности управления.

Отметим, что при увольнении сотрудников их обязанности делятся между оставшимися работниками, за что им доплачивают по 1000 рублей. Тем самым на лицо еще одна причина увеличения недовольства сотрудников своим положением – это увеличение объема работы, разнообразие должностных обязанностей, что требует дополнительных временных и интеллектуальных затрат на разбор того, как, собственно, исполнять

эти служебные обязанности. Следующая проблема, плавно вытекающая из проблемы текучести кадров, – это ритм труда и его напряженность. Так как в связи с увольнениями объем работы для оставшихся работников увеличивается, то говорить о монотонности труда как однообразном повторении рабочих операций не приходится. Однако наличие дополнительных рабочих функций при наличии и так высокой интенсивности труда, отмеченной в УФК по Волгоградской области, усложняет и негативно влияет на мотивацию большинства работников.

Казалось бы, одним из источников решения вопроса текучести и уменьшения объема работы является кадровый резерв, однако в начале 2016 г. в УФК по Волгоградской области был спущен приказ Федерального Казначейства, целью которого стал временный запрет приема на работу новых сотрудников. Приказ является действующим по настоящее время (январь 2017 г.).

Что касается работы кадровой службы Управления, то она, как правило, не проводит собеседований и не осуществляют какие-либо действия по дополнительным источникам поиска и подбора персонала. Прием и наем новых сотрудников происходит по стандартной процедуре: претендент приходит по объявлению о вакансии, расположенном на официальном сайте УФК по Волгоградской области или специализированных сайтах по поиску работы. Приоритетную роль в вопросе подбора кадров играют сами начальники отделов, собственно, и формирующие коллектив подчиненных.

Так как для решения вопроса с текучестью кадров необходимо бороться именно с причинами, а не симптомами, автор обратил внимание на анализ следующих основных блоков системы управления как возможных областей, способных решить возникшую проблему. Первый блок – это кадровая политика, цель была – рассмотреть, как она осуществляется в УФК по Волгоградской области.

Итак, кадровая политика – это целенаправленная деятельность по созданию трудового коллектива, который наилучшим образом способствовал бы совмещению целей и приоритетов предприятия и его работников. Главным объектом кадровой политики предприятия является персонал (кадры). Направления кадровой политики совпадают с направлениями кадровой работы в конкретной организации. Другими словами, направления кадровой политики конкретной организации соответствуют функциям системы управления персоналом, действующей в этой организации. Если такие направления кадровой

политики, как подбор и расстановка кадров, формирование и подготовка резерва для замещения должностей, оценка и аттестация персонала, регулируются положениями Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ, то развитие персонала – именно та среда, в которой возможно найти специфику УФК по Волгоградской области в сравнении с остальными сферами государственного управления.

Развитие персонала в любой организации основано на трех принципах:

- повышения квалификации;
- самовыражения;
- саморазвития.

Первый принцип реализуется через систему переподготовки и повышения квалификации: в структуре Управления существует Пилотный центр, проводящий в основной массе курсы по секретной информации. В конце обучения сотрудники пишут тесты, по результатам которых получают соответствующие удостоверения.

Принцип самовыражения находит свое отражение в формировании корпоративной культуры. Корпоративная культура – совокупность моделей поведения, которые приобретены организацией в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, показавших свою эффективность и разделяемых большинством членов организации. Одним из компонентов корпоративной культуры является действующая система коммуникации, которая формируется за счет корпоративных мероприятий.

Развитием неформальных коммуникаций занимается профсоюзная организация УФК по Волгоградской области. Список корпоративных мероприятий формируется из: выездов на природу (1 в весенний и 1 в осенний периоды) или турбазу, дополнительных выплат к праздникам – Международный женский день (8 марта) и День защитника отечества (23 февраля) – в размере 1000 руб., а также организации фуршета и посещения театрального выступления. Помимо этого обязательным мероприятием является поздравление детей сотрудников с новогодними праздниками (организация утренника в актовом зале Управления с поздравлением Деда Мороза и Снегурочки). Для всех сотрудников Управления профсоюз организует небольшие подарочные наборы, а также устраивает «корпоратив» в ресторане города, который приурочен не только к празднованию Нового года, но и Дню основания системы Казначейства РФ.

Относительно лояльности персонала Управления к корпоративным мероприятиям ав-

тором был выявлен следующий момент: по мере уменьшения заработных плат любые мероприятия, которые сопровождались дополнительными вложениями, посещались все меньшим числом сотрудников.

По остальным возможным причинам текучести персонала – плохая адаптация персонала, плохие или недостаточно комфортные условия труда, неудовлетворенность руководством и отсутствие карьерного роста – автором не было выявлено проблем в области системы управления УФК по Волгоградской области.

Так как текучесть кадров – это результат низкой мотивации или ее отсутствия в отношении желания занимать ту или иную должность, можно сделать вывод, что в сфере государственной службы сложно говорить о материальной мотивации, ведь заработная плата большего числа госслужащих строго регламентирована и претерпевает на себе влияние общей социально-экономической обстановки. Таким образом, немонетарные методы: профессиональный рост, дополнительные гарантии и компенсации, социальные льготы – становятся самыми существенными мотивирующими факторами.

Также автором была выставлена гипотеза о наличии третьей проблемы – сложности с подбором профессионалов с соответствующим образованием и высокой квалификацией, однако гипотеза не нашла своего подтверждения в ходе анализа кадрового состава по признаку имеющегося образования. Все сотрудники либо уже имеют, либо получают высшее образование в вузах Волгограда и других регионов.

В итоге, несмотря на явные позитивные тенденции в кадровой работе, которые приобрели достаточно устойчивый характер, сохраняется немало проблем негативного порядка. К наиболее существенным из них автор относит следующие:

- слабая сочлененность теории и практики кадровой работы, отрыв и довольно большое дистанцирование их друг от друга;
- отсутствие банка позитивного опыта и передовых, апробированных практикой кадровых технологий;
- слабая эффективность работы с кадровым резервом на государственной гражданской службе;
- недостаточная мотивация к профессиональному развитию;
- неполнота и ограниченность представлений о госслужащих с позиций их человеческого потенциала;
- отсутствие научно обоснованных критериев оценки результативности деятельности.

Вместе с тем анализ кадровых проблем в УФК по Волгоградской области выявил, что наиболее «чувствительным» показателем системы управления персоналом, демонстрирующим сложность в области кадровой работы в Управлении, стал уровень текучести кадров.

На данный показатель влияют различные факторы, возникающие как в самом государственном органе – величина заработной платы, условия труда, так и внешние по отношению к организации факторы (например, семейные обстоятельства), а также возраст работников и опыт работы.

Текучесть кадров связана, прежде всего, с субъективными причинами (уход по собственному желанию, увольнение за нарушение трудовой дисциплины), однако сам факт ее наличия в пределах, превышающих допустимые (3–5 % в год), свидетельствует о необходимости принятия соответствующих корректирующих мер. Ведь помимо наличия превышения нормы текучести кадров в Управлении отмечены следующие тенденции:

- ухудшается профессиональный состав государственных служащих в связи с низкой средней заработной платой и её существенной дифференциацией по государственным органам и категориям должностей;
- усиливается дефицит служащих в возрасте до 45 лет, имеющих опыт работы в современных экономических условиях;
- сохраняется преобладание государственных служащих с непрофильным образованием. Дело в том, что многие государственные служащие в Управлении, по сути дела, работают не по специальности. Люди с техническим образованием составляют 25 %-ю прослойку служащих, располагают, как правило, недостаточно богатым опытом решения как социальных, так и организационно-технических и аналитических задач. Требуется существенного развития профессиональный потенциал группы госслужащих, занимающих младшие должности, особенно в части документооборота, протокола, правовой и организационной культуры.

Анализ деятельности УФК по Волгоградской области позволил выделить ряд проблем и наметить пути их решения. К негативным моментам в области работы с персоналом Управления относится проблема текучести кадров. По мнению автора, «текучка» – это не первоисточник проблем организации, а, напротив, – их следствие, которое только усиливает имеющиеся негативные тенденции. При рассмотрении вопроса о текучести кадров берется во внимание

только повышенная текучесть кадров, которая превышает 5 % в год. Ведь такая текучесть не имеет положительных черт: новаторство не успевает привиться в организации, которая только тратит ресурсы на подбор и обучение персонала.

Что касается УФК по Волгоградской области, то существование текучести объясняется большими объемами бумажной работы, с которой не все могут справиться. Специалисты заняты составлением отчетности, прогнозов, работой с письмами и обращениями. Не каждый амбициозный человек, имеющий на руках востребованную специальность, выдержит такую рутинную работу, а ею занимаются все – от рядовых сотрудников до начальников отделов.

По мнению автора, наиболее эффективными путями решения проблемы текучести кадров и способом налаживания работы госслужащих являются действия: 1) в области кадрового потенциала и кадрового резерва, а также 2) предложения по совершенствованию организации отбора государственных гражданских служащих на основе компетентностного подхода.

Итак, внутренние кадровые ресурсы самой государственной гражданской службы недостаточны, необходимо привлечение на государственную службу наиболее талантливых, граждански мотивированных, эффективных специалистов.

Основное затруднение в работе с кадровым резервом – это отсутствие отдельного нормативно-правового акта, утверждающего положение о кадровом резерве [1, с. 11]. Ведь Федеральным законом «О государственной гражданской службе» предусмотрено только его формирование путем конкурсного отбора и по результатам аттестации, но нет каких-либо иных пунктов, разъясняющих работу по его формированию. Создание такого документа позволит включать специалистов в кадровый резерв не просто по показателю наличия соответствующего высшего образования, а организовывать запас подготовленных специалистов, готовых к вхождению в государственный орган без высоких материальных затрат. Это положение, с точки зрения автора исследования, должно быть основано на принципе единства системы резерва (преемственность уровней), который означает переход из одного резерва в другой при достижении следующего уровня в профессиональном развитии. Данный принцип позволит достичь наибольшего эффекта от использования кадровых резервов.

Немаловажным является и тот факт, что процедура проведения конкурса в УФК по Вол-

гоградской области требует продолжительного времени (около двух месяцев) и определенных материальных затрат для претендента на вакантную должность, в случае если он не является служащим Управления (заверение копий необходимых документов, медицинская справка и тому подобное). А в ходе работы конкурсной комиссии отсутствует единая методика оценки претендентов, что позволяет говорить о формальном подходе к формированию кадрового резерва.

Поэтому еще одним немаловажным мероприятием, по мнению автора, является проведение регулярного мониторинга кадрового резерва с целью повышения его качественного состава. Работа с кадровым резервом предполагает в том числе и регулярную оценку профессиональных качеств гражданских служащих, включенных в кадровый резерв, и принятие управленческих решений по результатам данной оценки. Эти меры будут способствовать укреплению и развитию кадрового резерва, который приобретает сегодня стратегическое значение.

Кадровый резерв имеет прямое отношение к понятию кадрового потенциала. По отношению к государственной службе – это совокупная (служебно-профессиональная, трудовая, интеллектуальная, психофизиологическая, духовно-нравственная, культурно-образовательная) способность граждан, пользующихся конституционным правом на равный доступ к государственной службе и отвечающих профессиональным, квалификационным, интеллектуально-образовательным и иным требованиям, для замещения должностной государственной службы [3]. Обобщающим показателем качества кадрового потенциала является состояние и динамика образа жизни населения страны. Это чувствительный индикатор состояния социального здоровья общества, его предрасположенности и способности к преобразованию и обновлению. Все это говорит о насущной необходимости активизации работы по качественному укреплению состава государственных служащих.

Современный динамический общественный процесс требует формирования системы кадровых инноваций. Одним из таких нововведений является применение компетентностного подхода как реализация основных функций управления персоналом (отбор, аттестация, формирование резерва, обучение и развитие) на основе моделей компетенций.

Понятие «компетенция» может рассматриваться в двух ракурсах – широком и узком. С широкой позиции оно включает в себя такие

элементы, как знания, умения, навыки, личностные характеристики и ценностные установки индивида (работника). В рамках узкого подхода понятие «компетенция» ограничивается только знаниями, умениями и навыками персонала [7, с. 38]. Данный подход позволяет ответить на вопрос, какой сотрудник необходим, ведь он совершенствует действующую систему оценки кандидатов через внедрение моделей компетенций и методов их оценки для групп должностей (набор профессиональных, управленческих и личностных качеств, необходимых для эффективного выполнения должностных обязанностей) при проведении конкурсов на должность и в кадровый резерв.

Для сотрудника важны общие знания и профессиональные. По отношению к государственным служащим первая группа – это знание системы устройства государственной власти в Российской Федерации, а также российского законодательства в части положений Конституции Российской Федерации, Федерального закона № 79-ФЗ от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе РФ», и Федерального закона № 273-ФЗ от 25.12.2008 «О противодействии коррупции» [9, 10, 11], а также ряда основных нормативно-правовых документов, непосредственно регулирующих вопросы функционирования отдельных органов государственной власти.

Вторую группу знаний составляют общие профессиональные знания, необходимые работнику для выполнения его профильных задач из зоны его функций. При этом вторую группу можно поделить на общие и узкие профессиональные, и именно узкие составят основу для эффективной деятельности госслужащего. По мнению Е. А. Панова и Д. А. Барина, узко-профессиональные знания часто отличает неформализованный, ненаблюдаемый характер: они обладают целым рядом признаков того, что именуется «профессиональной интуицией». Уровень развития узких профессиональных знаний у каждого отдельно взятого сотрудника практически всегда уникален в силу того, что они во многом связаны и формируются под воздействием индивидуального опыта решения профессиональных задач, выполнения определенных операций [7, с. 50].

Подход разложения компетенции на набор составных профессионально-квалификационных требований и личностных качеств, определенная степень сочетания и выраженности которых позволяет прогнозировать будущую эффективность работника на новой должности, наиболее отвеча-

ет потребностям управления сегодняшнего дня. Складывается ситуация, при которой на место конструкции, где определенные теоретически знания в сочетании со стажем работы на определенной должности (с определенными функциями) формируют основу для будущей профессиональной эффективности персонала, приходит более современная и эффективная модель. В рамках инновационной управленческой парадигмы основное внимание управленцев и специалистов в области управления персоналом концентрируется на реальных умениях работника, его стиле выполнения работ, конкретных получаемых трудовых результатах. Ориентированность на оценку результата трудовых действий работника, а не процесса их выполнения, определение выраженности у персонала реальных (а не только потенциальных) трудовых способностей, возможность проследить, как выглядит процесс применения того или иного навыка в процессе работы с учетом личностных характеристик и ценностных установок работника, – именно эти характеристики компетентностного подхода обеспечили ему широкую популярность в теории и практике управления персоналом коммерческих и государственных организаций XXI века.

Справиться с данными сложностями возможно путем повышения заинтересованности сотрудников, ведь сравнительный анализ существующих систем мотивации госуправления России и зарубежных стран показал, что в российской практике не использован весь потенциал стимулирующих инструментов. Исследование теоретических предпосылок позволило сделать вывод, что отечественная система мотивации не учитывает ряд принципиальных моментов, игнорирование которых снижает эффективность работы госслужащих. Основными недостатками российской системы мотивации государственных служащих, отмеченными и в работе УФК по Волгоградской области, являются:

- игнорирование личностных и ценностных характеристик кандидатов на государственные должности при приеме на работу;
- существование нижнего порога пребывания госслужащего в одном чине (не менее двух лет), что тормозит карьерный рост и снижает привлекательность работы в системе госуправления для квалифицированных кадров;
- неравенство в зарплатах между высшими должностными лицами и служащими низшего звена, что потенциально способствует мотивации последних и создает условия для коррупции [9, с. 295];

- автономность систем аттестации госслужащих, образования госслужащих и ротации кадров;
- отсутствие условий для карьерного роста госслужащих по вертикали;
- переоценка роли социальных гарантий, льгот и субсидий в системе нематериальной мотивации;
- недооценка системы стратегического управления как стимулирующего механизма.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод о необходимости разработки программы кадровой политики УФК по Волгоградской области, включающей описанные действия в сфере кадрового потенциала.

Данная программа должна включать следующие разделы:

- реальное состояние кадрового потенциала, позитивные и негативные тенденции и возможности его развития, а также его цели и задачи;
- субъект и объект кадровой политики, их взаимосвязь и взаимоотношения;
- принципы кадровой политики региона, механизмы её реализации;
- вопросы взаимодействия государства, региона и хозяйствующих субъектов.

Стратегической целью действий в области кадровой политики является обеспечение государственной службы высокопрофессиональными работниками, деятельность которых была бы нацелена на служение человеку, обществу, государству.

Достижение этого будет способствовать решению следующих задач:

- повышение эффективности системы государственной службы в связи с усилением качества профессиональной деятельности госслужащих;
- превращение государства в нанимателя, способного привлечь высококвалифицированных граждан для работы на основе состязательности и здоровой конкуренции;
- комплексная оптимизация профессионального развития, способного удовлетворить современные требования в области государственного управления.

Библиографический список

1. *Анциферова, И.* Социологический анализ кадровой политики в сфере госслужбы

[Текст] / И. Анциферова, В. Ермаков // Государственная служба. – 2014. – № 5 (91).

2. *Атаманчук, Г. В.* Теория государственного управления [Текст] / Г. В. Атаманчук. – М.: Юрид. Лит., 1997. – 400 с.

3. *Атаманчук, С. Г.* Государственная служба: кадровый потенциал [Текст]: учебное пособие / С. Г. Атаманчук, В. И. Матирко. – М.: Дело, 2005 – 422 с.

4. *Долгополов, О. И.* Проблемы текучести кадров на государственной службе [Текст] / О. И. Долгополов // Законодательство и экономика. – 2008. – № 7.

5. *Захаров, В. М.* Управление профессиональным развитием государственных и муниципальных служащих [Текст]: монография / В. М. Захаров. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 260 с.

6. *Мескон, М. Х.* Основы менеджмента: пер. с англ. [Текст] / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 1993. – 702 с.

7. *Панов, Е.* Компетентностный подход в системе управления кадрами государственной службы [Текст] / Е. Панова, Д. Баринов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 45.

8. *Поспелова, Е. А.* Потенциал применения стимулирующих инструментов на российской государственной службе [Текст] / Е. А. Поспелова, М. А. Гвоздева // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 3.

9. Российская Федерация. Законы. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. – Режим доступа: szrf.ru (дата обращения: 11.01.2017).

10. Российская Федерация. Законы. О системе государственной гражданской службы РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2004 №79-ФЗ. – Режим доступа: szrf.ru (дата обращения: 11.01.2017).

11. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Текст] / Российская Федерация. Конституция (1993). – М.: Проспект, 1999. – 48 с.

12. *Скавитин, А. В.* Методические подходы к управлению текучестью кадров [Электронный ресурс] / А. В. Скавитин. – Режим доступа: <http://www.aup.ru/articles/personal/2.htm> (дата обращения: 17.01.2017).

УДК 32.019.51:316.77

ББК 66.06+88.521.5

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ МАНИПУЛИРОВАНИЯ НА ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

В. А. Иванов

Аннотация. В статье исследуется положительное и отрицательное воздействие на государство и общество. Эта проблема осознается в связи с тем, что манипулятивные технологии приводят к очень значительным изменениям в обществе, а следовательно, учитывая общественные запросы, государство тоже вынужденно меняться. Автор рассматривает различные подходы к понятию манипулирования. Особое внимание уделено СМИ как наиболее эффективному каналу по формированию общественного мнения. Рассматриваются некоторые теории происхождения государства. Говорится о манипулировании как об одном из важнейших факторов, который может формировать общественное мнение и двигать развитие общества и государства вперед, а не только лишь разрушать.

Ключевые слова: манипулирование, технологии манипулирования, государство, общество, СМИ.

POSITIVE AND NEGATIVE INFLUENCE OF MANIPULATION ON STATE AND SOCIETY

V. A. Ivanov

Abstract. The article is about the positive and the negative impact on the state and society. This problem is realized due to the fact that manipulative technologies are the reason of very significant changes in society. It makes the state also to change. The author considers various approaches to the notion of manipulation. The author also pays attention to mass media as a main channel of shaping public opinion. Also the article is observed some theories of the origin of the state. Manipulation is as of the most important factors that can form public opinion and move the development of societies and states forward.

Key words: manipulation, technologies of manipulation, state, society, mass media.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к манипулированию не только со стороны политиков, ученых, но и широких общественных масс. Не редко мы видим различные попытки анализа значимости данного явления в общественном и политическом пространстве. Но прежде чем переходить к анализу данного явления, необходимо разобраться в многообразии подходов к понятию манипулирования. Стоит отметить, что само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово «manus» – рука, кисть. В словарях оно толкуется как обращение с тем, что находится в руках с определенными целями [1].

Видимо, будет правомерно начать анализ данного феномена с многообразия подходов:

Психолог В. Франке определяет манипулирование как психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, в ущерб лицам, на которых оно направлено [8, с. 4]. Э. Шостром в своей книге «Анти-Карнеги» или «Человек-манипулятор» предлагает понимать манипулирование как стремление управлять, главенствовать, властвовать, выигрывать любой ценой, относясь к людям, как к вещам [7]. Ис-

следователь В. Н. Сагатовский видит в манипулировании отношение к другому, как к средству, объекту, орудию [6, с. 84–85].

По сути манипулирование представляет собой процесс взаимодействия объекта и субъекта управленческих отношений, которые субъект пытается скрыть, это действие субъект проводит с определенной целью. Стоит отметить, что субъектом манипулирования чаще всего выступает государство, а объектом – население. В сложившейся системе международных отношений государство не может посвятить общество во все свои планы, поскольку часть из них составляет государственную тайну. Также не стоит забывать о том, что если говорить о системе международных отношений, то, нравится нам это или нет, но государства конкурируют между собой, соответственно, если в данной ситуации не проводить манипуляций, то государство может оказаться в невыгодном положении, слабое государство не всегда сможет приносить пользу обществу. Второй момент, манипуляция необходима, когда государству нужно проводить реформы, реагируя на внешние вызовы.

Ярким примером в данной ситуации является Россия и страны развивающейся демократии. Когда государство, видя отставание от других держав, прежде всего в технологическом плане, желая ускорить процессы развития экономических и социальных отношений, вынуждено проводить реформы, к которым общество зачастую не готово, то возникает вопрос, как убедить общество в необходимости реформ? Манипуляции наряду с экономическими связями играют важную роль в укреплении государства, с их помощью люди, живущие в разных концах страны, могут почувствовать себя гражданами одного государства. Не стоит забывать о том, что при помощи данных технологий можно не только разжигать войны, но и способствовать тому, чтобы люди, живущие в разных концах земного шара, лучше понимали друг друга.

На современном этапе эта задача решается при помощи манипулятивных технологий. Большую роль в данном процессе играют СМИ и интернет как эффективный канал передачи информации, который охватывает большое количество населения. Если говорить о СМИ как канале манипулирования, то стоит выделить ряд важных функций, которые выполняют СМИ.

Мобилизационная функция. Основная цель – побуждение масс к активному действию. Особую актуальность она приобрела с распространением интернета по всему миру. С одной стороны, на примере «арабской весны» мы видим, что при помощи распространения в социальных сетях информации о времени и месте проведения протестных акций удалось мобилизовать огромное количество протестной массы людей. Этому предшествовало создание сообществ, в которых концентрировались люди недовольные властью. Правительства этих стран не были готовы к такому повороту событий. А телевидение и газеты оказались менее эффективны в сравнении с интернетом [4]. Стоит отметить, что данная функция может иметь не только негативный, но и позитивный характер. Например, различные благотворительные мероприятия. Сбор средств для пострадавших от наводнения на Дальнем Востоке, помощь больным детям или сбор средств пострадавшим от стихийных бедствий.

Информационная функция заключается в предоставлении массовому читателю, слушателю и зрителю актуальной информации о самых различных сферах деятельности людей – деловой, научно-технической, политической, юридической, медицинской и т.п. При этом содержание информации во многом определяется запросом аудитории. Получая большой объем информа-

ции, люди не только расширяют свои познавательные возможности, но и увеличивают свой творческий потенциал [2].

Регулирующая функция имеет широкий диапазон воздействия на массовую аудиторию, начиная с установления контактов, кончая контролем над обществом. В этой функции массовая коммуникация влияет на формирование общественного сознания группы и личности, на формирование общественного мнения и создание социальных стереотипов. Здесь же кроются возможности манипулировать и управлять общественным сознанием, фактически осуществлять функцию социального контроля. При определенных условиях эта функция служит целям «промывания мозгов». Но, благодаря ей, лучшие явления культурной жизни также находят отклик у ценителей вслед за их появлением. Здесь все дело во вкусе и мере творцов и потребителей массовой коммуникации. Получатель информации имеет возможность сравнивать различные социальные ситуации, которые комментируются СМИ либо с положительной, либо с негативной оценкой. Люди, как правило, принимают те социальные нормы поведения, этические требования, эстетические принципы, которые убедительно пропагандируются СМИ как положительный стереотип образа жизни, стиля одежды, формы общения и т.п. Так происходит социализация индивида в соответствии с нормами, желательными для общества в данный исторический период [4].

Данные функции можно использовать не только во вред обществу, но и во благо. При помощи данных функций общество становится более толерантным, что способствует снижению социальной напряженности в обществе. Позволяет людям с различными взглядами мирно сосуществовать. Также при помощи СМИ и манипулятивных технологий у общества формируются понятия о добре и зле, о том, кто такой успешный или не успешный человек. И в данной ситуации не важно, кто считается успешным – Генри Форд или Стаханов – главное, что своим примером они побуждают людей к развитию, а следовательно, развивается не только отдельно взятый человек, но и общество в целом. Если посмотреть на данное понятие с такой позиции, то манипулирование может иметь не только отрицательные, но и положительные последствия. Да, понятно, что не каждый добьется успеха, но за счет успеха других и перераспределения доходов у того, кто не добился успеха, будет более достойная жизнь. Конечно, система ориентиров, которая задается различными государствами,

всегда будет подвергаться критике, существующие манипуляции будут раскрываться, а на их место придут более развитые технологии манипулирования. И это будет двигать общественное развитие вперед.

Если верить теории общественного договора Томаса Гоббса, то до появления первых государств общество находилось в состоянии войны всех против всех. Согласно Томасу Гоббсу человеческая жизнь была бы «опасной, жестокой и короткой» без политической власти. И люди осознанно отдали государству часть своих прав и свобод, дали государству право регулировать межличностные отношения, заключив общественный договор [3].

Говоря о естественных потребностях общества в определенной организации, представители психологической теории считают, что общество и государство есть следствие психологических закономерностей развития человека, а также, что люди психологически делятся на управленцев и управляемых [5]. Если у человека есть потребность в том, чтобы ему помогали организовывать свою жизнь, то такой человек, независимо от того, управленец он или управляемый, не сможет обойтись без манипуляций, так как они являются частью его жизни, и если их убрать, то человек будет дезориентирован. Видимо, благодаря манипуляциям выстраивается система ценностных ориентаций, и есть риск того, что общество без манипулирования скатится в войну всех против всех. Делая вывод, можно сказать о том, что без манипулятивных технологий общество обойтись не сможет, так как они являются порождением самого общества, и всегда будут те, кто хочет брать на себя ответственность и принимать решения, и те, кому психологически комфортно никуда не вмешиваться и быть исполнителем.

Если же говорить о противодействии манипуляциям и о том, необходимо ли это делать: необходимость в этом определенно есть, ведь, говоря о манипулировании, разоблачая его, мы

выводим общество на новый этап развития. Таким образом можно сделать вывод о том, что манипуляции могут иметь не только негативные, но и позитивные последствия. Данные технологии можно и нужно использовать для того, чтобы люди, живущие по всему миру лучше понимали друг друга, более уважительно относились к культурам других народов. Если при манипуляции делать акцент на то, что у всех людей есть не только то, что нас разъединяет, но и то, что нас объединяет, то это может привести к снижению градуса напряженности в международных отношениях.

Библиографический список

1. *Асланова, Л. А.* Новый латинско-русский и русско-латинский словарь [Текст] / Л. А. Асланова. – М.: Дом Славянской Книги, 2012. – 928 с.
2. *Жукова, Д. А.* Проблема СМИ в современном обществе [Текст] / Д. А. Жукова // Теория и практика общественного развития. – 2008. – № 2 (42).
3. *Шичалина, Ю. А.* История философии: Запад-Россия-Восток [Текст] / Ю. А. Шичалина. – М.: Греко-латинский кабинет, 2000. – 480 с.
4. *Конецкая, В. П.* Социология коммуникаций [Текст]: учебник / В. П. Конецкая. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
5. *Лазарева, В. В.* Общая теория государства и права [Текст] / В. В. Лазарева – М.: Юристъ, 2002. – 520 с.
6. *Сагатовский, В. Н.* Социальное проектирование (к основам теории) [Текст] / В. Н. Сагатовский // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск, 1980. – 227 с.
7. *Шостром, Э.* Анти-Карнеги или Человек-манипулятор [Текст] / Э. Шостром. – Мн., 1992. – 52 с.
8. *Franke, H. W.* Der manipulierte Mensch. Crundlagen der Meinungsbildung [Текст] / H. W. Franke – Wiesbaden, 1964.

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос),3

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Д. Э. Иманов

Аннотация. В статье рассматривается актуальный вопрос взаимосвязи информационной политики и национальной безопасности современной России. Автор приходит к выводу, что, несмотря на свой не силовой характер, информационные методы оказания давления на суверенные государства, разрушая экономику, отравляя сознание общества путём противопоставления различных социальных групп и руководства страны, ведут к развязыванию затяжного внутригосударственного конфликта. В современных условиях информационная подсистема занимает центральное положение в комплексной системе обеспечения национальной безопасности современного государства. От способности руководства страны обеспечить национальную информационную безопасность в современных условиях во многом зависит существование Российской Федерации как целостного и независимого государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационная безопасность, информационная политика, новые угрозы и вызовы современности.

INFORMATIONAL ASPECT OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA AT THE MODERN STAGE OF DEVELOPMENT

D. E. Imanov

Abstract. The article describes pressing issue about relationship between communications policy and national security in modern Russia. Despite on non-violence nature of information methods communications policy exerts influence on independent states. It destroys their economy, poisoning the consciousness of society by opposing various social groups and the leadership of the country, lead to the unleashing of a protracted intra-state conflict. The author insists on information security as a factor of existing integral and independent state. The ability of the country's leadership to ensure national information security in modern conditions depends on the existence of the Russian Federation as an integral and independent state.

Key words: national security, information security, communications policy, new thunders and challenges of modernity.

Национальная безопасность современного государства представляет собой достаточно сложную и многогранную систему, состоящую из нескольких различных, но тесно взаимосвязанных между собой подсистем-компонентов. К ним, опираясь на нормы российского законодательства, можно отнести экономическую, социальную, политическую, культурно-образовательную, правовую, экологическую, информационную и международную подсистемы национальной безопасности. Также безопасность, исходя из субъектной составляющей, можно подразделить на личную, общественную, национальную, региональную и глобальную. В рамках данной работы объектом исследования станет информационный компонент национальной безопасности современной России. Чтобы комплексно исследовать данную подсистему, будет введено определение информационной безопасности, раскрыта её сущность, а также проанализировано законодательство РФ в обла-

сти информационной безопасности. В частности, рассмотрению подвергнется Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.

Начнём с определения. Необходимо подчеркнуть, что в подходах к трактовке и содержанию информационной безопасности наблюдается более согласованная позиция, чем в подходах к национальной безопасности. Так, энциклопедический словарь рассматривает информационную безопасность как систему защиты информации, её источников, способов и средств распространения и передачи от потери, несанкционированного завладения, искажения (сознательного или случайного) и деструктивного использования (зачастую целенаправленного) [2]. Данная дефиниция определяет информационную безопасность достаточно узко. Если рассматривать последнюю в более широком смысле, то член-корреспондент РАН В. Н. Кузнецов [3] определяет её как способность личности, общества и государства не только обеспечивать необходи-

мые и достаточно защищенные информационные ресурсы для поддержания своей жизнедеятельности и своей жизнеспособности, стабильного функционирования (одновременно с динамичным развитием), но и противостоять реальным или потенциальным информационным вызовам и угрозам, выражающимся в деструктивном информационном воздействии на индивидуальное и общественное сознание и психику граждан, а также на компьютерные коммуникационные сети и другие источники информации (в том числе и традиционные). Кроме того, он подчёркивает необходимость способствовать формированию индивидуальной и коллективной культуры безопасного поведения в информационной среде. Чётко прописанная и структурированная система адекватных мер для ответа на реальные или потенциальные информационные вызовы и угрозы (как внутреннего, так и внешнего характера), подкреплённая соответствующими силами, средствами и ресурсами, должна поддерживать постоянную готовность личности, общества и государства на эти угрозы отвечать. Есть понятие информационной безопасности и в законодательстве РФ.

Основным нормативно-правовым актом РФ, напрямую затрагивающим вопросы обеспечения национальной информационной безопасности, на сегодняшний день является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 [1]. Данный документ определяет информационную безопасность как состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. Под информационной безопасностью последних, согласно Центру политического анализа и информационной безопасности [7], понимается следующее.

1. Информационная безопасность личности – это такое состояние индивида, при котором его личности, духовному и физическому здоровью не может быть нанесён ощутимый ущерб в результате воздействия на окружающее его информационное пространство со стороны кого-либо или чего-либо. В условиях современного глобального мира человек стал «прозрачным» и незащищённым с информационной точки зрения. При желании и наличии определённых технологических средств и методов абсолютно любая (в том числе и интимная) информация, касающаяся определённой личности, может стать достоянием общественности и быть использована в корыстных целях.

2. Информационная безопасность общества – это такое состояние социума, при котором его базовым традициям и обычаям, нормам, ценностям и установкам, а также соответствующим им общественным институтам не может быть нанесён ощутимый ущерб в результате воздействия на его информационное пространство со стороны кого-либо или чего-либо. В её основе – безопасность индивидуального, коллективного и массового сознания граждан при наличии реальных или потенциальных информационных угроз (как внутреннего, так и внешнего характера), к которым в первую очередь необходимо отнести информационно-психологическое воздействие. Такое воздействие может привести к психологической и психоэмоциональной напряженности в обществе, деструкции его морально-нравственных норм, ценностей и установок, политической дезориентации и, как следствие, неадекватному поведению отдельных граждан, их групп и масс людей. Результатом станут глубокие и зачастую необратимые искажения индивидуального, коллективного и массового сознания и, как следствие, поведения, а также деструктивные трансформации социально-политического и морально-психологического климата в обществе.

3. Информационная безопасность государства – это такое состояние страны, при котором её суверенитету, территориальной целостности, политико-правовой системе, национальной обороне и экономике не может быть нанесён ощутимый ущерб в результате воздействия на её информационное пространство со стороны кого-либо или чего-либо. Современные информационные технологии, как показывают многочисленные примеры, позволяют активно вмешиваться во внутренние дела государств, ставя под сомнение их национальный суверенитет и территориальную целостность путём поощрения сепаратизма и иных видов центробежных (дизинтеграционных) процессов. Кроме того, они способствуют делигитимации «неудобных» политических режимов, ослабляют национальную оборону, безопасность и экономику, проникая в наиболее слабозащищённые сегменты информационно-коммуникационных сетей с целью хищения секретных сведений и технологий гражданского, военного и коммерческого характера, внедрения соответствующего программного обеспечения для последующего разрушения определённого высокотехнологичного оборудования, деструкции сложившихся информационно-управленческих цепочек в государственных органах власти и управления. В результате таких диверсионных действий их инициатор («вероят-

ный противник» в военной терминологии) сможет завладеть самыми секретными сведениями и технологиями гражданского, военного и коммерческого характера (что автоматически ставит государство в крайне уязвимое положение), а также привести к коллапсу весь государственный аппарат, который лишится каналов доведения информации и принятых решений до нижестоящих структур. В случае одновременной информационной атаки со всех направлений на ключевые информационно-коммуникационные сети гражданской власти и военного управления государство может оказаться беззащитным, утратив связи с органами безопасности, войсками и нижестоящими структурами.

Среди реальных и потенциальных источников внутренних и внешних угроз национальной информационной безопасности России можно выделить следующие.

1. Внутренние источники угроз:

- тревожная криминогенная обстановка, характеризующаяся сращиванием властных и криминальных структур в информационной среде, получением преступными сообществами доступа к секретной информации, усилением воздействия организованной преступности на жизнь социума, снижением степени защищенности прав граждан, общества и государства в информационной сфере;

- слабая координация действий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации по выработке и осуществлению единой государственной политики в области обеспечения национальной информационной безопасности Российской Федерации;

- недостаточная степень разработанности нормативно-правовой базы, регулирующей или косвенно затрагивающей отношения в информационной сфере, а также незначительный уровень правоприменительной практики;

- неразвитость институтов гражданского общества и слабый контроль государства за развитием информационного рынка РФ;

- недостаточный уровень финансирования мероприятий по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации;

- отсутствие достаточного числа квалифицированных кадров в области информационной политики и безопасности;

- недостаточный уровень активности федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Российской Федерации в деле информирования граждан о своей деятельности, в разъяснении принимаемых и реализуе-

мых решений, в создании открытых государственных информационных ресурсов и развитии системы доступа к ним населения;

- отставание РФ от ведущих стран мира по уровню информатизации органов государственной власти и управления, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, промышленности, финансовой сферы, образования, сельского хозяйства, здравоохранения, сферы услуг.

2. Внешние источники угроз:

- деятельность иностранных экономических, политических, военных субъектов, разведывательных и информационных структур, направленная на ущемление интересов РФ в информационной сфере;

- стремление некоторых стран к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснению России не только с внешних информационных рынков, но и с внутреннего национального;

- усиление международной конкуренции за обладание информационными ресурсами и технологиями;

- деятельность международных экстремистских и террористических организаций;

- увеличение уровня технико-технологического отрыва ведущих государств мира, усиление их противодействия формированию аналогичных российских информационных технологий;

- разработка некоторыми государствами концепций информационных войн, предусматривающих формирование средств деструктивного воздействия на информационные пространства других стран мира, нарушение стабильного функционирования информационно-телекоммуникационных систем, защищенности информационных ресурсов и неправомерный доступ к ним.

Необходимо отметить, что под внешним воздействием на информационную сферу государства мы будем понимать вмешательство (различной степени интенсивности и скрытности) иностранных субъектов в информационное пространство последнего. Слово «субъектов» выбрано не случайно, поскольку в дела суверенных стран вмешиваются (с той или иной долей успеха) не только другие государства, но и транснациональные коммерческие компании, международные общественные и политические организации, интернациональные экстремистские и террористические организации этнического, религиозного и сугубо идеологического толков. В эпоху глобализации к международным субъек-

там исследователи вопросов глобальной и национальной безопасности всё чаще относят узкие группы неформального толка (например, всевозможные международные хакерские сообщества) и даже отдельных людей [6]. Помимо традиционных акций силового характера, которые постепенно отходят на второй план, такие субъекты всё чаще используют финансово-экономические и информационные методы в своей деятельности, затрудняющие для государства жертвы идентификацию противника, а также снижающие возможные людские, финансово-материальные и репутационные издержки для стороны-агрессора [4]. Противостояние субъектов различных стран в информационной сфере получило название информационного противоборства. Если же последнее подкрепляется диверсионно-террористическими методами, то можно говорить об информационной войне. В отличие от традиционных (преимущественно силовых) способов ведения войны или оказания давления на государства информационные методы обладают рядом существенных особенностей:

1. Минимальный уровень материально-финансовых издержек при создании технических средств для проведения информационных операций и мобилизации соответствующих ресурсов. Современные уровни развития информационных технологий и возможностей, которыми они обладают, не требуют значительного финансирования и большого количества людских ресурсов для организации и проведения диверсионных акций информационного характера, что качественно отличает последние от традиционных военных действий, требующих огромных финансовых и людских ресурсов.

2. Размывание национальных границ при подготовке и осуществлении диверсионной информационной деятельности. Традиционные войны начинались с объявления войны и пересечения государственной границы страны-жертвы. Точное время начала информационной операции определить сложно, и вестись она может из любой точки мира.

3. Отсутствие чётко обозначенного противника. Стороны традиционного военного конфликта были осведомлены друг о друге. Современные технологии позволяют не только организовывать и осуществлять диверсионные информационные акции из любой точки мира, но и длительное время оставаться в тени их заказчиков.

4. Сложность создания коалиции против агрессора. Данный пункт напрямую вытекает из предыдущих двух. Организация совместного

противостояния стран против информационного агрессора, идентификация которого достаточно затруднена, представляется труднодостижимой задачей.

5. Вопросы информационного противоборства и информационной войны недостаточно регламентируются нормами международного права, а значит, противоборствующие стороны не связаны взаимными обязательствами. Это означает, что даже в случае идентификации организатор информационной агрессии не понесёт существенных репутационных и правовых издержек.

6. Информационное противоборство менее опасно для государства-агрессора и её населения. Традиционные войны существенно изменяли привычную для граждан конфликтующих государств мирную жизнь. Войны уносили бесчисленное количество человеческих жизней и наносили огромный урон материально-технической базе и инфраструктуре государств. Современные информационные технологии и проводимые с их помощью диверсионные операции способны привести к распаду и многочисленным жертвам страну-жертву, но они практически не наносят ущерба стороне-агрессору. Согласно американской классификации информационное противоборство подразделяется на два поколения [5]. Информационное противоборство первого поколения носит преимущественно технический характер и направлено, в первую очередь, на дезориентацию деятельности органов гражданской власти и военного управления. Операции технического характера в данном случае не являются самоцелью, а проводятся в дополнение к традиционным силам и средствам организации и ведения боевых действий. Такой подход всё чаще уступает место информационному противоборству второго поколения, где информационное воздействие рассматривается уже как самостоятельный и самодостаточный способ воздействия на государство-жертву. Проявляться такое воздействие может в следующих формах.

1. Культивирование принципов аморальности, безнравственности, негативного отношения населения государства-жертвы к своим собственным национальным традициям и обычаям, нормам и верованиям, культурному наследию.

2. Искажение общественного сознания и соответствующего ему поведения, противопоставление одних групп населения другим, провоцирование столкновений на социальной-экономической, этнической и религиозной почве.

3. Деструкция существующих формальных и неформальных связей между политиче-

скими партиями, общественными организациями и объединениями с целью провокации конфликтов, создания атмосферы подозрительности и недоверия, обострения политического противостояния, противопоставления государства и общества друг другу, разжигания гражданской войны.

4. Нарушение стабильного функционирования каналов передачи информации между различными органами гражданской власти и управления, а также скрытное проникновение в государственные информационно-коммуникационные каналы с целью искажения или саботирования принятых управленческих решений.

5. Предоставление гражданскому населению через подконтрольные СМИ и Интернет ложных сведений о работе государственных органов власти и управления с целью их дискредитации, подрыва легитимности и авторитета.

6. Подрыв международного статуса и авторитета страны, препятствие её сотрудничеству с другими государствами.

Резюмируя всё вышеописанное, можно с уверенностью говорить о том, что, несмотря на свой несиловой характер, информационные методы оказания давления на суверенные государства в конечном итоге оказываются более губительными для последних, разрушая экономику, отравляя сознание общества путём противопоставления его различных групп друг другу и руководству страны, и, как следствие, приводя к развязыванию затяжного внутригосударственного конфликта (нередко в виде гражданской войны). Примеров, подтверждающих справедливость последнего тезиса, новейшая история даёт не мало. Исходя из этого, очевидным является тот факт, что в современных условиях информационная подсистема занимает центральное положение в комплексной системе обеспечения национальной безопасности современного государства.

Обобщая вышеприведённые определения, можно говорить о том, что под информационной безопасностью необходимо понимать такое состояние личности, общества и государства, при котором существует не только определённое ин-

формационное пространство, обеспечивающее стабильное функционирование государства, динамичное развитие общества и достойное существование личности, но и необходимые силы и средства для защиты этого пространства от реальных или потенциальных угроз (как внутренних, так и внешних) деструктивного воздействия на него.

Таким образом, от способности руководства страны обеспечить национальную информационную безопасность в современных условиях во многом зависит существование Российской Федерации как целостного и независимого государства.

Библиографический список

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 22.12.2016).

2. Бодалев, А. А. Психология общения. Энциклопедический словарь [Текст] / А. А. Бодалев. – М.: Когито-Центр, 2011. – 600 с.

3. Кузнецов, В. Н. Геокультурная энциклопедия. Культура развития через культуру безопасности [Текст] / В. Н. Кузнецов. – М.: Книга и Бизнес, 2009. – 700 с.

4. Панарин, И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны [Текст] / И. Н. Панарин. – М.: Поколение, 2012. – 260 с.

5. Гриняев, С. Н. Взгляды военных экспертов США на ведение информационного противоборства [Текст] / С. Н. Гриняев // Зарубежное военное обозрение. – 2001. – № 8.

6. Гуменский, А. В. Управление международной информацией [Текст] / А. В. Гуменский // Международные процессы. – 2010. – №1.

7. Информационные угрозы безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Центр политического анализа и информационной безопасности. – Режим доступа: <http://centerpolit.ru/content.php?id=59> (дата обращения: 22.12.2016).

УДК 331.108.2

ББК 60.823.3

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ КОУЧИНГА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Д. Р. Кочеткова

Аннотация. Актуальность данной статьи в том, что тема коучинга изучена не до конца, но достаточно активно набрала обороты и стремительно развивается. Коучинг как средство эффективной коммуникации может помочь человеку справиться с проявлениями личного и социального ограничения и открыть для себя значительную степень независимости. Автор прослеживает становление методики коучинга, суть которой заключается в способности коуча задавать правильные вопросы, выстроенные по определённой логической цепочке, отвечая на которые клиент сам находит лучшие решения своих проблем. Статья знакомит с зарождением коучинга и его значимостью в современном обществе на сегодняшний день.

Ключевые слова: коучинг, обучение, управление, консультирование, достижение целей, психология, менеджмент, мотивация.

THE QUESTION OF THE ORIGINS AND PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF COACHING IN THE MODERN WORLD

D. R. Kochetkova

Abstract. The relevance of this article is that the topic of coaching is not fully understood, but enough to actively gained momentum and is rapidly developing. Coaching as a means of effective communication can help people cope with the manifestations of personal and social limitations and to discover a significant degree of independence. The author traces the development of coaching methodology, the essence of which is the ability of a coach to ask the right questions, arranged in a certain logical chain, in response to that, the client finds the best solutions to their problems. The article introduces the emergence of coaching and its importance in modern society today.

Key words: coaching, training, management, business, achievement of goals, psychology, management, motivation.

В последние годы в лексикон многих организаций вошло слово «коучинг», а руководители компаний стремятся внедрить у себя культуру коучинга. Сегодня весь мир более мобилен и достаточно динамично развивается. В связи с наступлением эры информационных технологий люди стали рассеивать свое внимание, концентрируясь неосознанно на вещах, которые отвлекают их от истинных целей. Человек может чувствовать себя успешным, если все сферы его жизни развиваются и взаимодействуют между собой, но в современном обществе сделать это достаточно непросто.

Коучинг называют профессией будущего, потому что в современном мире люди все больше ставят акцент на заработке денег и на финансовую защиту своей семьи. Однако часто такой подход становится ущербным. Делая основной упор на карьеру, люди забывают про семью, здоровье, друзей, духовность. А все потому, что в современной системе образования просто нет таких предметов, как «как ставить цели» или «как выстроить взаимоотношения». Поэтому большинство людей делают одни и те же ошиб-

ки. Помочь исправить сложившуюся ситуацию призван коучинг.

Человеку, работающему с коучем, легче определять важное и срочное, знать четкий путь и шаги реализации, быть вдохновленным, осознанным и иметь внутреннюю веру в себя. Коучинг помогает человеку гармонизировать свою жизнь, выстраивать взаимоотношения, быть успешным во всех сферах жизни.

Коучинг уже успел доказать свою эффективность и скорость на Западе. Поэтому сейчас все больше и больше клиентов переходят от психоаналитиков и психологов к коучам. А с развитием технологий коучинг становится все более и более доступным [11]. Например, некоторые руководители высшего звена считают, что регулярное общение с коучем даже по телефону способствует улучшению качества работы и, как бы странно это не звучало, отношений в семье [9, с. 14].

Основная проблема коучинга на сегодняшний день, на мой взгляд, в том, что существует достаточно много кратких публицистик на эту тему, но научных трудов о коучинге, где было

бы описано все от его зарождения до перспектив дальнейшего развития в будущем, нет. Связано это преимущественно с тем, что мода переменчива, а коучинг – относительно новое течение последних лет двадцати. Поскольку специалисты однозначного ответа дать не могут, существует множество определений понятия коучинг. Вот некоторые из них:

1. Коучинг, утверждает Т. Голви, – это искусство создания – с помощью беседы и изменения поведения – среды, которая облегчает движение человека к желаемым целям, так, чтобы оно приносило удовлетворение.

2. Коучинг, полагает М. Дауни, – это искусство содействовать повышению результативности, обучению и развитию другого человека [4, с. 47].

Иными словами, одни рассматривают коучинг как сложную и продолжительную работу руководителя с консультантом, которая направлена на личностный рост первого. Другие считают коучинг тренировкой для достижения результата и способом сделать чемпиона из клиента во всех сферах его жизни, а не только в бизнесе. Третьи рассматривают коучинг как управленческий консалтинг, который направлен и на увеличение эффективности деятельности человека, и на его стратегическое развитие путем использования новых приобретенных знаний и умений.

Ряд исследователей характеризуют коучинг как метод обучения более опытным сотрудником менее опытного в процессе работы; форма индивидуального консультирования, наставничества [3].

Для кого-то коучинг – это модная «упаковка» услуг, благодаря которой их можно подороже продать. Коучинг – достаточно дорогая услуга, которую нельзя подержать в руках как карандаш, ключи от машины или элитный парфюм. Так за что же платят клиенты? И почему спрос на коучей растет так же, как и на собственных телохранителей, стилистов и так далее. Мнений по поводу ответов на эти вопросы множество.

В разных источниках время возникновения коучинга трактуют по-разному. Авторы расходятся в инструментах и датах возникновения этого слова. По одним данным оно венгерского происхождения и означает «повозку», «карету» [6, с. 43]. А, как известно, кареты необходимы были для перемещения людей из одного места в другое. Коучинг же способствует нашему переходу из проблемной зоны к эффективному решению. Во второй половине XIX в. английские студенты стали называть этим термином частных репетиторов.

Д. Харрис указывает, что коучинг появился в начале 1980-х гг. в качестве новой формы консультационной поддержки. Сначала под этим термином понималась особая форма тренировки спортсменов, претендующих на лидерство и лучшие результаты. Затем коучинг заметили и стали запрашивать как начинающие, так и уже успешные бизнесмены, общественные деятели, политики в качестве эффективной методики по осуществлению важных целей. Впоследствии, заняв определенную нишу в бизнесе, коучинг стал играть в нем одну из главных ролей, но долгое время являлся привилегией только руководителей высшего уровня [10, с. 75].

Существует мнение, что коучинг, как инструмент профессионального и личностного развития, возник в 70-х гг. XX в. в области спорта и основан на методологии организационной, когнитивной и позитивной психологии. Т. Голви – автор концепции Внутренней Игры, лежащей в основе коучинга, впервые описал свою теорию в книге «Внутренняя игра в теннис» (The Inner Game of Tennis), которая была издана в 1974 году.

По иной версии в бизнес-менеджмент коучинг в начале 1990-х гг. ввел английский консультант и бизнесмен сэр Дж. Уитмор. На русский язык дословно этот термин можно перевести как «наставлять, тренировать» [9, с. 16].

На мой взгляд, понятие «коучинг» включает в себя нечто большее. Это своего рода учение, которое возникло на стыке менеджмента, жизненного опыта, психологии и логики. Этот процесс направлен на достижение целей в абсолютно различных областях жизни человека. А сам коуч не учит, а пытается понять, что может помочь клиенту добиться успеха в той или иной области, старается увидеть «картинку» со стороны и помочь клиенту найти свое самое сильное качество, преимущество перед другими, для создания успешной стратегии поведения. Можно назвать коучинг своеобразным творческим партнерством. На сегодняшний день коучинг является одним из таинственных методов консультирования [6, с. 42, 45].

Принято считать, что у истоков коучинга стоят четыре основных направления:

1. Гуманистический подход в психотерапии.
2. Работы Д. Гоулмена в сфере эмоционального интеллекта (EQ).
3. Сократовские методы диалога.
4. Методики эффективных спортивных тренеров.

К ключевым фигурам процесса зарождения коучинга можно отнести Дж. Уитмора, Т. Голви,

Т. Дж. Леонарда. Считается, что коучинг как отдельная профессия окончательно сформировался в начале 90-х гг. XX века. В США эта профессия официально признана в 2001 г., благодаря созданию Международной Федерации коучей.

На развитие бизнес-коучинга повлияли многие: от психологов-теоретиков до практиков. Важную роль, по мнению Н. К. Туркулец, в становлении коучинга сыграли К. Юнг, З. Фрейд и А. Адлер. Одним из приемов К. Юнга было заставить человека пересмотреть свою жизнь и убедить его в первую очередь развивать то, что подарила ему природа, целенаправленно совершенствовать свою личность. В коучинге широко используется описанное З. Фрейдом символическое мышление: клиенты открывают в себе способности, ранее глубоко скрытые в их подсознании, когда начинают целенаправленно и сознательно моделировать свою жизнь. А. Адлер считал, что каждый человек может поменять свою жизнь, если поставит себе цели и будет постоянно стремиться к ним [8, с. 13–15].

К. Роджерс в своей книге «Терапия, ориентированная на клиента» объединил психологическое консультирование и терапию, создав новое направление, основанное на росте индивида и его личностных изменениях под руководством терапевта. А. Маслоу считал, что человек от природы стремится к душевному равновесию и позитиву. Творческая активность, самореализация и тяга к новому являются его естественными потребностями, если только на этом пути к личностному росту не возникают какие-либо препятствия [7, с. 298]. В 1968 г. он опубликовал труд «К психологии бытия», который задал направление развитию коучинга вплоть до начала 90-х годов. В 1912 г. немецкий психолог В. Штерн предложил знаменитый коэффициент IQ, позволяющий «измерять» интеллектуальные способности человека. В 1995 г. Д. Гоулмен совершил прорыв в изучении эффективности использования человеческих ресурсов, смело заявив, что другой коэффициент – EQ (эмоциональный показатель интеллекта) играет гораздо более важную роль, чем IQ, так как способности правильно воспринимать чужие чувства и контролировать свои эмоции характеризуют интеллект намного точнее, чем способность логически мыслить. Согласно масштабным исследованиям Д. Гоулмена, опубликованным в его работе «Working with Emotional Intelligence», для эффективности управленческой работы EQ имеет решающее значение – ее успех определяется этим коэффициентом на 85 %, в то время как IQ только на 15 %. Результаты исследований Д. Гоулмена были

положены в основу менеджмента в стиле коучинг. Посыл его учения заключается в том, что то, что человек чувствует, влияет на качество его работы гораздо больше, чем то, что он умеет делать. Зачастую умение слушать и слышать других людей имеет гораздо большее значение, чем умение применять собственные знания. Способность задавать правильные вопросы намного важнее способности отдавать четкие указания. Все изменения и движение вперед начинаются с внутреннего самосознания [8, с. 16].

В Россию коучинг пришел несколько десятилетий назад, но до сих пор этот термин для многих остается непривычным. Достаточно широкое распространение он получил в области консультирования, однако в последнее время некоторые руководители стали его применять и как метод управления персоналом с целью эффективного формирования мотивации своих сотрудников и их адекватного поведения. В современном Российском обществе коучинг участвует в формировании теории и практики технологии поведения в организации и обществе, которое не всегда сопровождается только лишь успехами.

Характерная тенденция российских организаций на пути эволюции кадрового менеджмента от обычной работы с кадрами до управления человеческими ресурсами, расширяет круг проблем, которые необходимо решать при управлении персоналом. Актуальной задачей для решения этих проблем является формирование социально-экономического поведения сотрудников организаций. Коучинг же будет наиболее перспективным методом в этом отношении, т.к. он представляет собой совокупность социальных технологий, направленных на выявление сильных и слабых сторон, оценку компетенций, усиление мотивации и повышение эффективности структурных подразделений, организации в целом или отдельных ее сотрудников (как правило, руководителей высшего звена) [2, с. 118].

Отечественным коучинговым компаниям непросто бороться за место под солнцем, однако они выигрывают у более продвинутых зарубежных конкурентов, даже несмотря на то, что западные «коллеги» имеют больше опыта в создании коучингового пространства, а их брендовое влияние служит определяющим критерием для клиента. Такие специалисты в работе с российскими бизнесменами не учитывают реалий и особенностей отечественного бизнеса, не знают русского менталитета и культуры. Поэтому работа отечественных коучей призвана быть существенно эффективней, так как они способны уловить тонкие грани души русского человека и

лучше понять, что же хочет клиент и какие воздействия для него станут более доступными для понимания и эффективными [1].

Коучинг сегодня очень моден и способен подчас приносить быстрые доходы, поэтому почти любой, кто прочитал умную книгу или хорошую статью о коучинге, считает, что практиковать его и строить на этом бизнес вполне приемлемо. Увы, но, к огромному нашему сожалению, это не так. Большинство таких «коучей», не побывавших в роли клиента, выбирают стратегию советования или наставничества в своей работе. Однако это неприемлемо в коучинге, поскольку основное правило коуча – не учить и не давать советов. Они пытаются научить клиента тому, что он уже умеет, или тому, к чему он должен прийти сам. В противном случае разочарованные клиенты стараются больше не пользоваться услугами коучей. А если учесть, что в силу русского менталитета в бизнес среде до сих пор действует принцип сарафанного радио, то настоящим специалистам в области коучинга порой приходится прилагать колоссальные усилия, чтобы повернуть представление клиентов о коучинге в правильное русло. Но именно такая динамика вытесняет дилетантов с рынка коуч-предложений и «закаляет» профессионалов, для которых явным преимуществом служит наличие практического опыта коучинга.

Основные российские провайдеры коучинговых услуг – это в большей своей массе компании из крупных городов, таких как Москва, Санкт-Петербург. Регионы же, в свою очередь, отстают, так как порой во многих городах люди даже само слово «коучинг» слышат впервые. Компаний, предоставляющих коучинг только в России, нет. В нашей стране его применяют по отношению к своим сотрудникам только те руководители, которые действительно понимают важность использования как внутреннего потенциала, так и творческого подхода для борьбы с возникающими трудностями, проблемами и поиска решений корпоративных задач [1].

В современном мире возрастает потребность в творческом, основанном на жизненном опыте руководителя, грамотном управлении компанией, фирмой, даже просто небольшим предприятием. Как метко выразился ученый-психолог Леонид Кроль, «коуч – это еврей при губернаторе». То есть человек, дающий жизненные, практичные советы управляющему, которые помогают ему выстраивать правильную политику руководства компанией. Это очень тонкая работа, включающая в себя не только необходимость широкого знания мира современного биз-

неса, но и знание психологических методов построения отношений внутри фирмы, между организациями. Ведь каждый руководитель понимает, насколько важна для продуктивной работы положительная атмосфера в коллективе сотрудников.

Тренинг управляющих, менеджеров сейчас – это развитие их управленческих способностей, умения четко ставить бизнес-цели и, соответственно, достигать их. Бизнес-образование в современном мире дает массу теоретических знаний, но не может привить будущим управленцам реальных, жизненных навыков. Кроме того, с точки зрения психологии, каждый человек, занимающий высокий пост в компании, ощущает некую отдаленность от других людей, он считает, что должен самостоятельно принимать решения даже в самых стрессовых ситуациях, хотя внутри ощущает потребность в поддержке [5].

Специалист-коуч как раз может стать такой опорой, советчиком, чьи рекомендации действительно будут способствовать развитию бизнеса в правильном направлении, стимулировать повышение эффективности работы компании, увеличение ее прибыли. Тенденция иметь в организации своего персонального коуча с каждым днем развивается и набирает обороты все больше и больше.

Подводя итоги работы, следует отметить, что совершенство или мастерство не получишь по наследству. Это всегда результат упорного труда и сфокусированного обучения. В будущем потребность к гибкости будет становиться все более ощутимой. А создает ее растущая с каждым днем конкуренция на рынке, высокоскоростные коммуникации, социальная нестабильность, технологические инновации и прочее. В таких условиях способен выжить только очень адаптивный и гибкий индивидуум, а это значит, что коучи играют свою роль в формировании лидеров формата XXI века. Коучинг в России отчасти сродни психотерапии, но стоит ли отводить на коуча отдельную статью бюджета – решать Вам.

Библиографический список

1. *Афанасьева, Е.* Коучинг в России: реалии современности - 2 [Электронный ресурс] / Е. Афанасьева. Brainity. – Режим доступа: http://www.brainity.moscow/society/epoque/kouching_v_rossii_realii_sovremennosti_2/ (дата обращения: 21.05.2016).
2. *Аткинсон, М. Т.* Пошаговая система коучинга. Наука и искусство коучинга. Том вто-

рой [Текст] / Т. М. Аткинсон, Т. Р. Чоис – М.: Литагент «Альпина», 2013. – 251 с.

3. *Бачин, Д. А.* Наставничество как метод обучения и развития персонала [Электронный ресурс] / Д. А. Бачин // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/04/32311> (дата обращения: 12.03.2016).

4. *Дауни, М.* Эффективный коучинг. Уроки коуча коучей [Текст] / М. Дауни – М.: Хорошая книга, 2008. – 288 с.

5. *Захаров, В.* Коучинг в современном бизнес-мире [Электронный ресурс] / В. Захаров. – Режим доступа: <http://delexp.net/kouching-v-sovremennom-biznes-mire/> (дата обращения: 12.03.2016).

6. *Мелия, М. И.* Как усилить свою силу? Коучинг. 2-е изд., доп. [Текст] / М. И. Мелия. – М.: Альпина Паблицер, 2012. – 324 с.

7. *Степанов, С. С.* Психология в лицах [Текст] / С. С. Степанов. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 384 с.

8. *Туркулец, Н. К.* Формирование трудовой мотивации и корпоративного поведения сотрудников организации по социально-управленческой технологии коучинга [Текст]: автореф. дис. канд. социол. наук: 22.00.08 / Н. К. Туркулец. – М.: 2006. – 27 с.

9. *Уитмор, Дж.* Коучинг высокой эффективности. Новый стиль менеджмента, развитие людей, высокая эффективность. 3-е издание [Текст] / Дж. Уитмор. – М.: МАК Международная академия корпоративного управления и бизнеса, 2005. – 168 с.

10. *Харрис, Дж.* Коучинг: личностный рост и успех [Текст] / Дж. Харрис; пер. с англ. А. Бреслав. – СПб.: Речь, 2003. – 105 с.

11. *Цыбульник, М.* Что такое коучинг? (Часть 2) Наши дни [Электронный ресурс] / М. Цыбульник. – Режим доступа: <http://maxcoach.ru/kouching/chto-takoe-kouching-2> (дата обращения: 15.03.2016).

УДК 347.27.01
ББК 67.404

ДОСТУПНОСТЬ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. А. Скоробогатова

Научный руководитель: *Биткина И. К., к.э.н., доцент*

Аннотация. На сегодняшний день вопрос приобретения жилья актуален для большинства граждан Российской Федерации. Далеко не каждый человек может позволить себе приобрести недвижимое имущество без использования заемных средств. Поэтому единственным способом покупки жилья является ипотечное жилищное кредитование. Однако далеко не всем доступен данный кредит из-за низких доходов населения, большой процентной ставки и значительной переплаты за ссуду. Поэтому основная задача государства состоит в том, чтобы сделать ипотечное жилищное кредитование доступнее.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, доступность кредита, недвижимость, кредит, жилье, стратегия.

THE AVAILABILITY OF MORTGAGE LENDING IN THE RUSSIAN FEDERATION

O. A. Skorobogatova

Supervisor: *Bitkina I. K., candidate of Economics, associate Professor*

Abstract. Today the problem of housing, the majority of citizens of the Russian Federation. Not everyone can afford to purchase real property without the use of borrowed funds. Therefore, the only way to buy a home is mortgage lending. However, not all the credit available due to low incomes, greater interest rates and a significant overpayment for the loan. Therefore, the main task of the state is to make mortgage lending more accessible.

Key words: mortgage lending, credit availability, real estate, credit, housing, strategy.

Обеспечение населения с различным уровнем дохода доступным жильем, как показывает мировая практика, допустимо только при ис-

пользовании ипотечного жилищного кредитования. Однако воспользоваться им далеко не каждому по карману. Даже до наступления экономи-

ческого кризиса всего лишь 3 % российских семей с доходами на каждого человека более 25000 руб. в месяц могли совершить покупку недвижимости по социальным нормам жилья; с заработной платой от 15000 до 25000 руб. – 5 % граждан по силам было приобрести квартиру около 40 кв. метров; а с доходами от 10000 до 15000 руб. – 7 % домохозяйств имели возможность купить жилье порядка 20 кв. метров [1, с. 38]. Для остальных граждан ипотечное жилищное кредитование недоступно.

Доступность кредита представляет собой возможность для кредиторов осуществлять кредитные операции, а для заемщиков право получать заемные средства. Изучение понятия доступности позволило определить ее как обширную категорию, в которой переплетаются всевозможные социально-экономические, демографические и поведенческие взаимосвязи. Доступность ИЖК для каждой конкретной семьи определяется получаемыми доходами, средневзвешенной процентной ставкой по кредиту, а также сроком его возвращения. Процентные ставки напрямую зависят от уровня инфляции. Данные факторы – доходы граждан и уровень инфляции – внешние по отношению к системе ипотечного жилищного кредитования [2, с. 177–179]. Доступность жилищного кредита целиком зависит от стоимости жилья, поэтому одним расширением возможностей для кредитования повышения доступности кредита добиться нелегко.

Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ) провело опрос, согласно которому основными препятствиями для получения данного вида кредита население считает: низкие доходы (33 % опрошенных), большие ставки по кредиту (27 %), отсутствие уверенности в стабильном доходе (19 %). То есть основные сложности всего лишь на треть зависят от банков. Каждый пятый опрошенный отметил, что немаловажными факторами, которые препятствуют развитию ипотеки, являются стремительный рост цен (15 %) и их нестабильность (9 %) [4].

Доступность кредита, т.е. возможность граждан совершить покупку недвижимости за счет собственных и заемных средств, характеризует уровень развития общества. При этом жилищный кредит должен носить рыночный характер, быть полностью прозрачным и понятным для всех участников данного процесса. Ипотечное жилищное кредитование должно стать определяющим фактором в развитии жилищного

строительства и обеспечении граждан имуществом по доступным ценам при условии государственной поддержки, так как у банков нет «длинных денег», и процентные ставки по ссудам на сегодняшний день недостижимы основной массе населения РФ.

Для того чтобы повысить доступность ипотечного жилищного кредита для большинства граждан нашей страны, требуется:

- реализовать комплекс мер, которые направлены на увеличение допустимых сроков кредита, что позволит уменьшить величину периодических платежей;
- предоставить условия для того, чтобы снизить процентные ставки за счет управления рисками;
- сформировать механизмы, которые позволят накапливать первоначальные взносы, необходимые для получения ипотечных кредитов;
- создать новые ипотечные продукты для охвата в качестве потенциальных заемщиков отдельных категорий граждан, статус которых определяет прогноз устойчивого увеличения их доходов в будущем (молодые семьи, военнослужащие и т.д.).

Развитие ипотеки является одним из приоритетных направлений государственной политики. Главной функцией государства в процессе формирования рыночной системы долгосрочного жилищного кредитования является создание соответствующей законодательной и нормативной базы для правового обеспечения прав кредиторов, которые предоставляют долгосрочные кредитные ресурсы, а также предоставление социальных гарантий народу, приобретающему недвижимость с помощью данной ссуды. Задача государства состоит в определении наилучшего баланса прав, делающего систему кредитования прибыльной и менее рискованной для банков, а также доступной и безопасной для заемщиков. В настоящее время в Российской Федерации проводится ряд мер по повышению доступности ипотечного жилищного кредитования. Это меры, касающиеся уменьшения долговой нагрузки на заемщиков, а также меры по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов при сохранении степени доходности банка. В их числе возможно выделение таких критериев, как снижение ежемесячных платежей за счет увеличения срока кредита, а также за счет частичного погашения части основного долга [3, с. 223–229]. Для того

чтобы жилищный кредит стал доступным для большинства населения нашей страны, чьи доходы на среднем уровне, необходимо снизить процентные ставки по кредитам, уменьшить требования к первоначальному взносу, ввести право на отсрочку платежа по кредиту. Нельзя позволять, чтобы банки, преследуя только свои интересы, пользовались безнадежным положением заемщиков, оборачивали для него сделку по ИЖК в кабалу.

Согласно «Долгосрочной стратегии развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации», разработанной Агентством по ипотечному жилищному кредитованию к 2030 г. необходимо обеспечить доступность приобретения, строительства, найма жилья с помощью жилищного кредитования для 60 % семей [5]. Данная стратегия исходит из того, что при реализации антикризисных мер экономика РФ выйдет из кризиса, рынок ипотечного жилищного кредитования будет восстанавливаться, а к окончанию периода основные показатели достигнут значений, которые были до кризиса. Важнейшими задачами для осуществления стратегии являются восстановление доверия к ипотечному рынку у заемщиков, кредиторов и инвесторов, а также мотивация строительства жилья при помощи развития механизмов кредитования жилищного строительства под залог недвижимости и поддержание платежеспособного спроса на приобретение квартиры на первичном рынке. Стратегия заключается в полном восстановлении рынка ипотечного жилищного кредитования в период с 2012 по 2030 гг. и выходе на стабильный экономический рост. Восстановление банковской системы после экономического кризиса завершится, и банки начнут оживленно предлагать ипотечные кредиты населению, за счет этого концентрация рынка снизится. Появление новых механизмов жилищного финансирования позволит достигнуть баланса между спросом и предложением на рынке

жилья. Средняя ставка по ссуде будет составлять 6 % годовых, а средний срок кредита возрастет. К 2030 г. рынок ипотеки достигнет насыщения, и число семей, имеющих возможность воспользоваться кредитом, достигнет 60 %.

Таким образом, для граждан Российской Федерации покупка собственного жилья при помощи ипотечного жилищного кредитования является практически единственным способом решения жилищной проблемы. В связи с высокой стоимостью недвижимости и низкими доходами населения далеко не многие семьи могут себе позволить приобрести квартиру без использования заемных средств.

Библиографический список

1. Коробчанская, Е. А. Ипотечное кредитование в посткризисный период: как не допустить старых ошибок [Текст] / Е. А. Коробчанская // Банковский ритейл. – 2011. – № 1.
2. Куликов, А. Г. Развитие ипотечного жилищного кредитования в России: вопросы радикального обновления методологической базы [Текст] / А. Г. Куликов // Деньги и кредит. – 2014. – № 2.
3. Левина, Л. И. Региональный подход к развитию моделей ипотечного кредитования как фактор обеспечения жильем населения [Текст] / Л. И. Левина, Н. В. Пересыпкина // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – № 4.
4. Национальное агентство финансовых исследований [Электронный ресурс]. – М., 2008. – 2015. – Режим доступа: <http://nacfin.ru>.
5. Развитие рынка ипотечного жилищного кредитования и деятельность АИЖК. Итоги 2014 года [Электронный ресурс] / Аналитический центр АИЖК – № 2. – 2015. – Режим доступа: <http://www.ahml.ru>. (дата обращения: 05.10.2016).

УДК 331.108.2

ББК 60.823.3

УПРАВЛЕНИЕ АДАПТАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА

Е. Д. Патутина

Аннотация: В свете актуальности поиска новых эффективных подходов к управлению персоналом была рассмотрена адаптация персонала и ее влияние на результаты деятельности организации. Проанализированы понятия адаптации. Рассмотрены классификации адаптации по уровню осуществления: первичная и вторичная; по направлению осуществления: социальная, производственная, психофизиологическая, организационная, экономическая. Обозначена проблема законодательного регулирования процесса адаптации персонала в современных организациях. Отмечено отсутствие сотрудников, ответственных за разработку и проведение адаптационных мероприятий для новичков. Установлена эффективность адаптационных программ, разработанных конкретно для каждой организации, подразделения. Посредством эффективной адаптации персонала происходит достижение текущих целей организации, осуществление эффективного руководства. Определена полезность адаптационных мероприятий для руководителя, коллектива в целом. Рассмотрено наставничество как эффективный инструмент управления руководителя, отмечены особенности и принципы деятельности наставников.

Ключевые слова: адаптация персонала, профессиональная адаптация, трудовая адаптация, наставничество, наставник, адаптационная программа.

MANAGEMENT OF ADAPTATION OF PERSONNEL

E. D. Patutina

Abstract. In light of the urgency of finding new effective approaches to personnel management, was considered the adaptation of staff and its impact on organizational performance. We analyzed the concept of adaptation. We consider the adaptation of the classification level: primary and secondary; and in the direction of implementation: social, industrial, psychophysiological, organizational, economic. The problems of legislative regulation of the process of adaptation of personnel in modern organizations. It noted the absence of the staff responsible for the development and implementation of adaptation activities for beginners. The effectiveness of adaptation programs designed specifically for each organization unit. Through effective adaptation of personnel going to achieve the current goals of the organization, the implementation of effective leadership. Identify useful adaptation measures for the leader, the team as a whole. Considered mentoring as an effective management tool head, marked features and principles of activity of teachers.

Key words: adaptation of personnel, professional adaptation, adaptation of labor, coaching, mentor adaptation program.

В современной экономической ситуации одной из актуальных проблем организаций и учреждений Российской Федерации является кадровый дефицит, в связи с чем становится понятным стремление руководителей удержать, а также привлечь высококвалифицированный персонал в штат. Развитие рынка товаров и услуг в условиях действия инновационной модели экономики страны ставит перед организациями всех форм собственности необходимость организационно-управленческих перемен. Управлять по-старому в быстро изменяющейся конкурентной среде становится невозможным, требуется использование новых управленческих инструментов.

Одним из современных эффективных подходов к управлению является адаптация персонала, которая позволяет исключить воздействие большинства негативных факторов внутренней

среды организации в области групповой динамики коллектива, производительности труда, текущих кадров и других показателей, определяющих деятельность организации.

Адаптация (от лат. *adapto* – приспособляю) – приспособление организма к изменяющимся внешним условиям [15, с. 87]. Понятие «адаптация» впервые появилось в XIX в., первоначально использовалось в биологии при изучении живых организмов. Ученые-биологи Ж. Б. Ламарк в 1809 г., Ч. Дарвин в 1859 г. сформулировали и научно обосновали проблему адаптации биологических видов. В процессе развития научных знаний понятие адаптации вышло за рамки биологии, стало использоваться в медицине, социологии, менеджменте, психологии [12, с. 157; 5, с. 71].

В современной науке существуют различные подходы к определению термина «адапта-

ция». Во всем своем многообразии определения сводятся к двум основным формам этого явления: адаптация как непрерывный и постоянный процесс приспособления к условиям внешней среды и адаптация как свойство любой органической живой системы.

Так, А. А. Литвинюк считает, что адаптация – это взаимное приспособление сотрудника и коллектива организации, результатом которого становится эффективное функционирование как сотрудника на новом рабочем месте, так и организации, в ряды которой он влился [13, с. 214]. С точки зрения ученого, определяющую роль в сущности адаптации играет полученный положительный результат.

В. М. Маслова пришла к выводу, что адаптация – это процесс приспособления работника к содержанию и условиям трудовой деятельности, к непосредственной социальной среде [14, с. 89]. В данном определении исследователь на первый план выдвигает процесс адаптации как таковой, говоря о его значимости.

Е. С. Яхонтова высказала мнение, что адаптация – процесс познания нитей власти, процесс достижения доктрин, принятых в организации, процесс обучения, осознания того, что является важным в этой организации или ее подразделениях [18, с. 96]. Таким образом, автор указывает на масштабность процессов, происходящих в рамках адаптации вновь принятого сотрудника в организации и коллективы.

Опираясь на выше приведенные определения, можно смело утверждать, что адаптация в организации, как правило, не ограничивается приспособлением и профессиональной ориентацией, это многоаспектный процесс. Так, А. А. Литвинюк выделяет социальную, производственную, профессиональную, психофизиологическую, организационную и экономическую адаптацию [9, с. 96]. Вышеперечисленные виды адаптации являются важными компонентами единой непрерывно взаимодействующей системы. Задача менеджера состоит в том, чтобы организовать управление системой адаптации, обеспечить быстрое и успешное привыкание нового сотрудника в организации.

Значительное внимание в современном менеджменте уделяется проблемам трудовой адаптации, что связано, прежде всего, с существенными изменениями, происходящими в законодательстве Российской Федерации. Приходя

на новую работу, человек стремится к удовлетворению трудовых задач и потребности развиваться в профессиональном плане. С другой стороны, организация-работодатель заинтересована в эффективной работе персонала для достижения своих стратегических целей. Трудовая адаптация персонала изучается современными исследователями для того, чтобы помочь новым сотрудникам в сжатые сроки включиться в производственный процесс, а компании – добиться максимальной результативности труда. Сегодня необходимость внедрения в организациях и учреждениях специально ориентированных организационных мер по адаптации персонала, направленных на повышение качества оказываемых услуг, значительно возросла [3, с. 44]. К сожалению, в современной России практически нет организаций с решенными проблемами корпоративной культуры и непосредственно действующей системой адаптации сотрудников.

В большинстве случаев кадровые службы и руководители, принимающие новых сотрудников, не находят времени на элементарные мероприятия по их адаптации в организации. Подобное отношение может стать причиной формирования негативного мнения нового сотрудника о корпоративной культуре и руководстве организации, снизить его мотивацию к труду. Без помощи со стороны кадровой службы период адаптации вновь принятых работников может увеличиться в 2–3 раза по отношению к сроку прохождения адаптации по специально разработанной программе и под руководством опытного наставника.

Управление трудовой адаптацией является одной из важнейших проблем работы с персоналом в организации при привлечении кадров. Потраченное время и трудовые ресурсы менеджеров по найму персонала будут целесообразными лишь в том случае, когда новый сотрудник успешно включится в производственный процесс и трудовой коллектив, останется работать на длительный срок. В случае его увольнения придется собеседовать новых кандидатов, на что вновь будут потрачены ресурсы. В подавляющем большинстве организаций Российской Федерации специальной службы, отвечающей за адаптацию вновь прибывшего персонала, не существует. При необходимости адаптационное сопровождение сотрудников выполняют отделы кадров или опытные сотрудники из разных под-

разделений. Их главной целью является сделать процесс адаптации новых работников в организации наиболее коротким и безболезненным.

Необходимо отметить, что непосредственное осуществление адаптации не отличается большими особенностями. Процесс приспособления непосредственно начинается в отделе кадров при приеме на работу. Специалист отдела кадров проводит небольшую беседу, в которой в общих чертах знакомит с организацией в целом и отделом, где предстоит работать новичку. Затем он представляет его непосредственному руководителю, который, в свою очередь, проводит знакомство с коллективом, коллегами по работе и рабочим местом. Как правило, к новому сотруднику прикрепляют наставника из числа более опытных и старших сотрудников. В большинстве случаев в течение месяца руководитель проводит периодические беседы с новым работником, интересуясь возникающими трудностями, для проведения периодической оценки работы. Контроль за ходом процесса адаптации со стороны отдела кадров не проводится [1, с. 194].

Одним из главных элементов трудовой адаптации является адаптационная программа - конкретный план действий по трудовой адаптации нового сотрудника. Адаптационная программа представляет собой комплекс мероприятий, направленных на облегчение вхождения нового сотрудника в организацию [4, с. 80]. Для каждой организации разрабатывается и применяется специальная адаптационная программа, учитывающая особенности корпоративной культуры, коллектива, категорию принимаемого специалиста и проч. В целях достижения максимальной эффективности адаптационные программы охватывают организацию целиком.

Программа адаптации, как правило, включает в себя следующие мероприятия.

1. Вводный семинар для нового сотрудника – необходим для создания положительного впечатления о компании. Производится информирование об истории создания компании, организационной структуре, миссии и ценностях компании, предоставляемых продуктах и услугах.

2. Экскурсия – знакомство с компанией.

3. Непосредственная адаптация на рабочем месте – знакомство с руководителями, коллегами, разъяснение должностных инструкций, информирование о системе оплаты труда (премии, бонусы) и отдыха (отгулы, отпуск, боль-

ничные листы), изучение перспектив карьерного роста [2, с. 44]. При необходимости – детальное изучение техники безопасности на рабочем месте, проставление отметок в специальных журналах.

4. Обучение нового сотрудника на рабочем месте. При наличии наставника обучение производится в процессе адаптации им. Если компания не практикует наставничество, оказать помощь и обучить новичка могут опытные коллеги или руководитель подразделения.

5. Разработка системы и критериев оценки адаптационной программы. Для этого используются специальные разработанные в компании анкеты, которые заполняются новым сотрудником и его наставником. Обработка анкет позволит судить об успешности прохождения адаптации новым сотрудником в организации [11, с. 98].

Адаптационные мероприятия не ограничиваются списком, приведенным выше, дополнительно можно использовать видеоролики о деятельности компании, информационные брошюры для вновь принятых сотрудников и т.д. В результате изучения определений, типов и проблем трудовой адаптации вновь принятого персонала в организации выявлена необходимость введения некоторых рекомендаций по проведению адаптации на практике [8, с. 89]. Меры по ускорению и повышению результативности адаптационных мероприятий позволят новым сотрудниками быстрее заработать в полную силу, влиться в коллектив, что, несомненно, принесет компании пользу.

В период адаптации следует постепенно вводить нового сотрудника в должность, по возможности исключая ситуации, способные оказать негативное влияние на приспособление к новым условиям труда (психические и эмоциональные перегрузки, дефицит информации). Управление адаптацией предпочтительно осуществлять как активное воздействие на факторы, определяющие ее эффективность. Мероприятия по адаптации нового сотрудника в коллективе и на рабочем месте позволяют уменьшить стартовые издержки на каждого вновь принятого человека. Важно учитывать психологическое состояние адаптируемого сотрудника – наилучшим результатом будет снижение тревожности и боязни провалов и несоответствия на новом рабочем месте. Управление адаптацией позволит влиять на текучесть кадров в организации, качественная

программа адаптации позволит значительно снизить текучесть персонала [6, с. 138].

Быстрое обучение и введение в курс текущих дел на рабочем месте позволит сэкономить время руководителя, которому не придется часто помогать новичку в процессе выполнения возложенных на него обязанностей, разъяснять некоторые вопросы, консультировать по текущей деятельности. И в заключение следует отметить высокую степень удовлетворенности работой эффективно адаптированных сотрудников, их позитивное отношение к своему отделу, организации в целом.

Процедура введения в должность должна включать принятие норм и правил жизни организации, усвоение необходимой для работы информации, разъяснение подробностей осуществления трудовой деятельности и ожиданий организации от конкретного сотрудника. Правильно донесенная и усвоенная конкретным человеком информация является важным положительным результатом адаптации. Нормативно-правовые акты Российской Федерации не дают представления, как именно организовать систему адаптации персонала в организациях. Следовательно, этот вопрос можно считать управленческим, разработки в этой области могут быть разнообразными, отвечающими потребностям каждой конкретной фирмы или предприятия [7; 10; 16].

Стойкий положительный результат дает использование наставничества в рамках адаптационной программы. Наставничество – это процесс, когда один человек ответственен за продвижение и развитие другого человека – новичка – вне рамок обычных взаимоотношений менеджера и подчиненного [17, с. 48]. Применение наставничества как формы адаптационного мероприятия помогает сплотить коллектив организации, способствует росту ответственности, ускоряет срок адаптации, повышает мотивацию и производительность труда. Функции наставников обычно выполняют: руководитель подразделения, в которое принят новый сотрудник, сотрудник службы персонала или коллега новичка. Предполагается, что наставник совмещает основные функции должности с необходимой помощью и консультированием нового сотрудника. Принципиально важны: доброжелательное отношение к наставляемому работнику, непрерывный контроль выполняемой работы, поддержа-

ние связи с руководителем, последовательность и структурированность информирования. Наставничество может быть составной частью адаптационной программы, а также может использоваться отдельно, в рамках ускоренного курса введения в должность. Целесообразно заручиться согласием нескольких потенциальных кандидатов в наставники на случай необходимости использования этого адаптационного инструмента.

С точки зрения руководителя, действующая в организации система адаптации персонала может свидетельствовать о степени развития коллектива, его сплоченности. Эффективная адаптационная программа становится действенным мотивационным инструментом для менеджера: любой профессионал захочет как можно быстрее раскрыть свое мастерство и показать, на что он способен. Если этот процесс выстроен правильно, сотрудник быстрее адаптируется и начнет приносить пользу компании.

Многие системы управления персоналом заинтересованы в сохранении и развитии самого главного ресурса – квалифицированного специалиста. Именно такие сотрудники являются основными ресурсами предприятий, организаций и учреждений, независимо от сферы их деятельности. Использование эффективных адаптационных программ для вновь принятых сотрудников позволит достичь поставленных перед менеджерами целей, отвечающих глобальным задачам деятельности компании.

Библиографический список

1. *Армстронг, М.* Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг; под ред. С. К. Мордовина; пер с англ.; 10-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 848 с.
2. *Баранова, Т. С.* Ключевые моменты в адаптации персонала [Текст] / Т. С. Баранова // Справочник по управлению персоналом. – 2008. – № 4.
3. *Веснин, В. Р.* Управление персоналом в схемах: учебное пособие [Текст] / В. Р. Веснин. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. – 688 с.
4. *Володина, Н. А.* Особенности адаптации: от рабочего до руководителя [Текст] / Н. А. Володина // Справочник кадровика. – 2009. – № 3.
5. *Дарвин, Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Перевод с шестого

издания (Лондон, 1872) [Текст] / Ч. Дарвин. – СПб.: С.-Петербургское отделение «Наука», 1991.

6. *Евстафьева, М. В.* Приспособить новичка [Текст] / М. В. Евстафьева // Справочник по управлению персоналом. – 2009. – № 4.

7. Закон РФ от 19.04.1191 № 1032-1 «О занятости населения в РФ» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 24.06.2016).

8. *Иванова, С. П.* Кандидат, новичок, сотрудник. Инструменты управления персоналом, которые реально работают на практике [Текст] / С. П. Иванова. – М.: Экмо, 2008. – 304 с.

9. *Колбачев, Е. Б.* Управление персоналом: учебное пособие [Текст] / Е. Б. Колбачев. – Ростов н/Д.: Феникс, 2014. – 381 с.

10. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изм. от 21 июля 2014 г.) // Собрании законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

11. *Крутцова, М. Н.* Управление адаптацией персонала: учебное пособие [Текст] / М. Н. Крутцова. – Вологда: Легия, 2010. – 128 с.

12. *Ламарк, Ж. Б.* Избранные произведения в двух томах. Том 1: Вступительные лек-

ции к курсу зоологии, Философия зоологии (1809) [Текст] / Ж. Б. Ламарк. – АН СССР, 1955. – 965 с.

13. *Литвинюк, А. А.* Управление персоналом: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. Серия: Бакалавр. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / А. А. Литвинюк. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 498 с.

14. *Маслова, В. М.* Управление персоналом: учебник. Серия: Основы наук [Текст] / В. М. Маслова. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 488 с.

15. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка [Текст]; под ред. Л. И. Скворцова / С. И. Ожегов. – Оникс, 2010. – 736 с.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (ТК РФ) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12125268/1/#block_100000#ixzz4hSOWMdKv. (дата обращения: 17.08.2016).

17. Управление персоналом на производстве [Текст]: учеб. пособ. для вузов / под ред. Н. И. Шаталовой, Н. М. Бурносова. – М.: ИНТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

18. *Яхонтова, Е. С.* Стратегическое управление персоналом: учебное пособие [Текст] / Е. С. Яхонтова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 384 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛЕКСИНА** – магистрант кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Надежда Владимировна
контактная информация: kuzmina.nadezhda@gmail.com
- БОКМАН** – магистрант кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Анна Евгеньевна
контактная информация: ae.bokman@rambler.ru
- ВИШНЕВСКИЙ** – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Владимир Сергеевич
контактная информация: volgnauka@yandex.ru
- ВОДЯНИКОВА** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Институт Философии и социально-политических наук Южного федерального университета
Ирина Федоровна
контактная информация: vodjanikova@yandex
- ДУДИНА** – магистрант кафедры государственного управления и политологии Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Оксана Сергеевна
контактная информация: oksana.gormashova@mail.ru
- ЗОТКИНА** – магистрант кафедры государственного и муниципального управления, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Марина Владимировна
контактная информация: marina_zotkina@rambler.ru
- ИВАНОВ** – магистрант кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
Виктор Анатольевич
контактная информация: ivanov.viktor-93@yandex.ru
- ИВАНОВА** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры корпоративного управления, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Татьяна Борисовна
контактная информация: nika20021960@bk.ru
- ИМАНОВ** – магистрант кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Джамиль Эльчинович
контактная информация: d-imanov@mail.ru
- ИСАЯН** – аспирант кафедры философии и социологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Гоар Владимировна
контактная информация: sociology@vags.ru
- КАРЧАГИН** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет
Евгений Владимирович
контактная информация: evgenkar@yandex.ru
- КЛЕЙТМАН** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Александр Леонидович
контактная информация: kelenav1@yandex.ru

- КОЧЕТКОВА** – экономист 1-й категории,
Диана Родионовна
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: diana_kruglik@list.ru
- МКРТЧЯН** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и
Елена Рафаеловна
социологии,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: melenar@mail.ru
- МОЛОКАНОВ** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и
Виктор Михайлович
финансов,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: vikmol@inbox.ru
- МАЛЯВИНА** – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Светлана Сергеевна
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: s.malyavina@yandex.ru
- МОРОЗОВ** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государ-
Илья Леонидович
ственного управления и политологии,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: politkon@mail.ru
- ОДИНЦОВ** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и
Александр Владимирович
социологии,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: yugrasil@yandex.ru
- ПАТУТИНА** – магистрант кафедры Корпоративного управления,
Елена Дмитриевна
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: patutinae@vags.ru
- РВАЧЕВА** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного
Ольга Владимировна
управления и политологии,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: olgarvacheva@mail.ru
- СИВКОВ** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и
Денис Юрьевич
социологии, Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС
контактная информация: d.y.sivkov@gmail.com
- СКОРОВОГАТОВА** – магистрант кафедры финансы и кредит,
Олеся Андреевна
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
контактная информация: olesyask93@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 4 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **бесплатно**, номер журнала можно получить в научном отделе ВФ РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303), иногородним авторам будет выслан по указанному Вами адресу.

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов.

В первом файле на русском и английском языках данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень и ученое звание, должность, контактная информация (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail). Информация о результатах проверки на плагиат, а также о том, что рукопись не была опубликована ранее и не будет направлена в другое издание.

Во втором файле материал для публикации. Требования к **рукописям**:

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК (на русском языке); заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (50–100 слов), ключевые слова (5–8) на русском и английском языках.

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется словом **Библиографический список**, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (чёрно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант). **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат». Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском или английском языках. Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования. **Адрес для пересылки статей и последующей переписки: vestnik-vags@yandex.ru**

Более подробная информация о требованиях, рекомендациях для подготовки научных публикаций в журнал расположена по адресу:

http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**
Серия: политология и социология. 2016. № 4.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редакторы *Н. В. Никитина, М. И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ №ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 06.10.2016. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 8,61. Физ. п. л. 10.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10